RUDOLF STEINER

Die Geheimnisse der biblischen Schöpfungsgeschichte

Das Sechstagewerk im 1. Buch Moses

GA 122

RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH/SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

ТАЙНЫ БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ СОТВОРЕНИЯ МИРА

(Шестоднев Книги Бытия)

Цикл из десяти лекций и одна вводная лекция
Мюнхен, с 16 по 26 августа 1910 года

Библ. № 122
Сверка и редакция Соломона Шнитцера

ANTHROPOS
Ереван 2004

УДК 27-242.5:133
ББК 86.37
Ш87

Ш87 Штайнер Рудольф
Тайны библейской истории сотворения мира. (Шестоднев Книги Бытия)// — Ереван.: Антропос, 2004. — 208 с.

В настоящем курсе лекций Рудольф Штайнер производит анализ первых глав Книги Бытия и устанавливает соответствие между Священным Писанием и воззрениями оккультных школ на сотворение мира. В нем выявляются сущностные моменты совместных действий Духов времени — Эонов, Яхве, Элохимов и других духовных существ в процессе сотворения Вселенной и человека. Затрагиваются аспекты противоположности Света и Тьмы. Раскрывается тайна сущности Яхве-Элохима. Показывается, что правильно прочтенные библейские тексты соответствуют результатам ясновидческого исследования.

Курс лекций предварен вступительной лекцией, посвященной анализу постановки драмы-мистерии и создающей особый духовный настрой, необходимый для подобающего рассмотрения глубинных вопросов божественного творения. Является одним из образующих курсов, на которых строится антропософский анализ Библии от Книги Бытия, до Апокалипсиса.

ББК 86.37

Оригинал этой книги
опубликован на немецком языке под названием
Die Geheimnisse der biblischen Schöpfungsgeschichte
Das Sechstagewerk im 1. Buch Moses
в издательстве Rudolf Steiner Verlag, Dornach (Schweiz)
как том 122 в Собрании трудов Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner Gesamtausgabe).
Публикация данного перевода согласована
с Управлением наследием Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner-Nachlaßverwaltung, Dornach)

ISBN 99930-78-45-X

СОДЕРЖАНИЕ

УДК 27-242.5:133
ББК 86.37
Ш87

Ш87 Штайнер Рудольф
Тайны библейской истории сотворения мира. (Шестоднев Книги Бытия)// — Ереван.: Антропос, 2004. — 208 с.

В настоящем курсе лекций Рудольф Штайнер производит анализ первых глав Книги Бытия и устанавливает соответствие между Священным Писанием и воззрениями оккультных школ на сотворение мира. В нем выявляются сущностные моменты совместных действий Духов времени — Эонов, Яхве, Элохимов и других духовных существ в процессе сотворения Вселенной и человека. Затрагиваются аспекты противоположности Света и Тьмы. Раскрывается тайна сущности Яхве-Элохима. Показывается, что правильно прочтенные библейские тексты соответствуют результатам ясновидческого исследования.

Курс лекций предварен вступительной лекцией, посвященной анализу постановки драмы-мистерии и создающей особый духовный настрой, необходимый для подобающего рассмотрения глубинных вопросов божественного творения. Является одним из образующих курсов, на которых строится антропософский анализ Библии от Книги Бытия, до Апокалипсиса.

ББК 86.37

Оригинал этой книги
опубликован на немецком языке под названием
Die Geheimnisse der biblischen Schöpfungsgeschichte
Das Sechstagewerk im 1. Buch Moses
в издательстве Rudolf Steiner Verlag, Dornach (Schweiz)
как том 122 в Собрании трудов Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner Gesamtausgabe).
Публикация данного перевода согласована
с Управлением наследием Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner-Nachlaßverwaltung, Dornach)

ISBN 99930-78-45-X

СОДЕРЖАНИЕ

Первая лекция

Мюнхен, 16 августа 1910 г.

Нам предстоит важный цикл лекций, и нелишне заметить, что к такому циклу лекций мы можем приступить только теперь — после того, как мы годами работали на духовнонаучной ниве. И надо добавить, что те великие идеи, которые будут нас занимать в последующие дни, требуют в известном отношении того настроения, какое мы получили от представлений, рассмотренных нами за два последних дня. Ведь эти представления должны были привести наши сердца к тому настроению, к тому строю чувств, который необходим, дабы то, что встретится нам в сфере антропософии[1*], было проникнуто истинным теплом и истинной задушевностью.

Часто уже указывалось на то, что сами идеи, отвлеченные мысли, встречающиеся в нашей сфере, только тогда смогут проявить всю энергию своего воздействия в нашей душе, когда они будут погружены в эту теплую задушевность переживания. Она позволяет нашей душе впервые ощутить, что благодаря нашим антропософским идеям мы приближаемся к той области бытия, к которой надо иметь не только познавательное устремление, но и обратиться своим сердцем; относительно которой пристало иметь то настроение, что мы можем в полном смысле слова обозначить как настроение святости. Да и сам я, быть может, годами не имел на душе того, что именно сейчас, приступая к циклу лекций, о котором не без основания можно сказать, что он дерза-

* Арабскими числами помечены примечания приведенные в конце книги — *прим. ред.*

ет несколько приблизить человеческую мысль к тому, что в продолжение тысячелетий в качестве праслова пронизывало сердца людей и занимало человеческие умы; что он дерзает обратить мысль и сердце человека к тому, что может быть ему дано, что должно быть им пережито как самое высокое, самое потрясающее — величие его собственного происхождения.

Прежде чем начинать этот цикл лекций, я позволю себе, пожалуй — по прошествии двух предыдущих дней — коснуться кое-чего антропософски-неформального, именно по той причине, что мы уже были подготовлены к данному циклу. Уже в начале предыдущего цикла лекций* я мог указать на то символическое значение, какое для нашей антропософской жизни имеют именно эти мюнхенские представления, а также и на поддерживавшее нас в продолжение многих лет то, что мы в истинно антропософском смысле можем назвать терпением и умением выжидать до тех пор, пока созреют наши силы для известной работы. И я еще раз напомню вам, что постановка «Детей Люцифера[2]», которую мы осуществили в прошлом году и были так счастливы повторить в году этом, — что постановку эта необходимо было терпеливо готовить в продолжение целых семи лет. Этому представлению должна была предшествовать семилетняя работа на антропософской ниве. В прошлом году я упомянул, что при основании нашей берлинской секции я прочитал лекцию** по поводу этой драмы, «Дети Люцифера», а постановка этой драмы на сцене только еще витала перед душой как идеал будущего. После семилетней антропософской работы нам это удалось, и мы можем видеть в этом до известной степени некую веху в нашей антропософской жизни. Нам предстояло

* «Восток в свете Запада. Дети Люцифера и братья Христа» (ПСС. Т. 113).

** В начале апреля 1902 года в кругу «Грядущих». Стенограммы не сохранилось.

представить духовному взору наших милых друзей художественное воспроизведение антропософской жизни и мысли. Мы чувствуем себя поистине на нашем антропософском уровне, когда в такие минуты ощущаем, как нам передается и в нас вливается антропософская жизнь. Автор «Детей Люцифера», которого мы имели счастье видеть среди нас в прошлом году при нашей первой постановке этой драмы и прошлогоднем цикле лекций и присутствие которого радует нас и в этом году, в своем выдающемся труде «Великие Посвященные» создал такое удивительное сочетание идей, воздействие которых на мысль и дух современности в истинном свете оценит лишь будущее.

Наверняка вы очень удивились бы, сравнивая современную оценку известных духовных фактов и духовных трудов прошедшего с той оценкою, которая существовала в умах тогдашних современников. Очень легко спутать свой образ суждений относительно Гёте, Шекспира или Данте с тем, что их современники были способны прозревать и охватывать взглядом, те духовные силы, что находили свое воплощение посредством подобных личностей, стоявших в авангарде человеческого духа, и мы, будучи антропософами, должны особенно сознавать, что труднее всего судить о значении для человечества, о воздействии на души духовных трудов живущих с нами современников. И если принять в расчет, что грядущее время совсем не так будет судить, как настоящее, тогда позволительно сказать, что появление труда «Великие Посвященные» для духовного богатства и духовного прорыва нашего времени будет когда-нибудь считаться чем-то в высшей степени знаменательным. Ибо уже сегодня в широчайших кругах современной культуры в душах слышится отклик, пробужденный именно тем, что идеи эти уже нашли себе доступ во многие сердца наших современников. Отклик этот в высшей степени знаменателен для наших современ-

ников, ибо несть числа тем, для кого он означает уверенность в жизни, утешение, твердость и надежду в самые тяжелые минуты житейской борьбы. И только когда мы должным образом сумеем радоваться такому великому деянию современности, мы сможем сказать, что в груди у нас — истинное антропософское чувство и антропософское настроение более высокого порядка. Из той же душевной глубины, которая породила идеи «Великих Посвященных»[3], созданы и отлиты образы «Детей Люцифера». Они рисуют перед нами великое время человечества — время, когда в становлении мира старое, увядающее сталкивается с новым, расцветающим. И антропософам надлежит понять, как в этой драме сходится двоякое: человеческая жизнь, человеческая работа, человеческие деяния на физическом плане, как они представлены через образы в «Детях Люцифера», а в эту жизнь, в эту работу светит то, что мы зовем просветлением из высших миров. И постановкой на сцене такой драмы, где рисуется не только то, как человеческие стремления и человеческие силы коренятся в сердце и в голове, но как в них проникают инспирации из священных храмов мистерий, как незримые силы воспламеняют и воодушевляют человеческие сердца — причем зримым становится взаимосплетение сверхчувственных миров и нашего мира чувств, — такой постановкой мы сможем установить определенную веху в нашем антропософском движении.

И, приступая к этому циклу лекций, я еще раз повторю, что самое важное, самое существенное во всем этом — найти сердца, приуготовленные к восприятию таких произведений. Велико заблуждение нашего времени, когда оно полагает, что достаточно создать вещь, чтобы она производила свое действие. Дело вовсе не только в том, что существуют великие творения Рафаэля или Микеланджело, но и в том, что существуют сердца и души, в которых оживает

очарование этих произведений. Рафаэль и Микеланджело творили не для себя одних, но в рамках культурной парадигмы своего времени, вровень со способностью современников воспринимать то, что они передавали полотну. Современная наша культура хаотична, в ней царит разнобой вкусовщины. Действуй на такую культуру величайшие создания человеческого гения — они не тронут сердца. В том и должна заключаться характерная особенность нашего антропософского движения, что в нашем кругу живет единый настрой эмоций и мысли, что в нашей среде возможно поэтому монолитное воодушевление. На подмостках разыгрывается драма в образах — в сердцах зрителей разыгрывается драма, силы которой принадлежат потоку времени; и что переживает каждое сердце в зрительном зале, что коренится в нем, то составляет зародыш будущего. Будем и мы, дорогие мои друзья, стараться чувствовать все это, попытаемся чувствовать не одно только удовлетворение — что, пожалуй, немногого стоит, — но постараемся прочувствовать ту ответственность, которую мы этим берем на себя, ту ответственность, которая говорит нам: служите примером грядущему, когда культура необходимо проникнется сознанием, что здесь, на физическом плане, человек есть посредник между физическими деяниями, физическим становлением, и тем, что только через него может излиться из миров сверхчувственных в этот наш видимый мир.

Так мы становимся впервые как бы единой духовной семьей, влекомые общим отеческим первоначалом, живущим в наших сердцах, — вот что я пытался сейчас охарактеризовать. И если мы в этом смысле воспримем нашим сердцем, всем нашим душевным строем все переживаемое нами — воспримем с чувством принадлежности к одной антропософской семье, — тогда мы ощутим настоящее счастье и узрим с внутренним удовлетворением автора «Детей Люцифера» сре-

ди нас не только во время наших двух театральных представлений, но и во все последующие дни.

Примите это так, чтобы в итоге на деле почувствовать: животворные антропософские силы современности живут в том круге, из которого может проистекать проведенное нами перед своими душами в последние дни.

Для меня уже в прошлом году, мои дорогие друзья, было приятной обязанностью указать именно на арену нашей работы, где нам удалось поставить такую веху нашей антропософской деятельности. Я говорю, для меня было приятной обязанностью — и я ставлю особенное ударение на слово «приятной» и просил бы понимать слово «обязанность» не в обычном тривиальном смысле: для меня и в настоящую минуту приятна обязанность указать на то, с каким не только рвением, но прямо-таки самопожертвованием, с отдачею всех своих сил работали наши друзья, дабы удались наши антропософские предприятия.

Кто в качестве зрителя смотрит такие представления, быть может, не всегда отдает себе отчет в том, как много требуется времени, чтобы воспроизвести на сцене то, что в короткие часы проходит перед его взором. И действительно, работы было немало, но зато по дружному и гармоничному исполнению ее нашими дорогими друзьями, имевшими в виду один лишь успех общего дела, работа эта могла бы до известной степени служить образцом не только антропософской деятельности, но, быть может, и любого другого человеческого взаимодействия, особенно потому, что истинному антропософскому настроению претит все похожее на командование. Успех здесь возможен только тогда, когда все сотрудники готовы служить общему делу всем своим сердцем; и успех зависит именно от этого в совсем другой степени, нежели на каком-либо другом подобном художественном поприще. И эта полная отдача себя делу продолжалась не только в течение немногих недель, предшествовавших постановке дра-

мы на сцене, но эта сердечная совместная работа длилась годами. Так как мы для этой цели съехались из разных стран и знакомство антропософов не может заключаться только в том, что они друг с другом перекинутся несколькими словами, а должно быть настолько интимно, чтобы они знали, что каждому из них дорого и свято в совместной работе, то мне нельзя умолчать в этом случае, как упорно велась здесь работа, — годами, чтобы для известного момента сгруппировать все необходимое для реализации такой антропософской работы, которую нам удалось проделать в последние дни. И не одни внешние обстоятельства, но сердечное влечение понуждает меня в эту минуту указать на самоотверженную работу наших друзей, благодаря которой нам стало возможным пережить виденное нами. Уверяю вас: это стало возможным только благодаря этой самоотверженной работе.

Я уже сказал, что намерен начать настоящий свой цикл лекций своего рода семейным обсуждением разных всем нам близких моментов; и прежде всего я должен здесь вспомнить о той много лет продолжающейся самоотверженной работе двух дам, которые трудятся с полным сознанием цели и в совершенном соответствии с нашими антропософскими идеалами. Уже в продолжение многих лет госпожа Штинде[4] и графиня Калькрейт посвящают все свои силы антропософской работе. И мне лучше всех известно, что только благодаря этой самоотверженной, целенаправленной, с внутренним настроем на антропософские импульсы работе мы могли, к общему удовлетворению, совершить то, что совершили. Поэтому вы поймете, что слова эти я произношу от сердца, преисполненного благодарностью к этим двум мюнхенским сотрудницам. К этому примыкают ревностные работы тех друзей, которые жертвовали, так сказать, своими силами в продолжение недель, посвященных нашей работе.

Вчера мы попробовали представить перед вашим взором в художественном образе* путь к вершинам, на которых человеку возможно постигнуть то, что должно пронизывать антропософское развитие, — то, что надлежит пережить всякому изучающему человеческую душу. В ходе этого цикла лекций не раз придется еще коснуться того или иного, что вчера проходило перед вашим духовным оком. Надлежало показать вам жизнь того, кто устремляется к духовному познанию; показать, как она произрастает из физического плана; как уже все то, что совершается вокруг него здесь, на физическом плане, и что другому могло бы показаться совершенно обыденным, для него получает особенную важность. Душа духоиспытателя должна произрастать именно на почве событий физического плана. Затем надлежало показать, что эта душа должна была внутренне пережить, когда в нее изливается все то, что разыгрывается вокруг нас как судьба человека, как страдание и радость, как заблуждение и порыв; как душа эта может быть раздавлена и растоптана, как сила мудрости через это страдание может проявиться в ней и как именно в тот момент, когда человек мнит, что стал уже до некоторой степени чуждым этому чувственному миру, как именно тогда впервые подступают к нему великие иллюзии.

Да, мои дорогие друзья, словами «мир есть майя или иллюзия» или словами «через познание мы достигаем истины» — этими словами говорится очень много и в то же время все-таки очень мало, ибо то, что утверждается этим, каждый должен пережить по-своему, согласно своему индивидуальному складу. Вот почему то, что справедливо как общее правило, могло быть представлено душевно полнокровным лишь в переживаниях отдельной индивидуальности. Нельзя было

* «Врата Посвящения». Розенкрейцерская мистерия. См. Штайнер Рудольф. Драмы-Мистерии. М.: Энигма, 2004 (ПСС. Т. 14).

поэтому показать, как всякий человек подходит к посвящению, но следовало представить, как конкретная индивидуальность, Иоанн Томазий, согласно своим условиям, может приблизиться к Вратам посвящения. И было бы совершенно неправильным полагать, что сцена в комнате для медитации, подъем Марии из физического тела в Девахан есть явление всеобщее. Явление или событие это вполне реально, духовно-реально; но это событие, благодаря которому именно такая личность, как Иоанн Томазий, должна была получить импульс для подъема в духовный мир.

И мне хотелось бы особенно обратить ваше внимание именно на тот момент, когда душа уже, в сущности, нашла в себе силу быть свободной от обычной иллюзии, — как она тогда только впервые в состоянии встретить великие иллюзии. Предположите только, что Иоанн Томазий не был бы в состоянии понять — он, правда, делает это полубессознательно, чутьем, — что в той личности, которая осталась в медитационной комнате и проклинала иерофанта, больше не обитает индивидуальность, за которой ему надлежит следовать. Предположите, что иерофант или даже Иоанн Томазий могли бы хоть на миг смутиться этим, — тогда возможность продолжать путь познания для Иоанна Томазия была бы отодвинута на необозримое время. Тогда бы в этот момент все было кончено, и не только для Иоанна, но и для иерофанта, если бы тот в это мгновение не был в состоянии раскрыть в Иоанне Томазии могучие силы, способные преодолеть преграду. Иерофант должен был бы отказаться от своей роли, и подъем для Иоанна был бы отсрочен на неопределенное время. Если вы попытаетесь представить себе сцены, предшествовавшие именно этому моменту, и чувства, развивавшиеся в душе Иоанна Томазия, те своеобразные страдания и те особого рода переживания, постигшие его, — тогда вы, быть может, придете к заключению, что сила мудрости в нем — даже

без его ведома — возросла до такой степени, что он в состоянии был перенести этот грозный удар. Все эти переживания, разыгрывающиеся в душе без всяких видений, должны предшествовать тому состоянию, когда мы правильным образом сможем узреть духовным оком — сначала в образах — то, что объективно являет душе духовный мир. Это рисуется перед нами в последующих сценах. Сначала боль пронизывает всего человека: это — сила импульса, происходящая от того, что он противостоял величайшей иллюзии. Все это разрастается в душевную энергию, которая, с позволения сказать, обращает наше видение так, что переживавшееся раньше лишь субъективно предстает перед душой с мощью объективного.

Все происходящее перед вами в последующих сценах, что мы пытались представить духовно-реалистическим образом, — все это рисует чувства постепенно врастающего в высшие миры человека как внешнее отражение его собственных первоначальных душевных переживаний, и они истинны, хотя сам переживающий еще не может достоверно знать, сколько во всем этом отражении есть от истины. Здесь прежде всего открывается, что время, в котором мы живем с нашими внешними чувствами, относительно своих причин и следствий всюду соприкасается с чем-то иным. Тут открывается взору не один лишь узкий фрагмент, который показывает мир наших внешних чувств, но здесь начинаешь постигать, что все, воспринимаемое чувственным глазом, есть лишь выражение духовного. Поэтому Иоанн Томазий видит своим духовным оком того, кого сначала встречал на физическом плане — Капезия, — не таким, каков он теперь, но каким он был десятки лет раньше; он видит его молодым человеком. А другого, Штрадера, он видит не в облике настоящего, но пророчески таким, каким он будет в грядущем, если будет продолжать развиваться согласно настоящему. Мы лишь тогда постигнем настоящий

переживаемый нами момент, если сумеем продлить его за рамки настоящего в прошедшее и в будущее. Но тогда мы встречаемся с тем миром, с которым все события настоящего соединены духовными нитями, — с миром духовным, с которым человек всегда находится в тесном общении, хотя он этого и не в состоянии прозреть своими внешними чувствами и постичь своим внешним физическим рассудком.

В той сцене, где молодой Капезий на основании вполне допустимых для чувственного мира сердечных влечений развивает свои идеалы (своеобразие которых по мерке духовного мира в том, что они коренятся именно во внешнем, воспринимаемом внешними чувствами мире), поверьте мне: это не картинное изображение и не символ, но реалистическое описание, когда в этой сцене показывается, как его слова и слова Штрадера вызывают гром и молнию, проявления элементарных сил природы. Ибо человек не изолированное существо. То, что высказывает человек, то, что он мыслит, что живет в его чувствах и желаниях, соединено со всем космосом, и каждое слово, каждое чувство, каждая мысль имеет свои последствия: без ведома человека его заблуждения, его неправильные чувства действуют разрушительным образом на элементарные царства живого мира. Поэтому первое, что выносит из духовного мира душа идущего по пути познания, это то великое чувство ответственности, которое говорит: «Все, что ты делаешь как человек, ты делаешь не только в замкнутом, изолированном месте, где движутся твои губы, где ты мыслишь, где бьется твое сердце, но это принадлежит всей Вселенной; если оно плодотворно — оно будет плодотворным также для всей Вселенной; если оно разрушительно, то оно будет разрушительной силой для всей Вселенной».

Все, что мы таким образом переживаем при подъеме, продолжает действовать в нашей душе: если оно действовало и работало в ней должным образом, тогда

оно нас поднимает выше и выше в области духовной жизни, как мы их пытались изобразить в деваханической сфере, куда перешла душа Марии и души ее подруг и за которыми следует Иоанн Томазий. Если я вам говорю, что те три ее помощницы — Филия, Астрид и Луна — суть силы, которые мы абстрактно, применительно к физическому плану, называем душами: ощущающей, рассудочной и сознательной, — то принимайте это не за отвлеченные мысли, а за спиритуальную действительность. Не думайте, что мы получим какое-нибудь приобретение, если мы станем символизировать отдельных персонажей в художественном произведении отвлеченными понятиями. Подразумевается не это, они задуманы реальными фигурами, действующими лицами. Ведь в Девахане вы не найдете табличек, где написано «душа ощущающая», «душа рассудочная», «душа сознательная». Вы там найдете настоящих существ, столь же реальных для духовного мира, насколько здесь, на физическом плане, реален человек из плоти и крови. Необходимо проникнуться сознанием, что если ты пытаешься все свести к отвлеченной символике, то лишаешь вещи их полнокровия. Иоанн Томазий пережил в мире, через который он прошел перед этим, лишь то, что можно охарактеризовать так: в виде образов или картин распространялся перед его духовным оком духовный мир; но он еще не умел различить, является ли этот мир продуктом его личных, субъективных переживаний или же этот мир имеет объективную реальность. Что в нем иллюзия и что действительность — это Иоанн Томазий должен был впервые решить в тех высших областях, где он встречается с душою Марии.

Представьте себе, мои дорогие друзья, что вы ночью во время сна очутились бы вдруг в совершенно ином мире, совершенно не похожем на этот вам знакомый мир, и в нем вы не нашли бы ровно ничего, что напоминало бы вам прежние переживания. Тогда бы

вы вообще были не тем же самым человеком, не тем же самым существом. Ради достоверности вы должны иметь возможность что-нибудь принести с собою в этот иной мир. Для духовного мира это возможно лишь благодаря тому, что уже тут, в этом мире, приобретаешь крепкую точку опоры, создающую нам подлинную достоверность. На сцене это было представлено так, что Иоанн Томазий уже на физическом плане связан не только своими влечениями и страстями, но и всей глубиною души с сущностью Марии, так что он в этом соединении на физическом плане уже пережил нечто наидуховнейшее. Это послужило ему затем точкой отправления и в духовном мире; опираясь на это, он получает уверенность и во всем остальном в этом мире. Именно благодаря тому, что Иоанн Томазий нашел такую точку опоры уже в этом физическом мире способом иным, нежели обманчивым путем обычных чувств или рассудка, он получает уверенность в истинности всего остального, что есть в духовном мире. Благодаря этому оба мира для него соединяются, и он обретает зрелость, дабы реально распространить свою память на предыдущие воплощения и таким образом возрасти душою превыше окружающего нас чувственного мира.

Поэтому здесь происходит нечто, что — если можно так выразиться — заключает в себе известную тайну духовного мира. Теодора, обладающая на физическом плане способностью прорицать будущее и предвидящая то выдающееся событие, которое нам предстоит — новое явление Христа, — она на духовном плане в состоянии верно истолковывать значение прошедшего. Необходимо все представлять так, как оно происходит на самом деле, если мы желаем реалистически представить духовный мир. Силы прошлого для существ в Девахане получают значение на том основании, что там развиваются способности, противоположные тем, которые мы здесь, на физическом пла-

не, называем пророческими. Вполне реально поэтому, что Теодора, провидящая на физическом плане будущность, на духовном плане является пробудительницей совести и памяти прошлого. Таким образом, Теодора приводит Иоанна Томазия к моменту, когда он получает дар провидения в свое прошлое, в котором он уже был соединен с индивидуальностью Марии. Так он становится готовым к испытаниям в своей дальнейшей жизни, ведущим его к сознательному познанию духовного мира. Вы видите, что душа становится, с одной стороны, совершенно иной, когда она проникнута опытом духовного мира, что все ей является в ином свете; все, что причиняло нам прежде муки и страдания, когда мы переживали чужую самость в собственной самости, теперь дает утешение и надежду, — вы видите, как то, что мы вносим в мир, делает нас более масштабными и значимыми, и мы как бы врастаем в иные сферы Вселенной. Но в то же время мы видим, как человек должен опасаться высокомерия, как возможность заблуждения все еще сопутствует нам, почему и получается, что Иоанн Томазий, уже многое и многое испытавший в духовном мире, так ошибается, правда, на одно мгновение, что принимает величайшего своего благодетеля — Бенедикта — чуть ли не за воплощение дьявола, который уже при дверях.

Подобно этому на духовном плане возможно и бесконечное множество других самых разнообразных заблуждений. Но этим не следует смущаться; напротив, это должно нас настроить так, чтобы мы, с одной стороны, с осторожностью принимали все исходящее из духовного мира, а с другой — с отвагой и мужеством смотрели в глаза возможности заблуждения и без смущения встречали то, что является ложной вестью из духовного мира. Через все это необходимо пройти человеку совершенно реально, если он хочет приблизиться к тому, что можно назвать Храмом познания, — если он хочет воистину постигнуть те четыре великие

Власти мира, которые правят и руководят в известном отношении судьбою Вселенной и которые символизируются четырьмя Иерофантами Храма.

Когда мы почувствуем, что все это необходимо испытать душе, до того как стать способной созерцать, как из духовного, спиритуального мира проистекает мир чувственный, и когда мы настроимся перестать стремиться обычными, банальными словами выразить первопричины Вселенной, но захотим сначала постигнуть внутреннюю ценность слов, только тогда мы получим некоторое предчувствие того, каков смысл первичных слов, которыми в Библии характеризуется начало Бытия. Мы должны ощущать необходимость отучиться от того обычного значения, которое мы привыкли придавать таким словам, как «небо и земля», «творение», «свет и тьма» и другим подобным словам. Мы должны отвыкнуть от тех чувств, которые вызывают в нас обычно подобные слова, и должны решиться в случае такого цикла лекций найти для них новые оттенки чувств, новые ценности слов, чтобы услышать не только содержание идей, но чтобы услышать и *как* оно разумелось; а это постигается только тогда, если принять весть из непроницаемых областей мира с особым настроем души.

Так я попытался вам в кратце изложить то, что мы вчера видели на сцене. Только благодаря усердной и самоотверженной работе многих наших друзей стало возможным показать вам это при довольно трудных обстоятельствах. Позвольте мне здесь еще раз от души поблагодарить всех трудившихся с нами ради успеха нашей попытки, ибо представление это должно было быть не более чем попыткой. Мы решились на нее не при особенно благоприятных для нас обстоятельствах, и все сотрудники должны были неделями работать не покладая рук. Большим достижением для нашей антропософской жизни мы должны считать то, что в нашей среде имеются художники, которые уже в

продолжение двух лет ревностно помогают нам своими художественными дарованиями. Позвольте мне прежде всего упомянуть нашего дорогого друга Дозера, который не только в прошлом и в этом году взял на себя нелегкую задачу воплотить на сцене Фосфоруса, но также взял на себя в этом году роль, особенно волнующую и бесконечно ценную для меня, — роль Капезия. Быть может, вы мало-помалу почувствуете, почему именно этот образ имеет такую особенную важность. Также и другая роль — роль Штрадера, которую исполнял наш дорогой Зейлинг, усердно трудящийся с нами уже второй год, — и она, эта роль в этой связи имеет большое значение. Не могу не упомянуть, какую громадную услугу оказывает нам наш дорогой Зейлинг своим особенным даром голоса — я не могу это назвать иначе, — когда дело обстоит так, что необходимо символически представить внедрение духовного мира в физический. Той любовью и возвышенным умиротворением, что нам довелось расслышать в голосах духов, мы обязаны этому необычайному его дарованию.

Считаю долгом своим особенно поблагодарить тех, на чью долю выпали главные роли, причем они не переставали в это время трудиться в других направлениях и вообще были задействованы все эти годы. Можно сказать, что, быть может, только на антропософской ниве может развиться такая сила, которая дала возможность госпоже фон Сиверс два дня подряд исполнять такие две большие роли, как Клеонис и Мария. Такая работа возможна лишь при полной отдаче всех сил, которыми располагаешь. И с особенной благодарностью я вспоминаю здесь исполнительницу роли Иоанна Томазия, и для меня было бы большим удовлетворением, если бы этот образ, в котором заложено так много того, что мы называем антропософской жизнью, остался исторически связан с первой исполнительницей этой роли. Только благодаря необыкновенно интенсивной работе и особенной преданности антропософскому

делу со стороны нашей дорогой госпожи Валлер удалось вообще воплощение этой роли при особо трудных обстоятельствах, распространяться о которых тут излишне. И если бы я вам рассказал, при каких затруднениях, вследствие недостатка времени, пришлось госпоже Валлер осилить эту роль Иоанна Томазия, вы, вероятно, были бы крайне удивлены. Нас все эти дела, происходящие между нами при нашей совместной антропософской работе, близко касаются, ибо мы образуем в духовном смысле как бы антропософскую семью, и поэтому мы должны чувствовать благодарность ко всем лицам, взявшим на себя такую трудную задачу с таким самопожертвованием — задачу, разрешить которую в таком виде, быть может, другому вообще бы не удалось. Прошу при этом помнить, что посторонние совершенно не в состоянии судить о тех трудностях, с которыми нам приходилось бороться. По этим моим словам вы будете в состоянии судить о громадности труда и самопожертвования всех участников представления и согласитесь, насколько необходимо выразить им всем в этот момент нашу глубокую благодарность.

Мне пришлось бы долго говорить, если бы я хотел назвать отдельно каждого из трудившихся совместно с нами ради прошедших дней. Вспомним только нашего друга, всегда, при всех наших антропософских предприятиях с полной готовностью, изо всех своих сил старающегося помочь нам, господина Аренсона*, который как в прошлом, так и в настоящем году поставил нам на службу свое прекрасное музыкальное мастерство и смог как в «Детях Люцифера», так и на вчерашнем представлении в заданных местах передать возвышенным образом нечто, что может исходить

* Адольф Аренсон (1855—1936). Его музыка к четырем Драмам-Мистериям Рудольфа Штайнера появилась в обработке Леона Муравиева для фортепиано в 1961 г. (Штутгарт, изд-во «Свободная духовная жизнь»).

только из мира звуков. Вспомним затем наших дорогих друзей — мюнхенских художников. Вы имели достаточно случаев убедиться в том, как в эти два дня все было испробовано, чтобы внешний декорум сгармонизировать с внутренним содержанием и с музыкой. Вы видели, как до последнего красочного оттенка, до мельчайших деталей все клонилось к цельности и к единству. Если это нам удалось, то только благодаря понимающему сотрудничеству наших здешних друзей-художников: господам Фолькерту, Линде и Хасс, помогавших нам во всем самым сердечным образом ради достойной реализации наших замыслов.

Эти вещи возможны, как я уже говорил раньше, если все участники работают свободно и по собственному влечению сердца. И в этом году особенно следует вспомнить про работу, которую не так просто усмотреть, но которая неделями и месяцами поглощает всего человека, всю его душу и все его сердце. Я имею в виду всю массу костюмов, которые необходимо было изготовить надлежащим образом и со вкусом. Эта работа всей своею тяжестью, как в прошлом, так и в этом году, всецело лежала на плечах госпожи фон Эккартштейн; она посвятила себя этому труду не только со рвением, но, что особенно важно, с удивительным пониманием всех мельчайших подробностей и мелочей, не теряя при этом ни на минуту из виду масштаба нашей задачи.

Но все сказанное мною — только слабые отблески нашего чувства принадлежности к одной антропософской семье; нужно, чтобы каждый из нас знал, какова была наша совместная работа. И если вы, мои дорогие друзья, третьего дня и вчера получили некоторое удовлетворение для души и сердца, тогда прошу вас несколько разделить ваши душевные чувства с теми лицами, имена которых были здесь названы и которых вы — как ваших хорошо знакомых друзей — видели на сцене.

Этой — если можно так выразиться — вехой нашей деятельности мы намеревались также указать, как

следует представлять себе вхождение антропософских идей, антропософской жизни в нашу культуру. И если современное человечество еще не склонно принять в свою поверхностную культуру то, что может проистекать из спиритуальной жизни, то мы — по крайней мере, в художественных образах — показали, как становится жизненным, что мы носим в себе как идею и что в качестве внутренней жизни пропитывает нашу душу. Греет душу предчувствие, что человечество всё же ожидает такое будущее, если оно будет ощущать излияние духовной жизни на физический план по духовным и душевным артериям человека; что грядет время, когда человек будет чувствовать себя посредником между духовным и физическим мирами. И чтобы пробудить это предчувствие, были предприняты эти представления.

Если же в нас окрепнет такое предчувствие, тогда мы будем в состоянии затертые слова, навязывающие современной душе эмоциональные оценки и отрезающие возможность понять полноту их послания, вернуть к их первоначальному свету, к их первозданному блеску. Ибо никто не поймет монументальности скрытого в первых словах Библии смысла, если он не будет придавать им ту чеканку, каковую они теперь имеют у нас. Мы должны будем сами мысленно подняться к тем высотам, к которым пытался добраться Иоанн Томазий, — туда, где веет духовная жизнь, если мы хотим постигнуть физическую жизнь на нашей Земле. В этих духовных сферах нужно говорить в известном смысле совершенно иным языком. А мы, люди, должны данным нам здесь словам придать хотя бы новый ценз, новую эмоциональную нюансировку, как бы по-другому их прочувствовать, если они призваны передать нам то, о чем повествуют первые строки Книги Бытия, если мы хотим понять духовное происхождение нашего физического мира.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 17 августа 1910 г.

Если человек, стоящий на почве духовной науки и уже несколько знакомый с тем, что антропософия говорит об эволюции нашего мира, в состоянии проникнуть в смысл тех мощных слов, которыми начинается наша Библия, то ему должен открыться совершенно новый духовный мир. Вряд ли существует памятник человеческой эволюции, где так легко удалиться от истинного смысла, как в этом документе, который обыкновенно называют Книгой Бытия, содержащей описание так называемого шести- или семидневного творения.

Если современный человек произнесет слова «В начале сотворили боги небо и землю»на каком бы то ни было из существующих языков — скажем, например, на русском, то заложенное в этих словах вряд ли будет даже слабым отблеском, бледной тенью того, что оживало в душах тех, кто в древнем еврействе испытывал на себе воздействие этих вводных слов Библии. Применительно к такому документу то, что мы в состоянии древние слова заменить новыми, современными — поистине ничтожная часть труда. Куда как важнее, чтобы благодаря нашей антропософской подготовке хотя бы как-то суметь возродить то настроение, которое жило в сердце и в душе древнееврейского ученика, когда для него оживали слова: «B'RESCHIT BARA ELOHIM ET HASCHAMAJIM W'ET HA'AREZ»*.

Целый мир оживал в тот миг, когда душа трепетала от этих слов. Каков же этот мир? С чем можем мы сравнить этот внутренний мир, живший в душе

* בְּרֵאשִׁית בָּרָא אֱלֹהִים אֵת הַשָּׁמַיִם וְאֵת הָאָרֶץ׃

такого ученика? Мы можем сравнить это только с тем, что происходит в душе человека, которому передают картины, переживаемые видящим, когда он созерцает сами духовные миры.

Что, собственно, описывается в том, что мы называем духовно-научным учением? Мы знаем: источник этого учения коренится в ясновидении, в живых созерцаниях ясновидящего, когда он освобождается от условий чувственного восприятия и рассудка, связанного с физическим телом, и духовными своими органами созерцает в духовном мире. То, что он созерцает в духовном мире, он может, если пожелает, перевести на язык физического мира, выразить только в образах; но в таких образах, которые могут вызвать — если достанет способности повествующего ясновидца, — могут вызвать соответствующее представление о том, что ясновидец сам созерцал в духовных мирах. Тогда получается нечто такое, что нельзя путать с какимнибудь описанием вещей или событий чувственного физического мира; получается нечто, относительно чего постоянно надо держать в уме, что имеешь дело с совершенно иным миром — с миром, который хотя и служит основой для чувственного, но тем не менее, по своей автономности никоим образом не укладывается в представления, впечатления и восприятия нашего обычного чувственного мира.

Если мы захотим представить картину происхождения этого нашего чувственного мира и в нем человека, то мы со своим представлением никак не можем оставаться в границах мира чувств. Всякая наука, стремящаяся дойти до первоистоков с помощью одних лишь представлений, заимствованных из мира чувственного, никогда не будет в состоянии достигнуть этих первоистоков чувственного бытия. Ибо чувственное бытие коренится в сверхчувственном, и хотя мы и можем исторически или, если угодно, геологически все дальше и дальше углубляться вспять, но если

мы желаем проникнуть до самого первоисточника, то мы должны знать, что нам в определенный момент давно прошедших времен необходимо покинуть все чувственное и перейти в области, постижимые лишь сверхчувственным путем. Так называемая Книга Бытия свое повествование начинает не с чего-либо чувственного, что можно было бы видеть физическим оком. И мы в ходе этих лекций не раз убедимся, как ошибочно было бы относить первые главы Книги Бытия к вещам или событиям, которые можно видеть внешним глазом или переживать во внешнем чувственном мире. Поэтому пока мы будем связывать со словами «небо и земля» представления, содержащие лишь остатки чего-то видимого глазом, мы будем еще очень далеки от тех областей, к которым устремлены первые части Книги Бытия. И в настоящее время вряд ли возможно осветить эти области иначе, как путем духовной науки, которая нам в то же время дает возможность подступить к тому, что можно назвать Мистерией Праслова, с которой начинается Библия, и до некоторой степени почувствовать заложенное в этих прасловах.

В чем же, собственно, состоит исключительное своеобразие этих первослов? Выражаясь сперва отвлеченно, я должен ответить, что оно заключается в следующем: слова эти написаны на древнееврейском языке, на языке, совершенно иначе воздействующем на душу, нежели какой-либо из современных языков. И даже если этот язык первых глав Библии теперь уже более не действует так, как некогда, то в отдаленные времена он действовал так, что звучание каждой буквы вызывало в душе определенную картину. В душе, восприимчивой к живой составляющей слова, с известной упорядоченностью, сродни органической форме, возникали образы и картины, которые можно сравнить с тем, что и сегодня еще видит ясновидящий, когда он от чувственного переходит к сверхчувствен-

ному. Можно сказать, что древнееврейский язык или, точнее, язык первых глав Библии служил как бы средством вызывать в душе образные представления, схожие с видениями человека, способного созерцать вне тела сверхчувственные области бытия.

Чтобы хоть до некоторой степени эти мощные праслова человечества живыми предстали перед душой, необходимо отрешиться от всего того выхолощенного и бледного, что вызывает в душе любой современный язык, и достигнуть некоторого представления об удивительно полнокровном, будоражащем и созидательном наполнении любого звукосочетания этого древнего языка. Поэтому чрезвычайно важно попытаться в ходе этих лекций представить себе, хотя бы до некоторой степени, те картины, которые всплывали в душе древнееврейского ученика, когда на него творчески действовал соответствующий звук, а перед душой возникал образ. Из этого вы видите, что должен существовать совершенно иной путь для проникновения в это древнее Провозвестие, нежели все те пути, которые ныне избираются для изучения какого бы то ни было древнего исторического документа.

Таким образом, я предлагаю некоторые точки зрения, которых мы будем придерживаться. Только очень медленно и постепенно мы будем в состоянии приблизиться к тому, что может дать нам живое представление о том, что жило в душе древнееврейского мудреца, когда он испытывал на себе действие этих могучих слов, дошедших и до нас, но только лишь как «слова». Ближайшая наша задача будет заключаться в том, чтобы как можно более отрешиться от всего нам привычного и освободиться от всех тех представлений, которые мы имели, когда говорили о «небе и земле», о «богах», о «сотворении» или о «творении» и о «начале начал». И чем более мы будем освобождаться от того, что мы до сих пор ощущали в связи с этими словами, тем лучше мы проникнем в самый дух этого

памятника, возникшего из совершенно иных условий душевной жизни, нежели наши современные. Но прежде всего нам необходимо уяснить себе, о чем мы, собственно, будем говорить с духовнонаучной точки зрения, когда займемся изучением вводных слов Библии.

Вам ведь известно, что возможности современного духовного исследования позволяют дать некоторое понятие об эволюции нашей земли и человечества. В своем «Тайноведении»* я пытался дать, исходя из трех предшествующих нашему земному существованию ступеней мировой эволюции — из состояний Сатурна, Солнца и Луны, описание постепенного возникновения нашей Земли, этой планетарной арены человека. И вы, вероятно, помните, по крайней мере в общих чертах, что там описывается. Теперь спросим себя: к какому именно моменту эволюции должны мы отнести то, что предстает перед нашей душой с мощным словом «B'reschit»? Какое место займет оно в нашем духовнонаучном описании эволюции? К чему оно относится?

Постараемся уяснить себе с определенной точки зрения эволюцию и бытие на Сатурне, Солнце и Луне. Если мы взглянем на старый Сатурн, то он предстоит перед нашей душой как мировое тело, где нет еще даже намека на то, что мы привыкли видеть вокруг себя в нашем материальном бытии. Из всего того, что мы имеем в нашем окружении, там существует только один элемент тепла; одна лишь теплота или огонь проявляет там свое действие в разнообразных сочетаниях. Там нет еще ни воздуха, ни воды, ни твердых тел. И где он плотнее всего, там существует одна лишь деятельная, полная жизни теплота. Затем, как мы знаем, эволюция переходит к так называемому солнечному состоянию. Тогда к этой деятельной, полной жизни теплоте присоединяется элемент, подобный

* Штайнер Рудольф. Очерк тайноведения. Ереван: Ной, 1992. (ПСС. Т. 13).

воздуху или газу. Мы получим верное образное представление о планетарном состоянии Солнца — рассматривая лишь элементарное состояние, — если будем видеть в нем разнообразное сочетание и переливание полных жизни газовых, воздухообразных и тепловых элементов. Последующим, третьим состоянием земной нашей эволюции является так называемая лунная ступень. Здесь к теплоте и к воздуху присоединяется то, что можно назвать водяным элементарным состоянием. Но на этой старой Луне нет еще ничего, что мы теперь называем плотным, земляным элементом, нет еще твердых тел. Зато в этом старом лунном состоянии мы отмечаем нечто своеобразное: прежнее единое мировое тело, в котором протекала наша планетарная эволюция, раздваивается. Старый Сатурн представляет еще собою единое тело деятельной, движущейся в себе теплоты. Также еще старое Солнце является нам переливанием и игрою газовых и тепловых элементов. В лунном же состоянии наступает раздвоение: солнечное отделяется от лунного. Когда же наступает четвертая ступень нашей планетарной эволюции, то мы видим, что к прежним элементарным состояниям — к элементам огненному или тепловому, к воздушному и к водяному — присоединяется земляной элемент. Но для того, чтобы в нашем планетарном бытии мог проявиться этот твердый, земляной элемент, для этого расщепление, имевшее место в лунном состоянии, должно было еще раз повториться. Все солнечное должно было еще раз отделиться от нашей земной планеты. Таким образом, в известный момент развития планеты из совместного планетарного состояния, где еще тесно сплетены между собою элементы огня, воздуха и воды, выделяется — из более плотного, земного — элемент солнечный, более тонкий и воздушный. И только в таком земном могло образоваться, могло уплотниться то, что мы называем твердым элементом.

2 ~ 4074

Остановимся на том моменте, когда из совместного планетарного состояния выделяется солнечное, чтобы впредь извне посылать свои силы нашему земному планетарному телу. Будем помнить, что тогда же появилась возможность для возникновения в земном твердого — того, что мы теперь по состоянию вещества называем твердой материей. Это и будет тот момент эволюции, который имеет в виду Библия, Книга Бытия, в первых своих словах. Об этом состоянии говорит она. Мы отнюдь не должны соединять с этими первыми словами Книги Бытия то отвлеченное, то смутное представление, которое имеется в виду, когда в настоящее время произносят слова «в начале...» или «в начале начал». Это было бы представление несказанно бледное по сравнению с тем, что при этих словах восставало в душе древнееврейского мудреца. Вся сумма того, что можно представить себе в связи с этой возникшей из расщепления солнечного и земного бинарностью, — все то, что существовало в момент этого расщепления и разделилось именно надвое, все это должно предстать пред нашим духовным взором, если мы хотим верно понять смысл слова «Б'решит» — «в начале», «в начале начал». К тому же мы должны помнить, что духовные существа суть управители и руководители всего этого процесса развития на Сатурне, на Солнце и на Луне и что все, называемое нами элементами теплоты, воздуха и воды, есть лишь внешнее выражение, лишь одеяние этих духовных существ, которые, собственно, и составляют подлинную суть этого развития. И когда мы смотрим на состояние, возникшее при отделении солнечного от земного, и представляем себе это в картине, то и тогда мы должны сознавать, что в этой картине вещественные элементы воды, воздуха и огня суть лишь внешнее выражение деятельности Духа. Все это лишь проявление деятельной духовности, восходящей тремя предшествующими ступенями — Сатурна, Солнца и Луны — до опи-

санного мною момента и достигшей к нему определенной степени развития своего бытия.

Итак, представим себе такой огромный мировой шар с действующими и переливающимися в нем водными, воздушными или газовыми и огненными элементами, который делится на два начала: солнечное и земное; но при этом будем помнить, что все, представляющееся нам элементарно-вещественным, есть лишь средство для выражения духовного. Представим себе, как из этого материального остова, сотканного из водного, воздушного и теплового элементов, глядят на нас лики духовных существ, живущих в этой мировой ткани и проявляющихся, открывающихся в этой стихии, с которой наша душа связывает представление о вещественном. Представим себе, что перед нами духовные существа, обращающие к нам свой лик и работающие с помощью теплоты, воздуха и воды над своей организацией духовно-душевной силой мировых тел. Представим себе эту картину!

Мы получаем картину элементарной оболочки, которую можно — употребляя грубое сравнение — уподобить раковине улитки; но оболочка эта состоит не из твердых веществ, как у раковины, а соткана из тончайших водяных, воздушных и огненных элементов. Внутри нее мы представляем себе духовных существ, смотрящих на нас и открывающихся нам именно через эту оболочку. А сами же они есть — сила откровения — сила, которая из тайного сверхчувственного стремится стать явным.

Вызовите перед своей душой эту картину, которую я пытался набросать перед вами, это живое плетение духовного начала в веществе, и представьте себе ту внутреннюю душевную силу, которая вызывает плетение, организующую деятельность в веществе, позабыв на мгновение обо всем остальном: тогда вам предстанет то, что восставало в душе древнееврейского мудреца при звуках слова «Б'решит». Бэт, первая

буква, вызывала представление о материальном плетении остова; Рэш, вторая буква, вызывала представление облика духовных сущностей, работающих внутри этого остова, а Шин — представление о той пробивной силе, напор которой направлен изнутри наружу*.

Примерно таким путем мы приближаемся к принципу, лежащему в основе настоящего описания. И, постигая этот принцип, мы можем попутно ощутить дух этого языка, имевшего в себе нечто созидательное, о чем современный человек при своем отвлеченном языке не имеет никакого понятия.

Постараемся как можно яснее вызвать пред своей душой тот момент, который я имею в виду, когда духовное только собиралось перейти в физическую коагуляцию, момент, предшествующий физическому уплотнению нашего земного бытия. Представим себе этот момент как можно яснее. Тогда мы должны будем сказать: если мы хотим описать происходившее в это время, то мы не можем пользоваться никакими представлениями, употребляемыми нами при описании внешних происшествий. Поэтому было бы крайним дилетантизмом понимать второе слово Книги Бытия так, что с ним якобы соединяется представление о каком-то внешнем явлении, как бы оно ни перекликалось с современным пониманием слов «творчество» или «творение». Таким путем мы не дойдем до понимания второго слова Книги Бытия. А куда нам обратиться? Слово это означает нечто такое, что действительно очень близко подходит к той границе, где чувственное переходит в сверхчувственное, духовное. Кто хочет верно представить себе то, что обычно переводится словом «сотворил» — «в начале сотворили боги...», — тот отнюдь не должен связывать с этим словом какое-либо творчество, какую-то производительную деятельность, доступную физическому глазу.

---

* Бэт ב, Рэш ר, Шин ש.

Взгляните, мои дорогие друзья, внутрь себя. Представьте себе, что вы, пробудившись ото сна и не обращая никакого внимания на окружающий вас мир, вызываете в своей душе определенные представления. Вдумайтесь в эту внутреннюю деятельность, в эту продуктивную работу мысли, которая из глубин души извлекает какое-то содержание. Назовите эту работу, это извлечение содержания из глубин души до уровня сознания «уразумением» и представьте себе такую деятельность, ограничивающуюся у человека одними представлениями, космически-созидательной. Поставьте на место вашего «разумения», на место вашего внутреннего, мыслительного переживания космическое мышление; тогда вы получите то, что заложено во втором слове Книги Бытия, — «бара». Представлять себе это надо как можно духовнее, как можно ближе к природе ментального, которую вы осознали во время вашего «уразумения»!

А затем представьте себе, что во время такого уразумения вы перед вашей душою вызываете две группы представлений. Чтобы изобразить как можно яснее такое непривычное нам и далекое от нас дело, возьмем для примера опять человека, которому при пробуждении, приходит на ум двоякое, то есть представим того, кто уразумевает двоякое. Пусть первое будет картина какой-нибудь деятельности либо какой-нибудь внешней вещи или существа; но это первое является ему не из восприятия внешних чувств, не из наблюдения внешнего мира, а благодаря разумению, творческой деятельности его души на уровне сознания. А вторым комплексом представлений, являющимся такому пробуждающемуся ото сна человеку, пусть будет какое-нибудь вожделение, что-нибудь такое, чего он по своему душевному складу может сильно желать. Таким образом, в душе человека наличествуют два элемента: элемент мыслительный и элемент желания. Теперь на место души человека, способной, стало быть, к внут-

реннему уразумению, поставьте то, что Книга Бытия называет «Элохим». Вместо единства души человека у нас будет множественность мыслящих духовных существ, которые схожим образом через внутреннее уразумение вызывают два рода комплексов, сравненных мною с чисто мысленным и страстным элементами. Мы, следовательно, ставим на место размышляющего человека космическую организацию существ. Они вызывают в себе подобным же образом два комплекса только их мышление — космическое. Один из этих комплексов — мыслительный — уподобляется акту представления, то есть он являет нечто во вне, стремится изжить себя вовне. Другой комплекс — страстный, он живет внутренними побуждениями, внутри него все живет и движется. Итак, эти космические существа, названные Элохимами, представляются нам «промышляющими», и этот их промысел возникает перед нашей душой при слове «бара» — «сотворили». Этот их созидательный промысел творит два комплекса: один из них стремится проявиться вовне, дать знать о себе извне, другой живет внутренней жизнью, полон внутреннего движения. Если мы все это живо представим себе, то получим приблизительное представление о том, что возникало в душе древнееврейского мудреца при словах «haschamajim», «ha'arez», которые мы теперь переводим «небо и земля». По возможности постараемся забыть то, что современный человек думает при словах «небо и земля», и на место этого поставим эти два комплекса представлений, из которых один стремится возвестить о себе, произвести вовне какое-то действие, а другой есть внутренне-импульсивный, стремящийся изжиться внутри, деятельный внутри себя. Тогда мы верно уловим значение этих двух слов — «haschamajim» и «ha'arez».

Что же это за существа, эти Элохимы? В продолжение настоящего цикла лекций мы ближе познакомимся с ними и «переведем» их на наш духовнонаучный

язык, а теперь попытаемся уяснить себе смысл первых слов Книги Бытия. Кто желает составить себе понятие о том, что жило в душе древнееврейского мудреца, когда он употреблял слово «Элохим», тот должен знать, что в те времена совершенно ясно сознавали: наша земная эволюция имеет определенный смысл, определенную цель. Каков же этот смысл и какова эта цель?

Наше земное развитие только в том случае будет иметь смысл, если оно внесет нечто такое, чего прежде не было. Вечное повторение, возвращение того, что уже раньше существовало, было бы бессмыслицей. И древнееврейский мудрец чувствовал бы бессмыслицу миротворения, если бы не понимал, что Земля, пройдя развитие в других состояниях, внесет что-то новое в мир, чего раньше еще не было. Это новое в земном бытии заключается в том, что человеку дана возможность проявиться именно таким, каков он есть. В таком виде, в каком человек является на Земле теперь, то, чем он станет в грядущие времена, — в этом виде его не существовало во все предыдущие стадии развития, да и не могло существовать. Иного рода, нежели человек (сейчас нет нужды вводить понятие низшего и высшего), были те духовные существа, которые руководили внешним развитием мира, — тем, что нам знакомо в качестве развития Сатурна, Солнца и Луны. Как познать нам эти существа, которые жили и ткали в элементах огня, воздуха, воды, которые соткали бытие Сатурна, бытие Солнца и Луны и создали первые зачатки нашего земного бытия? Как нам приблизиться к ним?

Нам пришлось бы много и долго говорить, чтобы хоть до некоторой степени приблизиться к ним. Но мы сначала попытаемся подойти к ним, ознакомиться с ними с одной стороны; и этого пока будет достаточно, чтобы нам хотя бы на шаг приблизиться к захватывающему смыслу библейского праслова. Займемся теми существами, которые в определенном отношении

стояли ближе всего к человеку, когда он постепенно созидался и развивался из состояний старого Сатурна, Солнца и Луны. Чего, собственно, хотели эти существа, каковы были их намерения? Если мы узнаем это, тогда мы получим хотя бы приблизительное понятие о них. В ходе своей эволюции они развили в себе большую мощь в разных направлениях, каждый по-своему. Но лучше всего мы представим себе этих существ, если поймем: в тот момент времени, который мы теперь имеем в виду, в группе этих существ была одна общая цель, действовал общий мотив. На более высоком уровне здесь происходит то же самое, как если бы теперь собралась группа людей, каждый из которых обладает своими особыми дарованиями. Каждый из них что-то умеет; и вот они договариваются между собой: «Ты умеешь это, я умею то, а третий умеет еще что-нибудь другое. Мы объединим призвания каждого из нас ради общего дела». Представим себе такую группу людей, каждый из которых умеет что-то свое, но которые поставили перед собой общую цель. То, что намечено, еще не существует. То общее, над чем они работают, пока еще живет в них только как цель; оно еще не осуществлено. Существует лишь множество, а единство — пока еще идеал, к которому они стремятся. Итак, представьте себе группу духовных существ, развивавшихся в продолжение эпох Сатурна, Солнца и Луны и приобретших свои особые способности. Такая группа в упомянутый мною момент решила: мы соединим свою деятельность ради достижения общей цели, дадим ей общее направление. И перед каждым из них восставал тогда живой образ этой цели. Цель же эта была — земной человек.

Таким образом, земной человек жил как цель группы божественно-духовных существ, которые решились соединить свое умение и искусство, чтобы добиться того, чего у них самих не существовало вовсе, чем они не обладали, но что они в силах были соз-

дать общими усилиями. Если вы сопоставите все описанное мною: элементарная оболочка, космический промысел действующих в ней духовных существ, эти созданные два комплекса — один со своей внутренней жизнью, сотканный из стихии желаний, другой раскрывающийся наружу, — если вы все это возьмете и припишете этим как бы смотрящим на вас из элементарной оболочки духовным существам названную общую цель, тогда вы получите то, что жило в сердце древнееврейского мудреца при слове «Элохим». И теперь мы имеем картину того, что живет в этих наимощнейших прасловах Библии.

Забудем на время все, что современный человек может представлять и ощущать при словах: «В начале сотворили боги небо и землю». И попытаемся, основываясь на сказанном сегодня, нарисовать себе такую картину: перед нами жизнедеятельный первобытный элемент, в котором прядет огненное, газообразное, водяное. Внутри этого элементарного, полного жизни и движения начала живут духовные существа, группа духовных существ со своим промыслом. Промысел их продуктивен, и их промысел пронизан целью направить всю деятельность на реализацию человеческого образа. И в первую очередь в этом промысле возникает представление чего-то стремящегося к внешнему проявлению, возвещающему о себе и чего-то внутренне деятельного, с собственной внутренней жизнью. В элементарной оболочке прадревние духи измыслили, с одной стороны, то, что проявляется наружу, а с другой — то, что обладает собственной внутренней жизнью.

Попытайтесь в такой картине представить себе то, о чем гласит первая строка Библии, и вы получите базис для того, что будет занимать нас эти ближайшие дни как истинный смысл тех наимощнейших перво-слов, в которых человечеству дается величайшее откровение — откровение его собственного происхождения.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 18 августа 1910 г.

По части многого, о чем приходится говорить — как в этом цикле лекций, так и вообще в ходе наших антропософских бесед, — может показаться, особенно стоящим далеко от нас и не знакомым с настроем, господствующим в наших кругах, будто мне доставляет удовлетворение и даже удовольствие, когда мои высказывания якобы противоречат современной науке. Я очень желал бы, чтобы именно по этому поводу не было недоразумений. Вы можете быть уверены: для меня всегда стоит сурового самопреодоления становиться в противоречие с тем, что теперь называется научным выводом; я бы никогда не решился на это ни по какому поводу, кроме тех случаев, когда у меня есть возможность самому реально проследить, что в каждом таком случае говорит современная наука. Чувство ответственности не позволило бы мне утверждать что-либо, противоречащее современной науке, если бы я сам не был в состоянии в каждом частном случае привести всё то, что по этому поводу имеет сказать наука. И с такой точки зрения можно подходить к тем важным вопросам, которые будут занимать нас эти дни, не иначе как со священным трепетом и с чувством глубокой ответственности.

К сожалению, нужно сказать, что современная наука оказывается совершенно бессильной дать какой-либо ответ на вопросы, с которыми нам здесь придется сталкиваться; современные представители ее даже не знают, почему их исходная точка в этом случае должна оказаться неплодотворной; они не в состоянии понять, почему именно современная наука касательно

всех действительно великих вопросов жизни и бытия должна быть донельзя дилетантичной. Итак, я вас очень прошу всегда принимать сказанное мною с сознанием того, что за спиной имеется полноценное знакомство со всем, что в каждом данном случае могла бы сказать современная наука. Конечно, нельзя требовать, чтобы в кратком цикле лекций велась полемика с современными воззрениями, имеющимися по всем частностям занимающего нас вопроса. Я принужден ограничиваться по возможности положительными моментами и рассчитывать на то, что в кругу антропософов предпосылка, только что сделанная мною, будет соблюдаться во всем.

Вчера я пытался показать вам, как те первобытно могучие слова, которыми начинается Библия и которые сообщаются нам на языке, совершенно отличном по своей природе от современных наречий, как слова эти только тогда могут быть поняты нами верно, если мы постараемся забыть обо всем оживающем в нашей душе, в наших чувствах при чтении этих слов в их общепринятых переводах на современные наречия. Потому что тот язык, на котором первоначально были даны нам эти мощные созидательные слова, благодаря особенностям своего звучания действительно имеет свойство направлять сердце и мысль к образам, возникающим пред ясновидящим оком, когда оно устремлено на ту точку, где из сверхчувственного проистекает наш чувственный мир. Сила и мощь присуща всем отдельным звукам, в которых нам, если можно так выразиться, рисуется первоначало нашего земного бытия. Мы еще неоднократно в течение этих лекций будем иметь возможность указывать на характер этого языка; сегодня же я хотел бы заняться некоторыми необходимыми для нашей цели предметными разъяснениями.

Вы знаете, что в Библии за теми словами, смысл которых я вчера пытался в образах обрисовать перед

вашей душой, стоят особенности тех комплексов, что всплывают из Божественного промысла, из продуктивного замысла. Я говорил, что надо представить себе, что эти два комплекса всплывают словно из космического воспоминания. Один из них можно приблизительно сравнить с всплывающими у нас представлениями, характер же другого комплекса можно сравнить со страстью или с волей. Один содержит в себе все то, что стремится проявить себя наружу, заявить о себе, хочет как бы вовне проявить силу: haschamajim. Другой комплекс, ha'arez, содержит внутренне импульсивное, внутренне жизненосное, внутренне проникнутое вожделением. Нам приводятся качества этого внутренне жизненосного, и качества эти в Библии выражаются характерной звукописью. Нам говорится, что это внутренне импульсивное находится в состоянии, которое обозначается как tohu wabohu*, что обычно переводится словами «безвидна и пуста». Однако мы лишь тогда будем в состоянии это понять, если опять получим точное образное представление того, что, собственно, подразумевается под этим tohu wabohu. И мы поймем это лишь тогда, если на основе нашего духовнонаучного познания уясним себе, чтó там, собственно, переливалось и вздымалось в пространстве, когда все это, пройдя через состояния Сатурна, Солнца и Луны, снова выступило как планетарное бытие Земли.

Вчера я обращал ваше внимание на то, что во время состояний Сатурна, Солнца и Луны не существовало еще твердого состояния (то есть того, что оказывает сопротивление нашим чувствам). Тогда были лишь стихии огненного или тепла, газа, или воздухообразного, и стихия жидкого. Только с проявлением земного планетарного состояния к прежним стихиям присоединяется стихия твердого. Стало быть, в тот мо-

* Тоху вабоху (произносится: вавоху): תֹהוּ וָבֹהוּ.

мент, который мы охарактеризовали вчера, когда также проявляется тенденция к выделению солнечного из земного, мы имеем дело, если обратим свой взор на жизнь стихий, со взаимным проникновением стихий тепла, воздуха и воды. Все это переливалось и вздымалось, взаимно проникая друг в друга. Как нам следует поначалу представлять себе все это переливающееся и вздымающееся, когда мы рисуем это своему духовному чувству, на это в современном языке — конечно, не слишком уж точно — можно указать выражением «безвидна и пуста», но зато совершенно чеканно звукосочетанием tohu wabohu. Что же, собственно, означает это tohu wabohu? Если мы попытаемся образно представить себе то, что звуки эти могут возбуждать в душе, то получится приблизительно следующее.

Звук, сравнимый с нашим Т, вызывает образ центробежной силы — из центра во все стороны, по всем направлениям пространства, в даль, в бесконечность. Итак, значит, в момент произнесения звука Т является картина чего-то разлетающегося из центра в пространство по всем направлениям. Мы должны представить себе взаимопроникновение стихий тепла, воздуха и воды, а внутри центробежную энергию — как бы из центра во все стороны. Если бы существовала только первая часть звукосочетания — tohu, — то мы имели бы только эти центробежные силы. А что же означает вторая часть? Она означает как раз нечто, прямо противоположное первой. Это противоположное вызывается в душе звуком, который можно сравнить с нашей буквой Б, еврейской «Бэт». «Бэт» вызывает такого рода представление, которое можно сравнить со следующей картиной: представьте себе громадный полый шар, внутри которого вы находитесь сами; и ото всех точек внутренней поверхности этого полого шара исходят лучи, направляющиеся к центру. Итак, вообразите себе такую картину: точку посреди пространства, из которой исходят силы по всем направле-

ниям: Tohu; силы эти, как бы задерживаясь внутренней поверхностью громадного полого шара, отражаются обратно со всех сторон пространства — это будет Bohu. Если вы представите себе все это и все силовые линии вообразите связанными с тем, что мы имеем в виде трех стихий — тепла, воздуха и воды, — и представите себе, как эти силы проявляются в этих трех пронизывающих друг друга и переливающихся стихиях, тогда вы получите понятие о том, что такое внутреннеимпульсивное. Таким образом, нам через это звукосочетание «tohu wabohu» дается понять, каким способом Элохимы управляют бытием стихий.

Что же, в конце концов, всем этим сказано? Мы не поймем всего величия драматического процесса семидневного творения, если не вникнем во все эти подробности. Но когда они предстанут перед нашим внутренним взором, перед нами явится удивительная, величественная космическая драма. О чем же, собственно, нам повествуется? Вспомним еще раз, что глаголом «bara» — «в начале "сотворили" боги» — обозначается душевно-духовная деятельность, которую я вчера сравнил с вызыванием в душе комплексов представлений. Так мы представляем себе находящихся в пространстве Элохимов; и то, что предстает перед нами в виде слова «bara», «сотворил», мы понимаем как их душевно-космическую промыслительную деятельность. Результатом этого промысла являются haschamajim и ha'arez — излучающееся наружу и внутреннеимпульсивное. Но теперь указывается еще на нечто очень важное другое. Чтобы получить сравнительно лучшее понятие, вообразите себя пробуждающимся от сна. Вашу душу заполняют комплексы разных представлений. Так и душу Элохимов заполняют haschamajim и ha'arez.

Но вы знаете, и об этом мы уже вчера говорили, что эти Элохимы сами в своем развитии прошли через эволюцию Сатурна, Солнца и Луны. Таким образом,

их промысел был сродни вашим представлениям, которые вы вызываете при пробуждении. Созерцая их своими духом и душой, вы можете понять, каковы они. Вы можете сказать: когда я утром просыпаюсь и нахожу то, что раньше уже было заложено в моей душе и что я только вызываю вновь, я могу описать, каково оно. Так и Элохимы могли сказать себе — если употреблять несколько огрубленное выражение: мы вызовем перед нашей душой все то, что происходило во время состояний старых Сатурна, Солнца и Луны, и посмотрим, как оно будет выглядеть в воспоминании. И оно приняло тот вид, что был выражен в словах tohu wabohu; явилось в такой картине, какую я изобразил перед вами, — с лучами, исходящими из центра в пространство и опять возвращающимися обратно в центр, так что стихии переливались и проникали друг в друга в направлении этих силовых излучений. И Элохимы могли бы сказать себе: вот какой оно приняло вид, после того как мы все это довели до этой стадии. Так оно снова появилось.

Чтобы понять то, что на современном языке обычно переводится: «и тьма была... над текучей материей» или «над водами»*, — чтобы это понять, нам необходимо припомнить еще кое-что. Опять мы должны обратить свой взор назад, на ход развития до появления земного бытия.

Сначала мы видим бытие Сатурна, внедренного в огненный элемент. К нему присоединяется солнечное бытие с воздухообразной стихией. Но в моем «Тайноведении» вы можете прочесть, что с этим присоединением связано еще и нечто иное. Дело ведь не только в том, что к тепловой стихии присоединяется воздушная или газообразная стихия; это просто сгущение, или уплотнение, теплового элемента: тонкая

* «Тьма над [бездною; и Дух Божий носился над] водою». Здесь и в дальнейшем библейские цитаты даются так, как они приведены у Рудольфа Штайнера — *прим. перев.*

тепловая стихия старого Сатурна уплотняется до стихии газовой. Но каждое такое уплотнение связано с исходом чего-то более утонченного. Если уплотнение до газовой стихии есть как бы нисхождение, то существует, с другой стороны, и восхождение к стихии световой; так что когда мы со старого Сатурна переходим к старому Солнцу, мы должны сказать: старый Сатурн живет еще всецело в стихии тепла; в солнечном состоянии к этому еще присоединяется нечто более уплотнившееся, газообразное, но в то же время и световая стихия. Благодаря ей становится возможным, чтобы теплота и газообразное проявились наружу.

Если мы далее обратим внимание на один из выделившихся комплексов — на тот, который обозначается словом «ha'arez» и обычно переводится «земля», — учитывая при этом, что Элохимы, вспомнив, держали его в поле зрения души, то должны будем спросить себя: как могли обозначить его Элохимы? Они не могли его обозначить так, как будто в нем воскресло то, что уже существовало на старом Солнце. Не хватало ведь световой стихии. Она отделилась, в связи с чем ha'arez стал однобоким. Он не принял в себя свет, а лишь более грубые стихии: водную, воздухообразную и тепловую. Правда, в том, что обозначено «haschamajim», свет присутствовал; но haschamajim есть то солнечное, что выделилось из другого комплекса. В этом другом комплексе отсутствовали утонченные компоненты стихий, отсутствовал свет. Поэтому мы можем сказать: в одном из комплексов переливались — в том виде, который мы обозначили звукосочетанием tohu wabohu, — стихии тепла, воздуха и воды. И они были оголены; у них не хватало того, что во время бытия старого Солнца вступило в эволюцию, — стихии световой. Они, значит, остались непросветленными, в них не было ничего солнечного. Все это вместе с haschamajim покинуло их. Так движение вперед в направлении к земному развитию означает не что иное, как следующее: то, что в

виде света содержалось в старом солнечном, пока последнее было еще соединено с тем, что мы называем землею, выделилось, и в виде ha'arez осталось темное сплетение стихий — тепла, воздуха и воды.

Теперь, после всего сказанного, мы еще ближе познакомились с промыслом Элохимов. Но мы никогда не будем в состоянии представить себе это должным образом, если не учтем, что все то, что мы называем бытием стихий — воздух, вода и тепло, — по сути есть в то же время внешнее выражение духовных существ. Не совсем верно называть это одеянием; понять это надо как внешнее возвещение. Так что все то, что мы называем «воздухом», «водою», «теплом», по сути есть майя, иллюзия, и существует сначала лишь как внешняя видимость — даже для душевного ока. На самом деле, если проникнуть в ее истинное существо, оно — душевно-духовное, оно есть внешнее выражение душевно-духовной природы Элохимов. Однако когда мы рассматриваем этих Элохимов, мы еще не должны себе представлять их сходными с человеком, потому что их цель как раз заключалась в том, чтобы создать человека, вызвать его к бытию с его особой организацией, еще плод промышления на данный момент. Человекоподобными мы себе их поэтому представлять не должны; но в известном отношении мы все же и у них, у этих Элохимов, можем найти особого рода разделение их сущности. Когда мы сегодня говорим о человеке, мы совершенно не были бы в состоянии понять его, если бы не разделяли его существо на телесное, душевное и духовное. И вы ведь знаете, что нас именно в антропософской области особенно занимает изучение роли и сути этой троичности человека: тела, души и духа. Делать такое разделение, видеть существо в такой троичности мы принуждены лишь у человека. И мы, конечно, сделали бы грубейшую ошибку, если бы представляли себе тех существ предчеловеческих эпох, называемых в Библии Элохимами, подобными

человеку. Но и у Элохимов мы уже должны различать нечто вроде телесного и нечто вроде духовного.

Когда вы у человека проводите различие между его телесным и его духовным, вы вполне сознаете, что в той внешней форме, в каковой является он перед нами как земное существо, сущность его живет не единообразно. Мы, например, не будем искать человека истинно духовного в его руке или в его ногах, но мы скажем: телесность его преимущественно сосредоточена в туловище, в ногах, в руках, а его духовное имеет свои органы в голове, в мозгу — вот где орудия его духа. Такое различие делаем мы между отдельными частями человеческой формы; известные части представляются для нас скорее выражением телесной природы, другие — духовной.

Нечто подобное — хотя и не в такой резкой форме — мы должны делать в отношении Элохимов. По сути, все прядение, все бурление, о которых я говорил, только тогда будет верно понято нами, когда мы будем смотреть на них как на телесность духовно-душевного начала Элохимов. Итак, все это прядение стихий — тепла, воздушного и водного — представляет собою внешнюю телесность Элохимов. Но и тут мы должны опять делать различие между разными сотканными из стихий членами Элохимов. Мы должны представлять себе их более грубое, их телесное начало связанным со стихиями водной и воздушной. Во всем же том, что в виде тепловой стихии пронизывало воздушное и водное, что пронизывало это tohu wabohu и вздымалось в нем как струящаяся теплота, — во всем этом действовало то, что мы можем назвать духовным началом Элохимов. Точно так же, как мы говорим, что телесное человека проявляется больше в его туловище, в руках и ногах, а духовное — больше в его голове, мы можем сказать, принимая весь Космос, всю Вселенную как телесность Элохимов: в стихиях воздуха и воды живет преимущественно телесное Элохимов, а в стихии теп-

ла прядет их духовное. Таким образом вы будете смотреть на Космос как на телесность Элохимов; и после того, как мы это внешнее телесное охарактеризовали в качестве tohu wabohu элементарных сущностей, вы усмотрите прядущий дух Элохимов в том, что как теплота пронизывало эти элементарные сущности.

Для выражения отношения между духовным началом Элохимов и стихиями Библия употребляет немного странное слово: «Ruach Elohim m'rachephet»*. Это странное слово мы должны ближе рассмотреть, чтобы понять, каким образом дух Элохимов проницал другие элементы. Это слово «racheph»** мы поймем только если, так сказать, призовем на помощь все то, что проходило в те времена через душу при произнесении этого слова. Когда говорят: «Дух богов прял над расходящимися массами вещества» или «над водами», то этим, собственно, ничего еще не сказано. Потому что верное истолкование этого глагола racheph мы получим лишь, если мы представим себе — я должен прибегнуть для наглядности к довольно грубому образу, — как от курицы, сидящей на яйцах, исходит теплота, согревающая их. И если вы представите себе воздействие этой теплоты, этих тепловых лучей, идущих от курицы к яйцам, чтобы довести их до созревания, тогда у вас явится понимание того глагола, который употреблен здесь в Библии с целью сообщить нам, что, собственно, творит Дух в тепловом элементе. Конечно, было бы совершенно неправильно сказать, что Дух Элохимов «высиживает», потому что здесь не имеется

* Руах элохим м'рахефет רוּחַ אֱלֹהִים מְרַחֶפֶת.

** Рахеф, רַחֵף — bruten (высиживать), schweben (парить). В русском языке «общим знаменателем» этих двух немецких глаголов будут по аналогии два существительных с корнем «ПАР» (горячий влажный воздух): 1. ***Парение*** птицы («И Дух Божий парил над водами») и 2. ***Парилка*** (ср. высиживание птенцов, когда курица является биологическим инкубатором, обогревателем парилки. Ср. также простонародное выражение: «Курица села пáрить» — *прим. перев.*

в виду то, что мы сегодня понимаем под этой воспринимаемой внешними чувствами деятельностью «высиживания», а скорее подразумевается активность излучаемой теплоты. Как из курицы излучается теплота, так Дух Элохимов излучался через тепловую стихию в другие стихии — воздушную и водную. Если вы все это представите себе, то получите картину того, что подразумевается словами: «И Дух Элохимов высиживал над массами вещества, над водами».

И теперь мы до некоторой степени сконструировали себе ту картину, которая витала перед душой древнееврейского мудреца, размышляющего об этом прадревнем состоянии. Мы построили себе сложное целое, в котором в виде охарактеризованного мною tohu wabohu как бы шарообразно переливались и пронизывали друг друга теплота, воздух и вода. От всего этого в виде haschamajim отделилась вся светообразная стихия; а переливающиеся три стихии изнутри пронизаны тьмой. В одной из этих стихий, в тепловой, мы видим прядение духовного начала Элохимов — как распространяется оно вместе с волнами тепла по всем направлениям, приводя к созреванию то, что еще, будучи зародышем, дремлет во мраке.

Таким образом, в конце этого изречения, на содержание которого обычно указывают словами «Дух Элохимов носился над водами», мы оказались в гуще того, что в первом стихе Библии в контексте ha'arez мы называем «землей». Мы охарактеризовали то, что осталось там, в этом ha'arez, после того, как его покинуло haschamajim.

Обратим опять наше внимание на более ранние состояния. Мы можем от Земли вернуться к лунному состоянию, к состояниям Солнца и Сатурна. Взглянем на бытие старого Солнца. Мы знаем, что тогда еще не могло быть речи об отделении того, что мы сегодня называем «земным», от солнечного; поэтому тогда не могло быть также речи о том, что земное может быть извне

озаряемо светом. Специфика нашего земного бытия ведь и состоит в том, что Земля получает свет извне. Вы должны представить себе Земной шар заключенным в Солнце, составляющим как бы часть его, а потому не получающим света извне, но принадлежащим к тому существу, которое излучает свет в пространство, — тогда вы получите состояние старого Солнца. Оно характеризуется именно тем, что все землеобразное, тогдашнее земное, не получает света, а само распространяет его, что оно само есть источник света.

Обратите внимание на эту разницу: в старом солнечном состоянии Земля участвует в излучении света; в земном она более не участвует в этом. Земля дала выделиться из себя всему, что распространяет свет; она может его получать только извне. Вот характерное отличие нового земного состояния, выявившегося постепенно в ходе развития, от старого солнечного состояния. С отделением солнечного, этого haschamajim, вышло все световое; оно теперь вне Земли. И то бытие стихий, которое переливается в ha'arez в виде tohu wabohu, не имеет своего собственного света. Там есть только нечто такое, что может быть названо «насиженным от Духа Элохимов». Но это не делало его светлым само по себе, а оставляло его изнутри во мраке.

Взглянем теперь еще раз на все бытие стихий как на нечто целое. Вы ведь уже знаете из прежних лекций, что, говоря об элементарных состояниях нашего земного бытия, мы начинаем с твердого состояния, переходим затем к водяному, к воздуху, или газообразному, и, наконец, к тепловому элементу. Этим мы, так сказать, перечислили самые плотные состояния вещества. Но это не все. Подымаясь выше, мы находим еще более тонкие состояния, о которых мы получим лишь смутное понятие, назвав их «более утонченной материей». Дело в том, чтобы познакомиться ближе с этими более тонкими состояниями в отличие от более грубых, каковы газообразное, тепловое и другие состоя-

ния. Их обыкновенно называют эфирными состояниями; и мы всегда первым из них выделяли свет: значит, спускаясь от теплоты вниз, в более грубую материю, мы приходим к газообразному, а подымаясь вверх — к свету. Подымаясь от светового элемента еще выше, мы приходим к еще более тонкому эфирному состоянию; мы подходим к чему-то такому, чего, собственно, нет в непосредственном виде в мире, доступном нашим обычным чувствам. В мире внешних чувств существует лишь внешнее отражение того, что еще тоньше в сравнении со световым эфиром. С оккультной точки зрения можно сказать, что силы в этом более тонком эфире те же самые, что управляют химической группировкой, химическим соединением веществ, организацией материи подобно тому, как мелкая пыль, посыпанная на пластинку, под воздействием соприкасающегося смычка распределяется в так называемые хладниевы звуковые фигуры. Что грубый, чувственный звук производит здесь в пыли, то совершается вообще по всему пространству. Пространство дифференцировано в самом себе и пронизывается силами более тонкими, чем силы света, являющимися в духовной области тем, что в чувственном есть звук. Таким образом, мы можем говорить о химическом или звуковом эфире, более тонком, чем световой, когда мы поднимаемся от тепла к свету, а оттуда еще выше, к этому более тонкому эфиру, который содержит дифференцирующие силы, разъединяющие и соединяющие материю. В действительности этот эфир по природе звучащий и тонообразующий, но чувственным ухом не воспринимается; слышимый внешнему слуху звук есть лишь внешнее выражение этого более тонкого эфира, которое он принимает благодаря тому, что прошел через воздух. Этот чувственный звук сближает нас с более тонким элементом, лежащим выше света. Значит, когда мы говорим, что вместе с haschamajim выделилось из ha'arez то, что раскрывается внешне, то мы не долж-

ны иметь в виду только то, что проявляется в стихии света, но подразумеваем также то, что проявляется в более тонкой эфирной сущности звукового, звукообразующего и что, в свою очередь, пронизывает свет.

Как, идя вниз от теплоты, мы приходим к газообразному, а от последнего — к водному, так, идя от теплоты вверх, мы приходим к свету, от света — к звукообразующему, к регулирующему химические процессы эфиру. И от водного мы можем опускаться еще ниже, к земному. Куда же мы придем, если поднимемся от звукообразующего еще выше, к еще более тонкому эфиру, который также ушел вместе с haschamajim? Тогда мы встретимся с тем, что, так сказать, будучи самым тонким эфирным состоянием, живет в только что описанном звукообразующем, в регуляторе химизма. Если вы направите свой духовный слух на это последнее эфирное состояние, то вы, конечно, не услышите ничего из внешнего колебания воздуха, но вы услышите тон, который дифференцирует пространство, проникает его и упорядочивает материю, подобно тому как произведенный смычком на пластинке звук располагает пыль в хладниевы звуковые фигуры. И в это упорядочиваемое звуковым эфиром бытие изливается более высокое эфирное состояние. Этот высший, тончайший эфир таким же образом пронизывает звуковой эфир, как мысль пронизывает произносимый нашими устами звук, превращая его в слово. Обратите особенное ваше внимание на то, что превращает звук в осмысленное слово, тогда вы получите представление о том, что живет и движется в звуковом эфире в качестве высшего, тончайшего эфира, космически пронизывая его, давая смысл устроительному мировому звуку: о пронизывающем пространство Слове, которое изливается в звуковой эфир и которое в то же время есть источник жизни, сама истинная, всюду переливающаяся и ткущая мировую ткань жизнь. Таким образом, то, что ушло вместе с haschamajim из ha'arez и стало солнечным,

отделенным от низшего и земного, от tohu wabohu, — это такая стихия, которая может внешне возвещать о себе как свет. Но за этим светом стоит нечто духовно-звуконосное, а за этим последним, космический глас. Поэтому мы можем сказать: в высиживающей теплоте изживается лишь низшее духовное Элохимов, вроде того, как наши страсти изживаются в низинах нашей души. Высшее же духовное Элохимов ушло вместе с haschamajim; оно живет в свете, в звукообразующем эфире, в духовно-речевом, в космическом Слове. Все то, что перешло в это солнечное, может теперь только извне вливаться в tohu wabohu.

Попытаемся теперь образно представить себе все то, что витало перед душой древнееврейского мудреца при словах ha'arez и haschamajim. То, что там обособилось как духовно-светоносное, звукообразующее, речеобразующее, словообразующее, — как оно воздействовало, когда воссияло вновь? Оно воздействовало как глаголющий из солнечной стихии свет; как свет, за которым стоит космический глас. Итак, представим себе все связанное с tohu wabohu — полный мрак, переливание стихий тепловой, газовой, водной, — представим себе все это как находящееся в беспросветном мраке. И затем мы представляем себе, как извне, деяниями Элохимов, благодаря творческому Слову, этой высшей эфирной сущности, лежащей в основе всего, в tohu wabohu излучается свет и вместе со светом изливается сила, содержащаяся в Слове. Как же обозначить то, что здесь происходит? Нельзя это обозначить лучше, нежели следующими словами: существа, перенесшие вместе с haschamajim свое высшее к эфирному, возвращали свой гласящий свет из мирового пространства этому tohu wabohu. Этим охарактеризован смысл монументальных слов: «И боги сказали: да будет Свет! И стал свет там, где была тьма, в tohu wabohu». Вот вам картина, которая витала перед древнееврейским мудрецом.

Таким образом, мы должны представлять себе существо Элохимов распростертым на весь Космос, который есть как бы их телесность: бытие стихий, выраженное в tohu wabohu, есть низшее отображение их телесности; тепловая стихия — более высокое; haschamajim же — образ их высшего духовного; оно обособилось и теперь извне творчески воздействует на tohu wabohu и руководит его становлением.

Теперь вы можете сказать: этим ты поясняешь нам, как глаголющее светоносное космическое Слово упорядочило хаотическое переливание элементов в tohu wabohu и привело его к тому, чем оно стало впоследствии. Но откуда и как организуется человеческая форма? Такая человеческая форма, как наша — прямостоящая на двух ногах с разумным функционированием рук, как это свойственно нам, — не может существовать без сил, заложенных в мозгу, излучающихся оттуда и организующих ее. Наша форма организуется нашими высшими духовными силами, которые исходят из нашего духа. Всегда низшее организуется высшим. Так и ha'arez, служащий как бы телом Элохимов, в качестве более низкого организовывался высшей телесностью, этим haschamajim и действующим в нем Духом Элохимов. Значит, их высшее духовное завладевает тем, что выделилось, и извне начинает свою организационную работу, как это выражено в словах: «Явленный в космическом глаголе свет льется во тьму». Им организуется tohu wabohu и высвобождается из неустройства стихий. Таким образом, если вы представите себе haschamajim как бы головою Элохимов, а в оставшемся бытии стихий будете видеть их туловище и конечности и представите себе, что силой, исходящей из головы, организуется бытие стихий, туловище и конечности, — тогда вы имеете перед собой фактический процесс: имеете как бы человека в космическом масштабе; и в этом космосе он своими органами духа, находящимися в haschamajim, организует весь

Космос. Мы можем поэтому представлять себе организующего себя самого макрокосмического Человека, когда видим, как все созидающие силы из haschamajim изливаются на ha'arez.

Чтобы получить еще более ясную картину обо всем здесь происходящем, бросим взгляд на современного человека и спросим себя, благодаря чему, собственно, человек, с оккультной точки зрения, а не с той, на которой стоит современная дилетантская наука, благодаря чему он стал таким, каким он является теперь? Откуда взялась определенная форма, отличающая его от всех окружающих его живых существ; что делает его, собственно говоря, человеком? Что, собственно, проходит через весь человеческий облик? С незашоренным взглядом чрезвычайно легко ответить на вопрос, что, собственно, делает человека человеком. Это то, что есть у него и чего нет ни у одного из прочих существ, окружающих его на земле, это речь, проявляющаяся в звуках, она делает его человеком. Представьте себе форму животного. Что может дать ей толчок для развития, для подъема к человеческой форме? Какая сила должна войти в нее, чтобы она стала человеческой формой? Поставим вопрос несколько иначе: представим себе какую-нибудь животную форму, которую мы должны были бы снабдить чем-нибудь, пронизать каким-то дуновением; что должно было бы содержать это дуновение, чтобы эта форма начала говорить? Она должна была бы почувствовать себя так организованной внутренне, чтобы издавать членораздельный звук. Это звуковое начало творит из животной формы человеческую.

Как можно поэтому образно представить себе и внутренне прочувствовать Космос? Как можно все, что я набросал перед вашей душой, что я так подробно, картина за картиной, сконструировал из элементарного, как можно это все прочувствовать? Как можно изнутри прочувствовать макрокосмическую

форму человека? Когда начнешь чувствовать, как звук воплощается в образ, в форму! Когда начинаешь ощущать, например, звук «А», когда он несется по воздуху, является не только звуком; надо ощущать этот звук как формообразующее в себе, подобно тому, как пыль складывается в узоры под воздействием тона, вызываемого смычком на пластинке. Необходимо научиться чувствовать, как звуки «А» и «Б» и т. д., несясь по воздуху, как бы ткут в пространстве ткань! Нужно уметь чувствовать не только звуковую вибрацию, но и формообразующее, тогда будешь чувствовать то, что чувствовал древнееврейский мудрец, когда звуки вызывали в нем те образы и те картины, которые я набросал здесь пред вашим духовным оком. Таково было действие звука. Поэтому я должен был бы сказать: «Bet» вызывала представление чего-то замкнутого, обособленного, как бы скорлупы с содержимым внутри; буква «Resch» вызывала представление, схожее с тем, когда мы ощущаем собственную голову. А «Schin» вызывало нечто такое, что я уподобил бы подзадориванию. Это совершенно объективный язык, который звуками своими выкристаллизовывается в картине, если душа к этому восприимчива. Поэтому в самих этих звуках является нам та высокая школа, которая древнего мудреца приводила к картинам, возникающим перед взором видящего, когда он вступает в сверхчувственное. Таким образом звук метаморфизируется в духовный образ и вызывает картины, складывающиеся именно так, как я это описал. Самое замечательное в этом древнем Правозвестии заключается именно в том, что оно сохранилось на языке, чьи звуки созидают образы и кристаллизуются в душевные формы. И это как раз те образы, которые обретаешь, если проникаешь в сверхчувственное, откуда развилось чувственное начало нашего земного бытия. Если принимать это во внимание, тогда появляется невыразимый трепет и

глубокое благоговение перед тем, как развивалась наша Вселенная. Начинаешь чувствовать, что это не случайность сохранила нам этот дивный памятник человеческого бытия именно в тех письменах, буквы которых сами по себе в силах пробудить в нашем духе душевные образы и привести нас к тому, что видящий в наше время может найти самостоятельно. Вот то ощущение, которое следовало бы усвоить антропософу, приступающему к отправной точке этого древнего Провозвестия — к Ветхому Завету.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 19 августа 1910 г.

Вчера мы вызвали перед своей душой тот момент, на который указывает Библия знаменательными словами: «И Боги сказали: Да будет свет! И стал свет». Этим мы указали на событие, которое является для нас повторением на высшей ступени развития, предшествовавших нашему земному бытию. Все снова и снова я должен указывать вам на картину, как пробуждающийся от сна человек извлекает из своей души определенное содержание. В таком приблизительно образе должны мы представлять себе, как из души Элохимов воскресает в новой, измененной форме то, что медленно и постепенно в ходе развития подготавливалось на Сатурне, Солнце и Луне. В сущности, все повествуемое нам в так называемом шести- или семидневном творении Библии есть не что иное, как новое пробуждение предыдущих состояний, но только не в прежних, а в новых формах, в новом облике. Теперь мы можем поставить себе следующий вопрос: как быть с достоверностью того, что нам повествуется в этом шести- или семидневном творении?

На этот вопрос мы лучше всего сможем ответить, если поставим его так: мог ли бы наш обычный глаз, да вообще могли ли бы наши современные органы чувств проследить чувственным образом то, о чем повествует нам библейский шестоднев? Нет, этого они бы не могли. Потому что те события, те факты, о которых там повествуется, происходят по сути в той сфере, которую мы можем назвать бытием стихий. Так что для наблюдения этих процессов необходима была бы известная степень ясновидящего познания и ясно-

видящего восприятия. Истинная правда то, что Библия нам повествует о происхождении чувственного из сверхчувственного, и факты, поставленные ею во главу угла, суть сверхчувственные факты, хотя бы лежащие только на одну ступень выше наших обычных, чувственных явлений, которые ведь из первых и произошли. Таким образом, мы до некоторой степени заглядываем в область ясновидения, когда слышим описание шестидневного творения Библии. В эфирной и в элементарной формах воскресало то, что существовало раньше. Будем твердо держаться этого, иначе мы будем не в состоянии как следует понять истинный смысл краеугольных слов Книги Бытия. Так мы вправе ожидать, что увидим возникновение на новый лад всего того, что постепенно развилось на старом Сатурне, Солнце и Луне.

Спросим себя поэтому сначала: каковы были, собственно, те своеобразные состояния, через которые проходило развитие в этих трех планетарных формах? На это мы можем ответить: на старом Сатурне — об этом вы можете справиться в моем «Тайноведении» — все находилось в своего рода минеральном состоянии. Все то, что представляло собой первый зародыш человека, вообще вся масса древнего Сатурна находилась в своего рода минеральном состоянии. При этом вы не должны представлять себе ныне существующий вид минерального, так как старый Сатурн еще не располагал элементами воды или твердого вещества, он был исключительно тепловым телом; там была лишь одна взаимопроникающая, переливающаяся теплота. Но законы, существовавшие на этой тепловой планете, руководившие структурированием тепловых элементов, были те же самые, что и сейчас господствуют в нашем твердом минеральном царстве. Поэтому если мы говорим: старый Сатурн, а на нем также и человек, находились в минеральном состоянии, мы должны понимать, что тогдашнее минеральное состояние было

иное, нежели нынешнее с его твердыми формами; то было состояние внутри прядущей теплоты, но с минеральными законами.

Затем следует солнечное состояние. На него мы должны смотреть так, что из солнечной массы еще не успело выделиться то, из чего впоследствии образовалось земное. Что ныне принадлежит частью Земле, а частью Солнцу, составляло тогда еще, так сказать, одно целое; в солнечное время все это составляло единое космическое тело. Внутри этого старого Солнца образовалось — как уплотнение сравнительно с Сатурновым состоянием — газообразное вещество; так что мы здесь, кроме переливающейся теплоты, имеем еще закономерно структурирующийся и взаимопроникающий газо- или воздухообразный элемент. Но одновременно с этим мы видим здесь по направлению кверху новое образование, как бы утончение теплового элемента в сторону светового, мы видим излучение света в мировое пространство. То, что мы можем назвать существами нашего планетарного развития, во время солнечного состояния развилось до растительного. Опять-таки мы не должны думать, что на старом Солнце существовали такие растения, какими мы их теперь видим на Земле, а нам следует уяснить, что лишь законы, управляющие современными нашими растениями — те законы, согласно которым корень направляется книзу, а бутон стремится кверху, — что такие законы имели место в ходе старого солнечного состояния в стихиях воздухообразной и тепловидной. Конечно, твердые растительные формы тогда не могли существовать, но силы, заставляющие бутон направляться кверху, а корень книзу, надо представлять себе прядущими в воздухообразной стихии; так что старое солнечное состояние можно представить себе как светообразные проблески цветочных форм, стремящихся вверх. Представьте себе газовый шар и внутри него прядущий живой свет, который расплескивает то, что на пиках своих

выбросов позволяет газообразному элементу как бы выстреливать световыми цветочными формами, и опять-таки стремится удерживать его снизу; свет этот хочет проблистать, а старое солнце опять-таки центростремительно его сдерживает, — тогда вы получите внутреннее прядение света, теплоты и воздуха на старом Солнце. Законы минерального царства повторяются, к ним присоединяется растительная закономерность; а все то, что существует тогда от человека, находится еще в некотором растительном состоянии.

Где могли бы мы в настоящее время найти что-нибудь, что можно было, хотя бы до некоторой степени, сравнить с этой растительной пряжей старого солнечного шара, состоявшего из газа, теплоты и света? Если искать это физическими чувствами, свойственными ныне человеку, то нигде во всей Вселенной теперь этого не найдешь. В известное время старого солнечного состояния все это существовало и физически, то есть физически вплоть до плотности газа. В настоящее время такое физическое существование вообще немыслимо. Тот строй взаимодействия, что имелся тогда также физически, ныне может быть обнаружен человеком только тогда, когда он ясновидящим оком проникнет в области сверхчувственного мира — туда, где поныне находятся главные духовные существа наших видимых растений, которые нам уже знакомы как групповые души растений. Мы ведь знаем, что в основе нашего видимого растительного царства лежит нечто такое, что мы можем назвать групповыми душами. В настоящее время их можно найти только ясновидящим сознанием в области духа. Там эти групповые души растений существуют не в виде отдельных растительных особей, наподобие наших внешних растений, растущих на Земле, но там для всякого семейства — например, семейства роз, фиалок, дуба и т. п. — имеется своя групповая душа. Значит, в духовной области мы не будем искать для каждого единичного растения от-

дельное духовное существо, а лишь для каждого семейства или вида. Эти виды и семейства растений представляются нашему современному выхолощенному, отвлеченному мышлению ничем иным, как понятиями, отвлеченностями. Так это было уже и в средние века; и поскольку уже и тогда не знали более ничего о том, что живет и созидает в духовной области в качестве базиса для физического, как раз и мог возникнуть знаменитый спор о реализме и номинализме, то есть спор о том, есть ли то, что существует как род или семейство, лишь имя, простое название, или же нечто реально-духовное. Для ясновидящего сознания весь этот спор не имеет никакого смысла, потому что если сознание будет направлено на растительный покров нашей земли, то оно через внешнюю физическую форму растения проникнет в духовную область; и в этой духовной области живут как действительно реальные существа групповые души растений; и эти групповые души единосущны тому, что мы называем видом или семейством растений. Во время полного расцвета старого Солнца — шара из воздуха, тепла и света, когда играющий там свет выбрасывал на газовую поверхность светозарные формы цветов растительного бытия, формы эти были теми же самыми — и притом в физическом, газообразном виде, — что и теперь можно найти только в духовной области как виды и семейства растений. Только хорошенько запомним, что тогда, в старом солнечном состоянии виды растений, виды и семейства того, что теперь как зелень, как цветы, как деревья и кустарники покрывает нашу землю, — что все это переполняло старое Солнце в том смысле, что это были групповые души, виды и семейства.

То, что тогда существовало в качестве человека, также находилось в состоянии, подобном растению. Человек не мог осознавать, вызывать внутри себя в качестве представления происходящее вокруг него так же, как и теперь растение не может осознавать происхо-

3 – 4074

дящее вокруг него. Человек сам пребывал в растительном бытии, и между восходящим и нисходящим световыми образами, которые вели свою игру в газовом солнечном шаре, встречалась также телесность тогдашнего человека. Дело в том, что для возникновения самой примитивной формы сознания требуется нечто совершенно особое в Космосе. Пока наше земное было еще соединено с солнечным, пока, стало быть, грубо выражаясь, свет Солнца не падал снаружи на Земной шар, до тех пор у земных существ не могло образоваться то, что можно было бы назвать сознанием. До тех пор также астральное тело, основа всякого сознания, не могло войти и проникнуть в тела физическое и эфирное. Для проявления сознания необходимо разделение, расщепление: требовалось выделение из солнечного чего-то другого. И это произошло на третьей стадии развития нашей Земли, во время старого лунного состояния. Когда кончилось старое солнечное бытие и все прошло через своего рода космическую ночь, тогда снова стало всплывать все ранее существовавшее, но теперь уже созревшее для двойственного бытия, когда все солнечное выделилось как особое мировое тело; старая Луна, где из наших стихий были лишь водная, воздушная и тепловая, осталась вне Солнца, обособленная от него в мировом пространстве. Старая Луна представляла собою тогдашнее земное; и только благодаря тому, что находившиеся на ней существа получали силу Солнца извне, они могли принять в себя астральное тело и развить в себе сознание, то есть отражать во внутренних переживаниях то, что происходило вокруг них. Значит, животное с внутренне деятельной животной жизнью, существо, одаренное сознанием, могло возникнуть лишь при условии, что произошло разделение между земным и солнечным. Поэтому на старой Луне стала возможной животная жизнь, и сам человек смог доразвиться своей телесностью до животного. Более подробно говорится об этом в моем «Тайноведении».

Таким образом, нам теперь стала ясна связь, закономерно соединяющая три предшествующих нашему земному становлению состояния, и условия, сделавшие возможным это земное становление. В лунном состоянии к газообразному присоединились, с одной стороны, жидкая, водная стихия, а с другой — звучащее, стихия звуковая; то звучащее, что представляет собой, как я вам это вчера объяснял, утонченное состояние света. Таков в общем ход развития. Все, что происходило в продолжение этих трех состояний, вновь всплыло как воспоминание Элохимов, но всплывало сначала — как я сказал вчера — в путаном состоянии, которое, как мы видели, Библией характеризуется словами tohu wabohu. Поначалу воздух, вода и теплота, три элементарные состояния, объединенные взаимопроникновением, располагались вдоль силовых линий, идущих центробежно от определенного пункта и центростремительно возвращающихся с периферии. Теперь они оказались перемешаны, но раньше они уже были разделены. Еще на Солнце они были разделены, дифференцированы, когда газообразное отделилось от теплового, и в старом лунном состоянии эти три формы теплового, газового и жидкого также были отделены друг от друга. Теперь же они во время этого tohu wabohu кипели друг в друге, так что в первоначальные времена земного становления нельзя было отличить ни водного, ни газообразного, ни теплового. Все было перемешано.

Первым было то, что в этот хаос, в это смешение пробилось световое. И затем из той душевно-духовной деятельности, которую я вам описал как космический промысел, проявилась такого рода работа, которая прежде всего в этом смешении элементов отделила старое газообразное от старого жидкого. На этот момент, который следует за наступлением света, я прошу обратить особенное внимание. Если мы произошедшее тогда передадим сухой прозой, то мы должны сказать:

после того, как свет озарил tohu wabohu, Элохимы отделили то, что уже прежде было газообразным, от того, что прежде было водным, так что можно было снова различать между тем, что было в газообразном, и тем, что было в водном состоянии. Итак, в массе, представлявшей собою взаимопроникновение трех элементарных состояний, происходило теперь разделение, притом такое, что выступило двоякое: одно с чертами воздушного, стремящееся распространиться во все стороны, и другое, которому свойственна была цепкость соединения и сопряжения. Это водное. Но оба эти состояния в то время, о котором здесь говорится, еще не были таковы, чтобы их можно было сравнить с тем, что мы теперь называем газо- или воздухообразным и жидким. Вода была гораздо гуще или плотнее; и мы сейчас увидим, почему это так. А воздухообразное было таково, что, если мы хотим точно определить его тогдашнее качество, мы лучше всего можем его сравнить с тем, что мы видим там вверху, когда вода появляется в воздухе в газообразном виде, то есть в форме водного пара с тенденцией подняться вверх в виде облака, чтобы потом спуститься вниз дождем. Значит, один элемент был восходящим, а другой — нисходящим. Водное наличествует и тут, и там; только одно водное имеет склонность превратиться в пар и подняться вверх как облако, а другое — склонность изливаться вниз и принимать форму поверхности. Все это, конечно, столько сравнение, потому что все, что я теперь описываю, разыгрывалось в стихиях.

Поэтому, намереваясь характеризовать дальнейший ход развития, мы должны сказать: Элохимы своим космическим промыслом произвели в tohu wabohu разделение на два состояния элементов. Одно стремилось кверху, чтобы превратиться в пар, — это водное в переходе к газообразному; другое имело наклонность изливаться вниз — это водное, которое консолидируется, становясь все гуще и гуще. Таково то событие, на

которое в современных языках (например, в русском) обычно указывается словами: «Боги сотворили нечто между верхними и нижними водами». Теперь я вам разъяснил, что, собственно, боги здесь сотворили. Они дали водному такое устройство, что одно элементарное стремилось от центра вверх, а другое — вниз, к центру. Однако тем, что лежит между этими двумя состояниями, не указывается на что-нибудь такое, что можно было бы пощупать руками, а имеется в виду именно то разделение на два вида сил, только что описанное мною. Если сравнить это с каким-нибудь внешним явлением, то можно сказать: Элохимы устроили так, что воды, с одной стороны, подымались кверху, стремясь образовать облака, выйти вовне, в мировое пространство, а с другой стороны, воды влекло вниз, чтобы собираться на поверхности земли. Это своего рода разделение на уровне идей, поэтому и слово, употребленное для этого разделения в Библии, следует понимать как идею. Вы знаете, что латинская Библия в этом месте употребляет слово «фирмамент» (firmamentum), а в еврейской Библии стоит слово «rakia»*. Это слово отнюдь не означает что-либо доступное внешним физическим чувствам, а означает именно разделение на две силы различного направления.

Тем самым мы воссоздали себе то, что в Книге Бытия описывается как второй момент; так что, переводя это на свой язык, мы должны сказать: Элохимы прежде всего отделили в беспорядочно переплетающихся элементарных состояниях воздухообразное от водообразного. Это и будет точная передача того, что имеется в виду: стремящееся стать воздухом, что включает, конечно, в себя газообразно-водное, они отделили от того, что имеет наклонность конденсироваться в более плотное состояние. Это разделили Элохимы, и это второй момент библейской истории сотворения мира.

---

* ракиа, רָקִיעַ.

Теперь мы переходим к третьему моменту. Что тут происходит? То центробежное, что излучается наружу и стремится образовывать облака, достигло теперь такого состояния, которое до известной степени есть повторение, но лишь в более грубой форме, раннего состояния, бывшего на старом Солнце. Центростремительное же, повторяющее собою в известном отношении уплотненное вплоть до водного на старой Луне, дифференцируется дальше. И это дальнейшее разделение и есть третий момент земного становления. Мы можем сказать: во втором моменте Элохимы отделили воздухообразное от водного. В третьем же моменте они производят разделение внутри самого водного, отделяют то, что мы называем теперь водою от того, чего еще не было раньше, — от новой степени уплотнения, от твердого. Теперь только появляется твердое. На старой Луне еще не существовало этого твердого, этого земляного. Теперь оно выделяется из водяного. Так что третий момент земного становления представляет собою процесс уплотнения, и мы должны сказать: так же, как на втором этапе Элохимы отделили воздушную стихию от водной, точно так же они теперь, в третьей стадии, производят разделение в веществе старой Луны между новым водным и земляным, являющимся теперь чем-то совершенно новым. Все, что я описывал вам до сих пор, существовало и раньше, хотя и в иной форме. Новым же является только земляное, твердое, появляющееся теперь в третьем моменте из Книги Бытия: выделенное из водного земляное и есть это новое. Только это дает возможность тому, что существовало раньше, проявиться в новом виде.

Что же образуется теперь раньше всего? А именно то, что уже существовало на старом Солнце и что описано нами как распускающееся в тонком газовом элементе Солнца растительное; это потом повторялось на старой Луне в водном элементе, где ведь тоже еще не было растительных форм в нашем смысле

слова. И это же повторяется теперь в самой земляной стихии. В земляном повторяется растительное. И это рисуется нам в Библии удивительным образом. Что означают дни творения, об этом я буду говорить впоследствии, теперь же я говорю о появлении света, о появлении воздуха и о разделении между водой и твердью. Эта твердь из самой себя производит растительное, в качестве повторения. Удивительно наглядным образом нам обо всем этом повествуется в Библии, когда говорится, что растительное произрастает из земляного после отделения этого последнего Элохимами от водяного. Появление растительного на так называемый третий день творения есть таким образом повторение в твердом элементе того, что уже было на старом Солнце, это как бы космическое воспоминание. В космическом Элохимов всплыло то растительное, что было на старом Солнце в состоянии газообразном, но теперь находилось уже в твердом состоянии.

Все повторяется в иной форме. Это растительное все еще находится в таком состоянии, что оно еще не индивидуализировано, как теперь на нашей Земле. Я специально обращал ваше внимание на то, что индивидуальные формы растений, какими мы их видим теперь на Земле, еще не существовали ни в старом солнечном состоянии, ни в старом лунном, ни даже тогда в земном, когда это растительное появлялось в нем как повторение. Тогда существовали лишь групповые души растений, то есть то, что мы теперь называем семействами или видами растений; а это для видящего сознания не есть нечто отвлеченное, но реально существующее в духовной области. Это повторение появилось в сверхчувственной области. Поэтому оно нам так и описывается. Нужно удивляться бессилию толкователей Библии перед изречением, которое переводится обычно так: «Земля произвела разную траву и побеги по роду их». Следовало бы сказать: в соответствии с их родом. И вот вам объяснение: потому что все сущест-

вовало в виде групповых душ, в соответствии с родом, а не индивидуально, как мы это видим в настоящее время. Вы не поймете всего этого описания произрастания растительного в так называемый третий день творения, если не приложите сюда понятия о групповых душах. Вы должны уяснить себе, что там не было произрастания растений в нашем сегодняшнем смысле, но что там из душевной, из космически-промыслительной деятельности произрастали видовые формы, другими словами, произрастало «душевно-групповое начало» растительного. Таким образом, мы видим, как в момент, описываемый нам в так называемый третий день творения, когда Элохимы из водного выделяют твердое — четвертое — элементарное состояние, как в этот момент в этом твердом состоянии — в своей элементарной форме еще не доступное физическому, но лишь ясновидящему оку — повторяются видовые формы растительного.

Животное еще не может повториться. Мы уже охарактеризовали его таким, что оно могло проявиться в старом лунном состоянии только тогда, когда наступила двойственность, то есть когда выделившееся солнечное действовало извне. Поэтому и теперь должен был повториться этот процесс — выделение Луны — прежде чем развитие от растительного могло бы подняться к животному царству. А потому после третьего дня творения нам описывается, как в окружности земного появляется солнечное, лунное и звездное и как это все, снаружи озаряя земное, посылает туда свои силы. До этого произрастание являлось для нас действием самого планетарного состояния, теперь к этому действию присоединяется нечто внешнее, излучаемое из небесного пространства. Другими словами, подобный процесс следовало бы описать так: к силам Земного шара, который сам по себе, исходя из своей унитарности мог повторить лишь то, что им уже раньше было создано из этой унитарности, к этим силам Элохимы

своим космическим промыслом присоединяют новые силы, изливающиеся на планету извне, из небесного пространства. Так с земным бытием сочетается космическое бытие. Будем пока довольствоваться только этим касательно описываемого в так называемом четвертом дне библейского творения.

Что же, собственно, произошло теперь благодаря этому озарению извне? А то, что естественно могли повторяться процессы, уже проистекавшие в старом лунном состоянии, но в измененном виде. В старом лунном состоянии, знаем мы, создалось все то животное царство, которое только было возможно в воздухообразном и водном элементах. Что могло жить в воздухе и воде, то образовалось как животные; это сначала и могло теперь повториться. И Книга Бытия нам с поразительной деловитостью повествует, как в так называемом пятом дне творения начинает кишеть жизнь в воздухе и в воде. Это не что иное, как повторение старого лунного времени, но лишь на высшей ступени, новой форме, исходящей из земного.

Такого рода вещи способны превратить наше антропософское устремление в трепетное уважение к подобным древним памятникам; и тогда из чисто антропософских воззрений рождается чувство глубокого почитания таких древних памятников и поклонения им. Что находит ясновидящее сознание, то передается нам величественным, первобытно мощным языком в этих древних памятниках человечества; мы опять обретаем то, что мы уже раньше знали, а именно: что после озарения извне может снова повториться то, что в старом лунном состоянии существовало в элементах воздушном и водном. Ввиду этих познаний, потрясающих всю нашу душу, какова цена тем чисто рассудочным возражениям, которые часто приводятся против этих вещей? Каков вес, в особенности, возражения, утверждающего, что памятники эти созданы в первобытные времена, когда человеческое познание нахо-

дилось еще на детской ступени развития? Хороша же эта детская ступень, когда мы вновь находим в этих памятниках то высшее, к чему мы только в силах подняться. Не должны ли мы, напротив, ту же самую духовность, которая в настоящее время единственно в состоянии подняться к этим откровениям, приписать также авторам этих памятников? Разве древние ясновидящие, оставляя нам эти памятники, не говорят с нами на достаточно ясном языке? Познания, открываемые нами в этих памятниках, дают нам достаточное доказательство тому, что авторами их были древние вдохновенные ясновидцы. Мы, право, для этого не нуждаемся в исторических доказательствах. Доказательства мы можем добыть только тем, что научимся понимать эти памятники.

Исходя из этой точки зрения, мы говорим: только во всем том, что происходило после этого пятого момента, после так называемого пятого дня творения, могло проявиться что-нибудь новое. Потому что теперь уже повторилось то, чему надлежало повториться; теперь самое земляное, проявившееся как новый элемент, могло населяться животными и всем, что развивалось как новое образование. Поэтому мы видим, как с поразительной точностью и знанием дела нам повествуется, что в так называемый шестой день творения появляется то, что, так сказать, связано своим бытием, как новый элемент, с земляным. То животное начало, о котором говорится, что оно возникло в шестой день творения, является новым элементом и связано с земляным. Таким образом, мы видим, что вплоть до пятого дня творения повторяется прежнее на высшей ступени и в новой форме и что лишь с шестым днем творения появляется существенное земное, возможное только в условиях земного.

Этим я вам дал очерк происшедшего в шестидневном творении. Я вам показал, что тем, кто сообщают нам свою великую мудрость под таинственным покро-

вом шестидневного творения, хорошо должно было быть знакомо то, что впоследствии открывалось как нечто новое. Не менее хорошо знали они также, что лишь во время возникновения этих земных условий могло проявиться то, что составляет сущность человека. Мы знаем, что все пережитое человеком на старом Сатурне, Солнце и Луне было лишь подготовлением для создания человека в собственном смысле слова. Мы знаем, что во времена старого Сатурна развился лишь зачаток будущего физического тела человека. В старом солнечном бытии — к нему присоединился зачаток эфирного или жизненного тела, а в старом лунном бытии зачаток астрального тела. Все повторявшееся до конца так называемого пятого дня творения имело отпечаток астрального. Все существенное имело отпечаток астрального. Излить "Я", четвертый член человеческого существа, в существо этого сложного комплекса развития стало возможным лишь тогда, когда до конца были созданы условия земного бытия. Так Элохимы повторяли в продолжение пяти так называемых дней творения, на высшей ступени, прежние состояния и этим повторением подготовили земное. Только после этого они располагали — именно благодаря тому, что повторения эти совершались в новой форме — тем пластичным сосудом, коему они могли напечатлеть человеческую форму — это был венец всего развития.

Если бы происходило лишь простое повторение прежнего, то развитие могло бы дойти только до астрально-животного. Но так как с самого начала в повторяющиеся моменты вкладывалось нечто такое, что впоследствии обнаружилось как земное, то в конце концов вышло нечто такое, куда Элохимы могли излить все живущее в них. Я уже вам описал, каким образом все это жило в них, а именно так: как будто имеется группа, состоящая из семи человек, каждый из них ведает свое дело, познания их различны, но все они работают для одной общей цели. Они хотят создать единую общую

вещь. Каждый должен вложить в нее то, что он может лучше всего. Так создается единое общее творение. По отдельность у них нет силы создать это творение; совместным же их силам это доступно. Что мы могли бы сказать о таких семерых, делающих какую-нибудь общую вещь? Можно бы сказать: они эту вещь будут формовать так, чтобы она соответствовала представлению об этой вещи, которое они себе составили. И самое главное, что мы во всем этом должны усматривать, это что семь Элохимов действовали сообща для того, чтобы, как венец этой совместной деятельности, влить человеческую форму в то, что могло произойти из повторения прежнего, ибо ко всему прибавлялось что-то новое. Поэтому в Книге Бытия вдруг появляется совершенно иная речь. До этого все говорится совершенно определенным языком: «Элохимы создали», «Элохимы сказали». Чувствуется, что идет речь о чем-то таком, что уже заранее решено. Теперь же, когда дело касается венца земного творения, вдруг слышится иная речь: «давайте» — если дать это в привычном переводе — «давайте сделаем человека». Это звучит как предложение, как совместное обсуждение всеми семью Элохимами, как это всегда и делается, когда работают совместно над общей задачей. Таким образом, в том, что появляется как венец творения, мы должны видеть продукт совместной работы Элохимов: каждый прилагает свое умение к общему делу, и, наконец, появляется эфирная форма человека как выражение тех способностей и сил, которые Элохимы успели приобрести себе во времена Сатурна, Солнца и Луны.

Этим мы указали на нечто чрезвычайно важное. Мы коснулись, так сказать, того, что называется человеческим достоинством. Религиозное сознание некоторых эпох гораздо точнее и правильнее чувствовало исконный смысл определенных слов, чем мы в настоящее время. И древнееврейский мудрец также хорошо чувствовал это. Когда он направлял свои чувства к се-

ми Элохимам, то он, при всем своем смирении и глубоком преклонении пред ними, должен был сказать себе: человек является величественным и могущественным существом, потому что для его сотворения должны были слиться в совместное единое семь разных видов деятельности. Человеческая земная форма — это цель богов. Проникнитесь значением этих слов: земная форма человека — это цель богов. Если вы прочувствуете все значение этого, то вы должны сказать себе: эта человеческая форма такова, что каждая отдельная душа должна чувствовать в отношении нее огромную ответственность и в то же время обязанность усовершенствовать эту форму по мере возможности. Возможность усовершенствования и была дана с того момента, когда Элохимы приняли совместное решение влить все свое умение в одну соборную цель. То, что представляет собой наследие богов, передано человеку, чтобы он его поднимал все выше, все более развивал вплоть до грядущих времен. Прочувствовать эту цель в терпении и смирении, но также в сознании силы — таков должен быть один из результатов, вытекающий из нашего изложения космических фактов на основе знаменательных вводных слов Библии. Они раскрывают нам наше происхождение и вместе с тем ставят перед нами нашу цель, наш высший идеал. Мы чувствуем, что мы божественного происхождения; но мы также чувствуем то, на что намекается в розенкрейцеровской драме, когда посвященный, дойдя до известной ступени, чувствует себя в том, что выражено в словах: «Человек, переживи самого себя». Он чувствует тогда, правда, свои человеческие слабости, но рядом с этим — свою божественную цель. И он более не распыляется, он внутренне более не иссыхает, а чувствует подъем; он оживает внутренне, когда он переживает самого себя, когда он в силах изжить самого себя в том другом "Я", что струится в него из сферы, родственной его душе, потому что это и есть его собственная божественная цель.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 20 августа 1910 г.

Мы указали на то, как в библейском описании земного становления в начале нам дается повторение тех прежних состояний развития, сведения о которых в настоящее время можно добыть лишь ясновидческим методом исследования, то есть с помощью того, что мы называем источником антропософского миросозерцания. Если мы еще раз вызовем перед своей душой все, что мы таким путем узнали о состояниях развития в те времена, когда из нашего земного еще ничего не существовало, то мы будем знать, что ставшее позже нашей Солнечной системой было тогда заключено в том планетарном бытии, которое мы называем старым Сатурном. И мы твердо помним, что этот старый Сатурн представлял собою лишь переливание тепловых состояний, переплетение чисто тепловых элементов. Кто на основании наших современных понятий физики считал бы невозможным допустить существование мирового тела, состоящего из одного лишь тепла, того я отсылаю к сказанному мною третьего дня. А именно, что все возражения так называемого современного научного знания против того, что здесь мною утверждается, я бы и сам мог привести себе. Только за недостатком времени невозможно в этом цикле лекций касаться всего того, что имеет сказать по этому поводу легковерная современная наука. С точки зрения источников духовнонаучного исследования все, что могло бы быть приведено здесь как возражение из арсенала современной науки, изобличает изрядный дилетантизм. Что касается замечаний, возникающих с этой стороны, я намереваюсь говорить (вероятно, начиная

с моего цикла лекций в Праге, который должен состояться будущей весной) не только о всем том, чем можно обосновать антропософию, но также (чтобы успокоить современные души) о том, чем можно опровергать ее. Поэтому моему пражскому циклу лекций* будут предшествовать две публичные лекции, из которых первая озаглавлена: «Как опровергнуть антропософию», а вторая: «Как обосновать антропософию». И эти лекции я потом буду повторять также в других местах; и тогда убедятся в том, что мы, со своей стороны, сами можем привести все то, что с той или с другой стороны приводится против антропософского учения, и что это все нам самим хорошо знакомо. Антропософия покоится на вполне твердой почве; и те, кто полагают, что могут ее опровергнуть, просто не знакомы с ней. Это постепенно, в ходе времени будет доказано в достаточной мере. По поводу теплового состояния Сатурна я могу еще сослаться на некоторые замечания, сделанные в моем «Тайноведении», могущие до некоторой степени успокоить также тех, кто по причине своего научного воспитания чувствуют обязанность восставать против этого.

После этой преамбулы я опять буду говорить с чисто антропософской точки зрения, не обращая внимания на то, что могло бы быть приведено, хотя бы и с добрым намерением, против моих сообщений.

Итак, в период старого Сатурна мы имеем дело с взаимопроникновением состояний тепла. Вникнем более подробно в это состояние. В смысле Книги Бытия это старое сатурническое состояние, это взаимопроникновение тепловых, или огненных, отношений повторяется при становлении земного. Это первое, что мы должны установить относительно бытия стихий. И я прошу вас как следует обратить при этом внимание на тот смысл, в каком мы применительно к ступе-

* Штайнер Рудольф. Оккультная физиология. М.: Энигма, 2002 (ПСС. Т. 128).

ням бытия, вроде старого Сатурна, говорим о тепле или огне. Мы не приблизимся к пониманию этого тепла, или огня, если зажжем спичку или свечку или займемся изучением физического тепла, или огня. То, что мы там называем теплом, что мы там называем огнем, мы должны себе представлять более духовным, вернее сказать, более душевным. Когда вы себя чувствуете существом, несущим в себе тепло, когда вы, так сказать, чувствуете собственную теплоту, переживаете свое душевное тепло, тогда будет хорошо, если вы на это свое чувственное переживание взглянете как на нечто такое, что способно вам дать приближенное понятие о взаимопроникновении тепловых состояний на старом Сатурне.

Затем мы продвигаемся дальше, к старому солнечному состоянию — ко второму состоянию в развитии нашей планеты — и говорим с точки зрения бытия стихий, что теплота уплотнилась до воздуха, или газообразного состояния. Мы различаем, значит, в бытии стихий старого Солнца теплоту и газо- или воздухообразное состояние. Но мы уже указали на то, что с уплотнением стихий до воздуха, если можно так выразиться, с нисхождением их в более плотное состояние, соединено восхождение к более тонкому, к более эфирному. Так что если мы ближайшее элементарное состояние ниже теплоты называем воздухообразным, мы ближайшее состояние над теплотой должны назвать светоносным, светообразным эфиром. Итак, принимая во внимание совокупность условий внутри стихий во время старого солнечного состояния, мы скажем: на старом Солнце существовало взаимопроникновение тепла, света и воздуха, и все жившее тогда на старом Солнце проявлялось в этих состояниях тепла, света и воздуха. Теперь мы должны себе еще раз уяснить, что когда мы направляем свой взор на проявления элементов тепла, света и воздуха, перед нами, так сказать, майя, иллюзия — одна только внешняя сторона того,

что действительно существует. В действительности же это духовные существа, проявляющие себя посредством теплоты, света и воздуха. Это похоже на то, как если бы мы протянули руку в нагретое пространство и сказали себе: здесь тепло потому, что здесь находится существо, излучающее тепло и для которого это излучение теплоты служит средством проявления себя.

Идя дальше, к старой Луне, мы опять как среднее состояние имеем теплоту; книзу — уплотнение теплоты в воздухо- или газообразное состояние и еще ниже — уплотнение до водяного состояния. Аналогично обстоит дело со светом. А над светом у нас теперь располагается как бы еще более тонкое эфирное состояние — то, что я уже раньше охарактеризовал как то, что внутри нашей материи действует как начало структурирующее, что производит химические соединения и расщепления, что, однако, человек своими внешними органами чувств познает лишь тогда, когда оно передается ему посредством воздуха; то, что составляет известного рода духовную основу всего сущего — это мы можем назвать звуковым эфиром, а приняв во внимание, что духовный звук этот структурирует мерой и числом материальное бытие, можем назвать это также числовым эфиром. Итак, мы поднимаемся от света к звуку; но звук этот мы отличаем от внешнего звучания, передающегося нам посредством воздуха, и видим в нем нечто воспринимаемое лишь до известной степени пробужденным ясновидящим чувством человека. Таким образом, внутри этой старой Луны — во всем, что находится на ней и действует на нее снаружи, — во всем этом мы видим стихии: тепло, воздух, воду, свет и звук.

Поднимаясь выше, к четвертому состоянию, к земному становлению в собственном смысле слова, мы видим, что к стихиям присоединяются — в виде новых уплотнений и утончений, вниз и вверх — земляное, или твердое, с одной стороны, и то, что мы называем жизненным эфиром, еще более тонким, чем звуковой

эфир — с другой. Таким образом, стихии земного бытия мы можем описать следующими словами: теплота опять занимает положение среднего состояния, как уплотнение ее мы имеем стихии воздухообразную, водяную и твердую, а как утончение — световой, звуковой и жизненный эфиры. Чтобы не было никаких неясностей, я еще раз напомню вам, что названное нами земляным, или твердым, нельзя смешивать с тем, что современная наука называет земляным, или твердым. Названное нами так здесь, в наших разъяснениях, есть нечто такое, чего нельзя непосредственно видеть в окружающей нас среде. Конечно, согласно оккультизму, то, по чему мы ходим, шагая по почве нашей Земли, считается земляным, поскольку оно является твердью; но и золото, и серебро, и медь, и олово — для оккультиста также все есть земля. Все твердо-вещественное, согласно оккультизму, есть земля. Современный физик, без сомнения, со своей точки зрения скажет: это разделение ровно ничего не значит; мы различаем известные нам разнообразные элементы, но о том, будто всем этим элементам присуща в виде земляного какая-то изначальная материя, об этом мы ничего не знаем. Только когда видящий взор проникает в то, что нам дано в этих приблизительно семидесяти элементах, известных современной науке, ища основу твердого вещества, ища те силы, которые создают твердое тело, — тогда только, при взгляде за покров чувственного бытия, могут быть найдены силы, созидающие и строящие, согласно оккультизму, твердые, жидкие и воздухообразные тела. И об этом здесь идет у нас речь. О том же говорит и Книга Бытия, если только верно понимать ее. Об этих четырех состояниях мы для верного понимания Книги Бытия должны сказать, что первые три состояния должны каким-то образом повториться в нашем земном бытии, четвертое же состояние появляется в этом земном бытии как новая стихия.

Попытаемся проанализировать с этой точки зрения нашу Книгу Бытия. Попытаемся исследовать ее теми средствами, с которыми мы уже освоились в предыдущие дни. Мы должны найти в становлении Земли особого рода повторение состояния старого Сатурна. Другими словами, мы должны найти теплоту старого Сатурна в качестве выражения духовно-душевного. И мы найдем ее, если только верно поймем Книгу Бытия. Я вам говорил, что слова, обыкновенно переводимые: «Дух Элохимов высиживал (обогревал) над водами», — что слова эти, собственно, указывают на расширение душевно-духовного существа Элохимов. Этот тепловой элемент нужно представлять себе согревающим под собой при высиживании все тогдашнее элементарное бытие, наподобие того, как курица согревает и высиживает свои яйца. В этих словах: «Дух Элохимов озаряет, обогревая высиживанием, элементарное бытие, или воды» — мы усматриваем намек на повторение старой сатурнической теплоты.

Идем дальше. Следующее состояние должно быть чем-то вроде повторения старого солнечного бытия. Не будем сейчас обращать внимания на имеющиеся в стихиях Солнца уплотнившееся состояния, то есть на то, что уплотнилось из тепла в воздух; но остановимся лишь на том, что возникло в виде утончнения, то есть на стихии света. Исходя из того, что во время солнечного бытия свет впервые появляется в нашем Космосе, мы можем предположить, что повторение этого старого солнечного состояния в ходе земного становления выразится прорывом света. И это подано в величавых словах: «И Элохимы сказали: "Да будет свет! И стал свет"».

И третье повторение должно проявиться в том, что из ряда более тонких стихий нашу созидающуюся Землю пронизывает так называемый структурирующий звуковой эфир. Спросим себя поэтому, повторяется ли в чем-нибудь и это старое лунное состояние? Как должна в таком случае Книга Бытия намекать

на него? Примерно так, что звук тем же образом вносит порядок в условия стихий созидающейся Земли, как под влиянием смычка, проведенного по пластинке, усыпанной пылью, образуются так называемые хладниевы звуковые фигуры. В повторном состоянии должно бы обнаружиться нечто такое, что бы нам говорило: «Вмешался звуковой эфир и определенным образом стал вносить порядок в материю». Что же нам говорится про тот момент нашего земного становления, который следовал за появлением света? Тут нам говорится: Элохимы вызвали в массах стихийной субстанции нечто такое, что привело эти массы — как я вам описывал это вчера — в порядок таким образом, что часть поднялась кверху, а другая собралась внизу. Проявляется элемент, упорядочивающий силы и вносящий строй в массы стихий, точно так же, как звук, проникая в массу пыли на пластинке, рисует хладниевы звуковые фигуры. Как здесь образуются стройные фигуры, так и там упорядочиваются массы стихий, они начинают отходить вверх и собираться внизу. Слово «rakia», употребленное здесь для обозначения того, что привнесли Элохимы в массы стихийных субстанций, очень трудно слово, и общепринятые переводы недостаточно верно передают его смысл. Если собрать все, что возможно в настоящее время, в том числе с чисто филологической точки зрения, для объяснения этого слова, то нужно сказать, что обычные переводы словами «твердь», «Firmamentum» либо же «расширение», недостаточно близко подходят к смыслу слова «rakia», потому что в этом слове есть нечто активное, нечто импульсирующее. И более точная филология нашла бы, что в этом слове скрывается именно то, на что здесь указано, а именно, что Элохимы возбудили в стихиях нечто такое, что можно сравнить с тем, что возбуждается в частицах пыли хладниевых фигур, когда звук упорядочивает их: как здесь пыль упорядочивается, так кверху и книзу упорядочивается элементарная масса

вещества в так называемый второй день творения. Так мы видим, как в Книге Бытия рисуется прорыв звукового эфира после светового, и мы в полном соответствии с фактами имеем перед собой в так называемом втором дне творения то, что в известном отношении можно назвать повторением лунного состояния.

Вы постепенно поймете, что повторения эти не могут происходить прямолинейным образом, но что они как бы перемежаются. И то, что в сегодняшних разъяснениях может показаться противоречащим вчерашним, это в дальнейшем постепенно разъяснится. Повторения совершаются так, что сначала происходит только что мною описанное повторение, а затем более обширное повторение, как я это вам вчера разъяснял.

Мы должны ожидать, что теперь, после того момента земного становления, когда звуковой эфир так распределил материю, что часть ее стала излучаться кверху, а другая книзу, что теперь проявит свое действие то, что мы обозначили еще более тонким состоянием — состоянием специфически земным: то, что мы назвали жизнью, или жизненным эфиром. После так называемого второго дня творения должно следовать нечто такое, что указывало бы на излияние в стихии нашей земли жизненного эфира, так же, как раньше излились свет и всеупорядочивающий звуковой эфир. Мы должны обнаружить в Книге Бытия намек на то, что вмешался жизненный эфир, пробуждая жизнь и приводя ее к расцвету. Вглядитесь внимательнее в третий момент земного становления по Библии. Там нам повествуется, как из земли произрастает зеленеющее, живущее, кусто- и древообразное; как я вам говорил вчера, в форме видов и семейств. Вот вам живое описание этого излияния жизненного эфира, вызывающего все то, о чем повествуется про третий день.

Так вы находите в Книге Бытия все то, что оккультизм может обнаружить силами ясновидения и чего нам и следовало ожидать, раз Книга Бытия действи-

тельно происходит из такого оккультного знания. Все подтверждается Книгою Бытия, если мы только верно будем понимать ее. Прямо поразительно, до какой степени Книгою Бытия подтверждается все то, что нами было найдено независимо от каких бы то ни было письменных памятников. Я могу вас заверить, что в описании земного становления в виде повторения состояний старого Сатурна, старого Солнца и старой Луны, как это сделано в моем «Тайноведении», намеренно и с полной добросовестностью оставлено в стороне все то, что могло бы быть заимствовано из Книги Бытия. Там сообщаются лишь те результаты, которые могут быть найдены независимо от всякого внешнего памятника. Но если вы это независимо от древних памятников сравните найденное с Книгой Бытия, то вы увидите, что Книга Бытия является документом, говорящим нам то же самое, что мы могли бы обнаружить сами с помощью нашего исследования. Вот то удивительное созвучие, на которое я уже вчера вам намекал: то, что мы могли найти сами, гласит нам устами провидцев, через тысячелетия обращавшихся к нам.

Итак, принимая во внимание более тонкие стихии нашего земного существа, мы видим в так называемых трех первых днях творения последовательное воздействие теплоты, света, звукового и жизненного эфиров. А в том, что импульсируется изнутри, в этом автономно жизненном, мы видим параллельно развивающиеся состояния уплотнения — как тепло уплотняется в воздух, а затем в воду и в земную твердь в том именно порядке, как это мною описано выше. Так переплетаются друг с другом состояния разреженные и уплотненные, и мы получаем, таким образом, цельную картину нашего земного становления. И, говоря об этих более плотных состояниях — о теплоте, воздухе, воде, земле — или о более разреженных состояниях — об эфирах световом, звуковом и жизненном, — мы должны помнить, что имеем дело со спосо-

бами проявления, с внешним облачением душевно-духовных существ. В Книге Бытия перед нашим взором из этих духовных существ появляются прежде всего Элохимы. С точки зрения антропософской мудрости у нас должен возникнуть вопрос: какого рода духовные существа эти Элохимы? Для того чтобы ориентироваться, мы должны вписать их в нашу иерархическую табель о рангах. Вы, вероятно, все помните из того, что слышали в продолжение многих лет от меня или читали в моем «Тайноведении», — что мы, начиная сверху, в порядке небесной иерархии отличаем первую троичность, в которую входят Серафимы, Херувимы, Престолы. Вы знаете, что дальше мы приходим к другой троичности, которую называем Kyriotetes, или Господства, Dynamis, или Силы, Exusiai, или Власти. Переходя затем к низшей троичности, мы, употребляя христианскую терминологию, говорим об Archai, Началах, или Духах Личности, об Архангелах и об Ангелах, то есть о тех духовных сущностях, которые ближе всего стоят к человеку. Лишь затем в иерархическом порядке мы подходим к самому человеку как десятому члену нашего иерархического строя. И мы должны спросить себя, к какой ступени этой иерархической лестницы отнести Элохимов?

Тут мы должны обратить взор свой на вторую троичность — на тех существ, которые мы называем Exusiai, или Власти, Духи Формы. Это и будет чин Элохимов. Из наших многолетних бесед нам известно, что во время бытия старого Сатурна на той человеческой ступени, на которой в настоящее время стоим мы, стояли Духи Личности (Археи). Во время старого солнечного состояния на этой человеческой ступени стояли Архангелы; во время старого лунного состояния человеческую ступень занимали Ангелы, а затем в земном бытии ее занимает человек. Ступенью или чином выше Духов Личности мы находим духов Формы, Exusiai, то есть тех самых, кого мы именуем Элохимами. Это

существа, уже переросшие человеческое бытие, перешагнувшие через него в те времена, когда наше планетарное бытие еще не началось старым Сатурном. Это высокие, величавые существа, прошедшие свою человеческую ступень в отдаленнейшие времена еще до появления старого Сатурна. Благодаря тому, что мы все это проводим перед своим душевным взором, мы получаем понятие о величии этих Элохимов и знаем, что они стоят, так сказать, на четыре ступени выше человека в иерархическом строе. Таким образом, то, что ткало мировую ткань, что космическим промыслом создало земное бытие, — это в иерархическом порядке находится на четыре ступени выше человека; оно своим промыслом может творить так же, как человеку это доступно лишь по отношению к своим мысленным образам. Так как этот промысел стоит на четыре ступени выше человеческого, он не только упорядочивает и творит в мире идей, но промысел Элохимов творит существа по своему образу и подобию.

После этой предпосылки у нас, естественно, должен возникнуть вопрос: как же обстоит дело с другими существами и иерархий? Нас будет сначала интересовать, что же, согласно Книге Бытия, случилось с теми, кого мы назвали Архаями, или Духами Личности. Они ведь в нашей иерархической лестнице стоят на одну ступень ниже первых. Мы еще раз обратим внимание на то, что Элохимы являются возвышенными существами, прошедшими свою человеческую стадию еще до старого Сатурна. Эти Элохимы сопровождали бытие старого Сатурна, присутствовали при бытии старого Солнца и Луны, творчески упорядочивая и созидая их, и внедрились также и в земное бытие. Что же можем мы ожидать относительно той иерархии, которая непосредственно следует за иерархией Элохимов — от Духов Личности? Разве нам о них Книга Бытия ничего не повествует? Если мы, согласно Книге Бытия, смотрим на Элохимов как на распознаваемых

высоких, величавых существ, то мы должны бы ожидать, что эти Начала, или Духи Личности, выступали как бы слугами их. Не говорит ли нам Книга Бытия, что Элохимы после своей великой творческой работы для более скромного, второстепенного труда пользовались, как слугами, этими Архаями, или Началами? Самые важные, самые обширные работы совершают Элохимы. Но если Элохимы, так сказать, набрасывали самые главные очертания, пуская в ход свои мощные творческие силы, отводили ли они подобное место, например, Началам, или Духам Личности?

Если мы хотим дать себе ответ на вопрос, говорит ли Книга Бытия что-нибудь о том, пользовались ли Элохимы такими подчиненными им существами и ставили ли они их на свое собственное место, то мы опять-таки должны сначала верно понять Книгу Бытия. В Книге Бытия существует место, составляющее прямо-таки непреодолимое препятствие для всякого внешнего истолкования, причем именно потому, что внешние истолкователи уже столетия не обращают никакого внимания на то, что собственно оккультное исследование может сказать относительно истинного смысла начальных слов нашей Библии. Это место — непреодолимое препятствие для толкования Книги Бытия. Стоит только просмотреть литературу, накопившуюся в продолжение многих лет по этому предмету, и вы убедитесь в этом. В Книге Бытия есть место, передаваемое на современные языки приблизительно так: «И Элохимы отделили свет от тьмы», и это затем представлено так, что свет и тьма словно сменяли друг друга. К словам этим я еще вернусь, чтобы подробнее ими заняться. Теперь я буду употреблять слова современных переводов; они неправильно передают смысл, и я употребляю их только предварительно. Там вы найдете выражение: «И был вечер, и было утро: день один», а затем: «И Элохимы назвали свет днем». Для внешней литературы здесь действительно

непреодолимое препятствие. Что же, собственно, такое есть день творения? Наивный ум видит в таком дне нечто, длящееся 24 часа, с чередованием между светом и тьмою, как наши сутки, во время которых мы бодрствуем и спим. Но вы все прекрасно знаете, каким многочисленным насмешкам подвергалось это наивное представление о сотворении мира за семь таких дней. Вы, может быть, также знаете, сколько потрачено труда — и, надо сказать, дилетантского труда — на то, чтобы показать, что такой день творения означает более или менее продолжительный период времени, например, геологический период и т. д., — так, чтобы день творения по этому толкованию означал бы сколько-нибудь продолжительный период времени.

Первое затруднение появляется, естественно, при рассмотрении так называемого четвертого дня творения, когда по Книге Бытия только создаются Солнце и Луна как факторы, упорядочивающие время. Но ведь всякому ребенку известно, что наши сутки зависят от отношения, существующего между Землею и Солнцем. Если же все это создано лишь в четвертый день, то не может быть и речи о таких сутках. Значит, тот, кто остановился бы на наивном поверье, будто Книга Бытия имеет в виду именно такие 24-часовые сутки, грешит против самой Книги Бытия. Возможно, существуют люди, держащиеся такого наивного воззрения, но таким нужно возразить, что они, без сомнения, не основываются на откровении, утверждая, что в Книге Бытия мы имеем дело с днями в нашем обычном смысле. Входить в подробное рассмотрение тех произвольных толкований, которые силятся доказать, что дни творения следует понимать как периоды геологические, право, не стоит труда, потому что во всей обширной литературе не найдется ничего, что давало бы право употребленное в Библии слово «jom» истолковывать в смысле геологического периода. Зато для нас теперь возникает вопрос что же оз-

начает, собственно, это слово «jom»*, которое обычно передается как «день».

Понять всю глубину значения этого слова удастся только тому, кто в состоянии всем своим чувством погрузиться в древние методы наименований, в древнюю номенклатуру. Для того, чтобы вникнуть, прочувствовать такие древние наименования, необходимо обладать совсем иным строем чувств и ощущений. Но чтобы вас не слишком удивить, я желал бы вас вести к этому пониманию шаг за шагом. Прежде всего я хочу обратить ваше внимание на древнее учение так называемых гностиков. Там говорилось о силах, участвующих в развитии нашего бытия, которые последовательно воздействовали на это развитие, и эти силы, эти существа назывались Эонами. Это так называемые Эоны гностиков. Эоны эти не означают периоды времени, а означают существа. Имеется в виду, что первый Эон проявляет свою деятельность, и, когда то, что он может создать, создано, он сменяется вторым, а когда второй Эон исчерпает все свои силы, то он сменяется третьим и т. д. Таких последовательно руководящих развитием и сменяющих друг друга существ имели в виду гностики, когда они говорили об Эонах. И только гораздо позже первоначальное значение этого слова стало заменять абстрактное, отвлеченное понятие времени. Но Эон — это есть нечто сущее, некое живое существо. И тот же смысл живого существа связан с еврейским словом «jom». Тут имеем мы дело не с пустым, отвлеченным понятием времени, но с чем-то сущим. Jom — это существо. И если иметь дело с семеричностью таких следующих друг за другом jom, то имеешь перед собою семь сменяющих друг друга существ, или, если хотите, семь групп существ.

Тут нам является нечто подобное тому, что скрывается за сходством двух других слов. В арийских языках вы встречаете сходство между словами «Deus» и

* Йом, יוֹם.

«Dies» — «Бог» и «день». Тут кроется внутренняя единосущная связь, и в древние времена вполне ясно сознавалось это родство между «Днем» и определенным существом. Когда назывались дни недели, как мы теперь говорим, воскресенье, понедельник, вторник и т. д., то имелись в виду не только известные отрезки времени, но одновременно с «Dies» имелись в виду группы существ, действующие на Солнце, Луне, Марсе. Попытайтесь понять это библейское слово «jom», обычно переводимое словом «день», как некое духовное существо: тогда вы найдете тех существ, которые в иерархии стоят одной ступенью ниже Элохимов и как подчиненные Духи служат им. Когда Элохимы своими высшими упорядочивающими силами создали свет, то они на свое место поставили jom, то есть первое существо, первых Духов Времени, или Архаев, по словам Библии. Таким образом, те духовные существа, которых мы называем Духами Личности, или Началами, суть именно то, что в Библии называется jom, «день» или отрезок времени. Это служебные Духи Элохимов — слуги, как бы исполняющие то, что Элохимы с высшей точки зрения упорядочивают. Те из вас, кто слушали мои лекции, недавно читанные мною в Христиании*, вспомнят, что там я Архаев назвал Духами Времени, говоря, что эти духовные существа и по сию пору являются такими Духами Времени. Они были слугами Элохимов, как бы назначенные ими, чтобы выполнять то, что сами Элохимы выстраивали в общих чертах согласно своему великому плану. Так и для нас, для нашего разумения, все выстраивается в одну великую стройную систему. Правда, лишь если вы годами будете следить за тем, что вам сообщается, вы получите верное понятие о том, как все без остатка включается в общую структуру.

---

* «Миссии душ отдельных народов в связи с германо-нордической мифологией» (ПСС. Т. 121).

Итак, мы можем сказать, что величавые существа Элохимы вносят общий план устроения во взаимопроникновение различных эфиров и воздуха, воды и земли; они пользуются как слугами — если решиться употребить это тривиальное выражение — другими, ниже их стоящими существами. Дают им своего рода приказания. В момент излития ими света в бытие они передают дальнейшую проработку своих распоряжений этим существам. Поэтому мы можем сказать: создав свет, Элохимы ставят на свое место — заместителем — первого подчиненного им Духа Времени. Он сокрыт за обычным словом «первый день». Конечно, более глубокий смысл, скрытый за этим «первым днем», мы поймем, лишь когда уясним себе то, что стоит рядом с этим словом: «И был вечер, и было утро: день один». Первый из Духов Времени вступил в свою деятельность. А с этим было сопряжено то, что можно представить себе сменою между «ereb» и «boker». «Ereb»* означает не то же самое, что мы подразумеваем под словом «вечер»; а «boker» — не то, что передается словом «утро». Если мы постараемся найти для этого более или менее подходящие слова, то мы должны сказать: и был «ereb», то есть запутанное, беспорядочное, и стал «boker», то есть порядок или упорядоченное. Мы должны говорить: «И являлось беспорядочное, запутанное, а за ним следовал порядок, гармония, и в этом действовал первый из Духов Времени».

Сатурн	*Солнце*	*Луна*	*Земля*
			жизнь
		звук	звук
	свет	свет	свет
Тепло (*огонь*)	тепло	тепло	тепло
	воздух	воздух	воздух
		вода	вода
			земля

---

* Эреб (произносится эрев) עֶרֶב; бокер, בֹּקֶר.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 21 августа 1910 г.

Если еще раз взглянем назад на то, что нам дано как описание первого момента земного становления, то нам могут встретиться еще разные невыясненные нами вещи. После всех наших совместных изысканий обнаруживается, что нам следует в гораздо большей мере искать существенного в словотворчестве Книги Бытия, чем это принято при обычных переводах Библии.

Вчера мы указали на то, что слово «jom», «день», не есть абстракция, отвлеченное понятие о времени, связываемое нами с тем, что мы сегодня называем днем, но что этим словом нам указывается на нечто сущее, а именно на существа, знакомые нам под именами Духов Личности, Духов Времени, Архаев в иерархическом чиноположении. Неоднократно высказанный здесь нами взгляд — согласно которому мы во всей жизни и прядении стихий, чье бытие рисует нам Библия, видим выражение душевно-духовных сил, — мы можем теперь воспринимать несколько глубже, чем, может быть, воспринимали раньше. Как и за многим другим, сообщаемым нам Библией, нам следует видеть не пустые абстракции, но сущее. Нетрудно, конечно, прозреть сущее, если нам встречается выражение «Ruach Elohim»* — Дух Элохимов. Но, руководимые желанием проникнуть в самую суть этих древних преданий, мы должны искать сущее не только в таких выражениях, при которых даже современный настрой не прочь видеть нечто сущее, но должны разыскивать сущее повсюду. А потому есть основание для такого рода вопро-

* Руах Элохим, רוּחַ אֱלֹהִים.

са: что скрывается за таким, например, выражением «и внутреннеимпульсивным было tohu wabohu», как я вам охарактеризовал слова «тьма царила над элементарным бытием вещества». Не следует ли нам видеть и за тем, что здесь названо «тьмою», нечто сущее? Дело в том, что мы никогда не поймем Книгу Бытия, если не разрешим эти вопросы. Как за всем, являющимся нам в бытии стихий, в частности, света, воздуха, воды, земляного, тепла, мы привыкли видеть лишь, так сказать, позитивное откровение духовного, так мы, быть может, и в более негативных выражениях узрим только внешние проявления чего-то глубоко сущего.

Чтобы заглянуть за кулисы этих вещей, необходимо снова вернуться к самым первым зачаткам нашего планетарного становления. Мы уже не раз говорили, что на бытие старого Сатурна следует смотреть как на бытие чисто тепловое, что затем при переходе к бытию старого Солнца совершается, с одной стороны, уплотнение к воздухо- или газообразному, а с другой стороны, нечто вроде разрежения к более эфирному, к световому эфиру. И мы видели, как совершается своего рода повторение этого эфирно-светового состояния, когда раздаются слова: «И Элохимы сказали: “Да будет свет! И стал свет”».

Теперь мы можем спросить: существовала ли тьма уже изначально, сама по себе, или же мы и за нею должны тоже искать сущее духовное? Если вы прочтете соответствующую главу в моем «Тайноведении», вы заметите нечто чрезвычайно знаменательное и важное для уразумения всякого становления, а именно, что на всякой ступени развития разные существа отстают от развития. Только определенное число существ достигает своей цели. Я часто сравнивал это с довольно заурядным фактом, говоря: не только в наших школах, к великой досаде родителей, остаются ученики на второй год, но и в космическом становлении разные существа остаются на прежней ступени своего развития и

не достигают, так сказать, предназначенной им цели. Мы можем поэтому сказать, что определенные существа на старом Сатурне не достигли своей истинной цели, что они отстали, что они, когда существовало уже старое солнечное бытие, все еще в известном отношении стояли на уровне сатурнического развития.

Чем, собственно, такие существа проявляли себя в старом солнечном бытии, ведь они были еще, собственно, сатурническими существами? Прежде всего тем, что они не приобрели самое существенное из старого солнечного бытия, т. е. не приобрели световой природы. Но так как они уже раз существовали, то старое солнечное бытие, описанное мною как переливающееся в самом себе в свете, теплоте и воздухе, то это солнечное рядом со светом содержало как бы вкрапленным в него и тьму. Эта тьма служила именно внешним выражением присутствия отставших на сатурнической ступени существ так же, как прядущий свет был выражением тех существ, которые правильным развитием достигли старой солнечной ступени. Итак, при внешнем рассмотрении в старом солнечном бытии участвовали отставшие сатурнические существа рядом с правильно развивающимися солнечными существами. Глядя на это с внутренней точки зрения, мы скажем, что эти два рода существ переплетались друг с другом, а внешне они проявляли себя как свет и тьма, как взаимодействие света и тьмы. Итак, глядя на свет, мы можем сказать: вот проявление существ, доразвившихся до солнечного бытия; глядя на тьму, мы говорим: вот внешнее проявление существ, еще оставшихся на ступени сатурнического развития.

Уяснив себе это, мы вправе ожидать, что в земном развитии снова возникнет то же отношение между продвинутыми и отсталыми существами при повторениях состояний старого Сатурна и старого Солнца. А ввиду того, что существа, остановившиеся на сатурнической ступени развития, представляют собою, так

сказать, более раннюю ступень развития, они могут и в земном становлении выступить раньше, чем Свет. Поэтому нам, в совершенном согласии с этим, сразу же в первом стихе Книги Бытия возвещается, что тьма царила над стихиями. Это и есть повторение бытия Сатурна, но его отсталого бытия. Солнечное же бытие должно было ждать; оно появляется позднее, лишь в тот момент, на который указывается словами: «Да будет свет». Таким образом, и относительно этих повторений Книга Бытия находится в полном соответствии с тайноведением.

Вообще, если мы хотим постигнуть бытие, мы должны ясно сознавать, что все появляющееся на прежней ступени развития не появляется только однажды и затем пропадает навсегда. Напротив, истина такова, что хотя и появляется все новое, однако рядом с этим новым остается старое и продолжает действовать внутри этого нового. Так и в нашем современном земном бытии имеются обе ступени развития: мы их видим во взаимоотношении света со тьмой. Свет и тьма в действительности проникают все наше бытие, и утверждая это, мы приблизились к одному, можно сказать, чрезвычайно фатальному для современности вопросу.

Не знаю, известно ли некоторым из вас, что я уже около 30 лет пытаюсь указать на то, какое глубокое значение и какую внутреннюю ценность имеет учение Гёте о цвете[5]. Само собою разумеется, что сторонник гётевского учения о цвете должен вполне ясно понимать, что он не встретит между современниками благосклонных слушателей. Потому что те, кто благодаря своим познаниям в физике были бы в состоянии понять, что, собственно, значит говорить о гётевском учении о цвете, пока еще совершенно не дозрели до уразумения самой сути его. Фантастическое учение физики, со своими эфирными вибрациями и т. п., совершенно не способно понимать того, что составляет суть гётевского учения о цветах. Здесь не остается ничего друго-

го, как ждать еще несколько десятилетий. Кому приходится говорить об этих вещах, тот знает это. А другие, кто благодаря своему знакомству с оккультизмом или на основе антропософии, были бы уже настолько зрелы, чтобы понять суть гётевского учения, они — простите меня за то, что я говорю это, — слишком мало знакомы с физикой, чтобы можно было с ними говорить об этом детально и научно. Таким образом, в настоящее время почва для этого еще не подготовлена. В основе гётевского учения о цветах лежит тайна взаимодействия света и тьмы как двух полярных мировых сущностных принципов. А то, что ныне фантастическим образом определяется как материя — что вообще в таком виде, как его представляют, не существует, а есть лишь иллюзия, — это в действительности есть нечто, в качестве духовно-душевного существа всегда таящееся там, где обнаруживается указанная полярность между светом и тьмою. Современное понятие физики о материи поистине есть фантазия. В тех областях пространства, где, по утверждению физики, следует искать ее призрачную материю, в действительности не существует ничего, кроме известной степени тьмы; и это темное пространство наполнено душевно-духовным сущностным, родственным тому, что констатирует Книга Бытия, когда говорит, что тьма нависала над элементарным бытием, и когда совокупность всего этого душевно-духовного называется ею тьмою. Все эти вещи лежат неизмеримо глубже, чем сдается нашей современной науке. Итак, когда в Книге Бытия говорится о тьме, то мы имеем дело с проявлением отсталых существ Сатурна; а когда говорится о свете, то мы имеем дело с проявлением правильно развившихся существ. Они во взаимодействии живут рядом друг с другом, прядя мировую ткань.

Вчера мы уже говорили, что главное направление, как бы лейтмотив развития, исходит от тех существ, которых мы назвали Exusiai, Духами Формы, так что

они же задают и основные направления для деятельности света. И дальше мы видели, что они, словно слугами, пользуются Духами Личности и что под выражением jom, День, нам следует понимать нечто вроде замещающего существа из чина Архаев, стоящих ступенью ниже Элохимов. Мы поэтому вправе предполагать, что таким же образом, как на одной, как бы на позитивной стороне, действуют эти слуги Элохимов, эти Духи Личности, подразумеваемые под словом jom, День, так на другой стороне стоят отставшие духовные существа и исполняют свою роль, действуя через тьму. Да, мы можем сказать: тьма — это нечто такое, что Элохимы находят уже существующим, свет же — это их промысел. Когда их промысел опирается на остаток минувшего бытия, на упомянутые два комплекса, то оказывается, что внутри последних, как выражение отсталых существ, вплетена также тьма. Свет — их собственное жертвоприношение. Но подобно тому как Элохимы как бы из света выдвигают тех существ, которые обозначаются jom, День, точно так же из тьмы выходит аналогичный чин существ, только оставшийся на ступени прежнего бытия. Поэтому мы можем сказать: Элохимам противостоит все проявляющееся как тьма. И мы теперь должны спросить себя: что же противостоит непосредственным слугам света, Архаям — тем, которые обозначаются jom, — День, — что им противостоит как соответствующее отсталое?

Чтобы не было недоразумений, хорошо сначала разрешить еще другой вопрос такого содержания: должны ли мы видеть в этих отсталых существах всегда что-нибудь злое, что-либо неправомерное в мировом целом? Человек, основывающийся на одних только отвлеченных понятиях, легко может дойти до озлобления на этих отсталых существ; или же он может впасть в другую крайность: войдя в такое настроение, он будет сострадать этим бедным отсталым существам. Но такого рода чувства и представления

недопустимы касательно таких великих проявлений во Вселенной. Иначе мы очутимся на совершенно ложном пути. Напротив, мы всегда должны помнить, что все, что совершается — достигают ли существа своей цели или же они задерживаются на более ранней ступени развития, — что все это совершается по изволению великой космической Мудрости и что существует глубокий смысл также и в том, что существа отстают на известной ступени. Мы должны знать, что для цельности мироздания отсталость существ имеет такое же значение, как и то, что существа достигают своей цели; что, другими словами, известные функции не могли бы вообще выполняться продвинутыми существами, что для этого необходимы именно отсталые существа. Подобные существа в своей отсталости находятся именно на нужном месте. Хочется для пояснения сказать: что стало бы с людьми, если бы все учителя для малолетних становились профессорами в университете? Те, которые не сделались профессорами, на своем месте гораздо лучше исполняют свое дело, чем это могли бы делать более преуспевшие. Да, по всей вероятности, университетские профессора были бы очень плохими педагогами для 7–8–9–10-летних детей. То же самое мы видим в космическом целом. Достигшие своей цели для осуществления известных космических задач были бы весьма неподходящими. Для таких задач должны быть приноровлены другие существа, которые — как мы это можем сказать с полным основанием — отстали из самопожертвования. И точно так же, как продвинутые Духи Личности, jom, ставятся Элохимами на свойственное место, точно так же для созидания порядка и закономерности в земном становлении ставятся на подобающее им место отставшие Архаи — те Духи Личности, которые проявляются не в свете, а во тьме. Они ставятся на свойственное место, чтобы со своей стороны вносить свой вклад в закономерное становление нашего бытия.

Насколько это важно, мы поймем, если рассмотрим поближе одно обстоятельство нашего настоящего бытия. Свет, о котором говорит Книга Бытия, не есть тот свет, который мы видим нашими физическими глазами. Мы видим более позднее проявление того света, о котором говорит Библия. Точно так же тьма, окружающая нас ночью, когда не светит солнце, есть лишь позднейшее физическое выражение того, что Книга Бытия называет тьмой. Если мы спросим: имеет ли этот физический дневной свет, каким он нам является ныне, определенное значение для человека? — то никто из вас не усомнится в том, что свет имеет большое значение как для человеческих, так и для прочих существ. Возьмите, например, растения. Коль скоро вы лишите их света, они зачахнут. Для всего живущего на Земле свет есть элемент жизни. Поэтому свет необходим, в том числе и для внешнего физического существования человека.

Но для этого необходим не один лишь свет, а еще нечто иное. И для того, чтобы ознакомиться с этим, мы должны изучить чередующиеся друг с другом состояния сна и бодрствования по отношению к нашим телам физическому и эфирному. Что же, собственно, означает, если глубже вникнуть, наше бодрствование; что делаем мы, люди как таковые, когда мы бодрствуем? В сущности, вся наша душевная деятельность — все, что мы развиваем в мире наших представлений, наших ощущений и чувствований, в мире наших перемежающихся порывов и страстей, одним словом, все, что разыгрывается и царит в нашем астральном теле и в "Я", — в сущности, все это есть непрерывная растрата нашего физического тела во время дневной жизни. Это основополагающая оккультная истина, к которой подходит теперь даже и обычная физиология, если она только до известной степени верно истолковывает добытые ею факты. Что душа наша развивает в качестве своей внутренней жизни, то в бодрственном

состоянии непрерывно растрачивает силы внешнего физического тела, получившего свой первый зачаток к развитию на старом Сатурне.

Совершенно иначе живет это физическое тело во время сна, когда астральное тело со своею перемежающейся внутренней жизнью покидает его. Точно так же, как бодрствующая жизнь есть непрерывная трата, можно сказать, разрушение сил физического тела, точно так же жизнь во сне есть непрестанное восстановление, строительство, регенерация физического тела. Таким образом, мы в своем физическом теле, равно как в эфирном, должны отличать процессы разрушающие от процессов созидающих, из коих последние совершаются во время сна, а первые — во время дневного бодрствования. Но все, что совершается где-либо в пространстве, не остается изолированным во Вселенной, а находится в связи со всем бытием. И если мы рассматриваем эти разрушительные процессы, совершающиеся в нашем физическом теле с момента пробуждения от сна до засыпания, то мы не должны думать, будто они разыгрываются лишь в границах нашего кожного покрова как нечто изолированное, обособленное. Они тесно связаны с процессами космическими. В нашем физическом теле только продолжается то, что втекает в него извне, так что в дневной бодрствующей жизни мы находимся в известном смысле в связи с разрушительными силами Вселенной, а в ночном сне — с ее созидающими силами.

Этого разрушения нашего физического тела, испытываемого во время дневного бодрствования, не должно было существовать во времена старого Сатурна. Если бы оно существовало уже на старом Сатурне, то никогда не мог бы образоваться первый зачаток нашего физического тела. Ибо понятно: никогда ничего не создашь, если уже в самом начале начнешь разрушать. Сатурническая работа должна была быть созидательной для нашего тела, и к этому во време-

на Сатурна были приняты все меры. Разрушительные процессы в нашем теле ведь совершаются днем, под влиянием света, а в бытии Сатурна света еще не было. Поэтому деятельность Сатурна была созидающей для нашего тела. И эта созидающая деятельность должна была сохраниться — по крайней мере, до определенного времени — также и когда позднее проявился свет в бытии старого Солнца. Это же могло быть достигнуто только тем, что сохранились отсталые сатурнические существа, работающие над созиданием тела. Так вы видите, что в космическом развитии существовала необходимость удержания этих существ на сатурнической ступени, чтобы они во время нашего сна, когда отсутствует свет, заботились о созидании разрушенного физического тела. Вот как вплетены в наше бытие эти отсталые существа Сатурна; без них мы бы беспрерывно только разрушались. Нам необходимы сменяющиеся состояния бодрствования и сна, необходима совместная работа солнечных и сатурнических существ, существ света и существ тьмы. Чтобы закономерно направить деятельность существ света, Элохимы должны были как следует направить работу существ мрака или тьмы. В космической деятельности ничто не может состояться, если в силу света не внесена сила тьмы. В их сочетании, в мудром сплетении сил света и мрака кроется одна из тайн космического бытия, Космической Алхимии. Эта тайна затрагивается в розенкрейцеровской драме* в тот момент, когда Иоанн Томазий вступает в Девахан и одной из подруг Марии, Астрид, дается поручение вплести в силу света силу тьмы; вообще в разговоре Марии с ее тремя подругами затрагиваются бесчисленные космические тайны, над которыми придется долго потрудиться, чтобы их изучить.

---

* «Врата Посвящения», 7 картина. См.: Штайнер Рудольф. Драмы-Мистерии. М.: Энигма, 2004.

Нам нужно, следовательно, глядя на наше современное бытие, помнить, что в нем в силу необходимости должно существовать слаженное взаимодействие солнечной световой силы с сатурнической силой тьмы. Если поэтому Элохимы работу световой силы, совершающейся как над нами, так и надо всеми земными существами вообще, поручили своим помощникам, Духам Личности, то они должны были дать им в качестве сотрудников отставших сатурнических существ; они должны были всю работу вселенной гармонично распределить между правильно развившимися и отставшими Археями. Эти отставшие Архаи действуют во мраке. Поэтому, выражаясь тривиально, Элохимы берут на работу не только тех существ, которые названы «jom», но они им противопоставляют также тех, что действуют в темноте, силой тьмы. Поэтому нам описывается в поразительном соответствии с действительностью, что Элохимы назвали духовно жившее в свете, — «jom» — День; то же, что пряло во мраке, они назвали «laj'lah»*; и это не есть наша абстрактная «Ночь», а это сатурнические Архаи, тогда еще не достигшие солнечной ступени развития. И они же поныне во время нашего ночного сна действуют внутри нас, работая как созидающие силы над нашими телами, физическим и эфирным. Это таинственное выражение — «laj'lah», — употребляемое Библией и давшее повод к возникновению самых разных мифологических образов, оно не означает ни нашей абстрактной «Ночи», равно как ничего такого, что могло бы дать повод к мифологическим представлениям, а это не что иное, как имя отставших Начал — Archai — соединяющих свою работу с работой правильно развившихся Начал.

* Laj'lah: в первом издании (цикл XIV) стоит «lille», в книжном издании 1932 г. «lilith», в древнееврейском тексте Библии לַיְלָה

Таким образом, нам в соответствующем месте Книги Бытия повествуется приблизительно о следующем: Элохимы творили лейтмотив всего бытия; совершать же второстепенную работу они поручили правильно развивающимся Архаям, а им в помощники дали тех, кто покорно остались во мраке на сатурнической ступени для того, чтобы могло состояться бытие. Таким образом, jom и lilith означают две противоположные группы существ, являющихся помощниками Элохимов и которые, скажем мы, стоят на ступени Духов Времени, Духов Личности. Мы видим, как в бытии сочетаются Духи Формы с Духами Личности, как в нем сплетаются существа, продвинувшиеся в развитии, с существами, отставшими на обеих соответствующих ступенях.

Ответив, после всего здесь описанного, до некоторой степени удовлетворительно на поставленные вопросы — за всем описанным сокрыто еще бесконечно большее, — мы можем поставить себе еще другой естественно возникающий у всякого вопрос: как же обстоит дело с другими иерархиями? Мы различаем среди иерархий, спускаясь вниз от Духов Формы, сначала Архаев, Духов Личности, затем так называемых Архангелов, Духов Огня. Разве нам о последних Книга Бытия не повествует ничего? Вглядимся в это пристальнее и постараемся разъяснить себе, как, собственно, обстоит дело с этими Духами Огня. Мы знаем, что на старом Солнце они проходили через свою человеческую ступень. Через лунное бытие они дошли до земного. Эти существа самым тесным образом соединены со всем тем, что мы можем назвать солнечным, потому что именно во время солнечного бытия они достигли своей человеческой ступени. Когда во время старой Луны стало необходимым отделение солнечного от земного (что в те отдаленные времена было еще лунным), тогда эти существа, так тесно связанные по своей природе с солнечным и пережившие свой главный этап развития на Солнце, конечно, оставались связанными с солнечным.

Поэтому когда лунное — позднее ставшее земным — выделилось из солнечного, эти существа оставались в соединении не с выделяющимся земным, или лунным, а с солнечным. Они суть те существа, которые по преимуществу извне действуют на это земное.

Я уже говорил вам, что в ходе развития от сатурнического к солнечному состоянию как высшая ступень могло проявиться только растительное. Животное царство, то есть то, что обладает своей внутренней жизнью, могло возникнуть только благодаря разделению или расщеплению. Поэтому анимальное могло возникнуть только во время лунного бытия. Для этого должно было возникнуть воздействие извне, снаружи. И в Книге Бытия нам до так называемого третьего дня творения не говорится о том, чтобы что-либо действовало извне. Особенно важно то, что нам при переходе от так называемого третьего к четвертому дню творения сообщается о четвертом дне, что извне стали действовать силы светящиеся, светоносные существа. Значит, подобно тому, как в старом лунном состоянии Солнце снаружи освещало Луну, точно так же теперь Солнце и Луна освещали Землю. Этим говорится ни много ни мало, как то, что до этого момента могли действовать все силы, заключенные в самом земном. До этого могло повторяться все, что представляло собой прежние ступени; а как новое могло возникнуть то, что имеет свои главные силы в самом земном существе. Так, вчера мы видели, как тепловое состояние повторяется в Духе Элохимов, который высиживал над водами; как свет повторяется в тот момент, когда раздаются слова: «Да будет свет»; что состояние звукового эфира повторяется, когда эти силы звукового эфира отделяют высшее от низшего. Это представлено в описании, которое обычно называется вторым днем творения. Затем мы видели в так называемом третьем дне творения прорыв жизненного эфира, когда из земного, из этого нового состояния является все то, что жизненный

эфир в состоянии создать, — произрастающая зелень. Но для появления животной жизни на нашей Земле должно было повториться то, что можно назвать освещением снаружи, действием сил извне на Землю. Поэтому Книга Бытия, в строгом соответствии с действительностью, ничего не рассказывает нам о какой бы то ни было анимальной жизни в те времена, пока она еще ничего не говорила о силах, влияющих извне, из космического пространства на Землю. Тут она повествует нам лишь о растительном; все существа, входившие тогда в образование земного, были на ступени растительной. Анимальная жизнь могла начаться только тогда, когда из окружения стали действовать световые существа.

Все, что тогда произошло, переводится обычно — взгляните только на бесчисленные переводы Библии! — так, что это можно передать словами «и Элохимы установили знамения для времен, для дня и для года». Мы знакомы с некоторыми толкователями, которые уже по этому поводу начинают размышлять. Но в настоящее время, когда не хотят становиться на реальную почву, такова уж участь толкователей, что они только начинают думать, но не могут додумать до конца. Я познакомился с такими толкователями, которые пришли к выводу, что слова обычных переводов: «И постановили знамения для времен, для дня и для года» — представляют собой, собственно, бессмыслицу. И я желал бы узнать такого человека, который мог бы представить себе при этих словах что-нибудь разумное. Что же стоит там в действительности?

Если передать, что связывал с этими словами древнееврейский мудрец, и передать это с подобающим чувством — правдиво и верно, с полной филологической тщательностью, то нужно сказать, что и здесь идет речь не о «знаках», но о живых существах, о тех существах, что действуют и проявляются в последовательности времени. Можно было бы перевести пра-

вильно: «И Элохимы назначили тех, кто должен управлять потоком времени для обитателей Земли, кто должен распоряжаться особенно важными временными вехами, большими или малыми временными промежутками, — такими, например, как те, что обычно называют «день» и «год». Значит, здесь указывается на тех распорядителей, что стоят ступенью ниже Архаев и регулируют течение жизни. Духи Времени, Архаи, имеют назначение выполнять то, что лежит ступенью ниже задачи Элохимов. Затем следуют распорядители времени, ставящие знаки — вехи — для того, что требует упорядочения, группировки внутри самой деятельности Архаев. А это суть ни кто иные, как Архангелы. И мы поэтому можем сказать: в тот момент, где Книга Бытия указывает на то, что совершается не только внутри земного тела, но и на то, что на него извне — снаружи — действуют силы, в тот момент она вводит также существа, которые уже раньше были связаны с Солнцем, — Архангелов-Устроителей, стоящих ступенью ниже Архаев. Так как последние действуют еще в качестве Эонов, они пользуются светоносными Архангелами в нашем окружении как средством для проявления собственных сил. То есть из космического пространства, в констелляциях окружающих Землю световых существ, Архангелы действуют так, что блюдется всеобъемлющий порядок, инициированный собственно Архаями.

Участвовавшие в цикле моих лекций в Христиании, вероятно, помнят, что за тем, что теперь называют Духом Времени, и поныне еще стоят Архаи. Если взглянуть на положение дел в мире, то мы увидим, что в каждое время существует, например, определенное число народов. Относительно этих народов вы можете сказать: для каждого данного времени существует Дух Времени, все объемлющий. Но рядом с этим существуют подчиненные Духи: Духи отдельных народностей. Как ныне царствуют Духи Времени, под кото-

рыми подразумеваются Архаи (об этом я подробнее говорил в Христиании), — точно так же Архангелы стоят за тем, что называется Духами Народов; они, в сущности, и есть в определенном смысле Духи Народностей. Уже Книга Бытия указывает на то, что даже в те времена, когда еще не было собственно человека в нашем обычном смысле, эти духовные существа являлись силами порядка.

Поэтому мы должны сказать: Элохимы создали свет. Они сами проявляют себя в свете. Но для второстепенной деятельности внутри этого света они поставили Архаев — следующих за ними в иерархическом строе, — которых Библия называет jom; а рядом с ними они поставили существ, которые обязательно должны вплестись в мировую ткань, дабы с деятельностью света могла сочетаться соответствующая деятельность мрака. Итак, рядом с jom Элохимы поставили laj'lah, что обычно переводится как «ночь». Но затем необходимо идти дальше, необходима дальнейшая специализация развития. А для этого необходимо было призвать других существ из иерархического строя. Поэтому если сказать: Элохимы, или Духи Формы, проявлялись в свете, а дела света и тьмы поручали Архаям, то нужно еще добавить: но затем Элохимы пошли еще дальше, они далее специализировали бытие и подрядили для той деятельности, которая не только должна была порождать внешнее растительное бытие, но теперь должна была произвести такое внутреннее, каковое могло бы стать отражением внешнего, — для этой деятельности Элохимы подрядили Архангелов. Этим последним они поручили воздействие, которое должно было изливаться снаружи на нашу Землю, чтобы на ней могло проявиться не только вегетативное начало, но также и анимальное — жизнь, прядущая изнутри представления и ощущения.

Так мы видим, как Книга Бытия в полном соответствии с действительностью указывает и на этих

Архангелов. Нужно только верно оценить ее слова. Итак, если вы, самостоятельно мысля, приметесь за изучение ходячих комментариев к Книге Бытия, вы нигде не найдете удовлетворения. Если же вы возьмете себе в подмогу то, из чего проистекает Книга Бытия — тайноведение, — то вы всюду в эту Книгу внесете новый свет, и памятник этот, который погиб бы из-за невозможности перевести его древние полнокровные слова на наши современные наречия, — памятник этот сохранится для человечества и будет Документом на все времена.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 22 августа 1910 г.

Задача моя заключается в том, чтобы дать вам в этих лекциях всесторонний обзор всего того, что может привести вас к пониманию Книги Бытия. И я прошу вас при всех этих объяснениях никогда не терять из виду антропософской точки зрения. Эта последняя ставит на первое место изучение фактов самой духовной жизни. Поэтому нас прежде всего интересуют сами факты духовной жизни. Первейший вопрос для нас при любом рассмотрении: как обстоит дело в самой духовной жизни, в духовном развитии? Значит, и для того, что входит в сферу рассмотрения Книги Бытия, самое главное заключается в нахождении сверхчувственных событий и явлений, предшествовавших зримому ходу развития нашей Земли. И только после этого для нас будет важно вновь обрести найденное нами независимо от всяких исторических памятников найденное нашим методом духовного исследования в писаниях различных времен и в религиях различных народов. Благодаря этому у нас возникает возможность правильно ощущать и с должным уважением отнестись к тому, что возвещают нашей душе отдаленные времена и народности. Благодаря этому мы получаем возможность проникнуть духом в те времена, которые и мы переживали в иных воплощениях, — получаем возможность снова соприкоснуться с тем, что и нас должно было волновать в те минувшие времена. Так следует понимать ту точку зрения, которая служит основой для данного цикла лекций.

В последние дни мы старались составить себе представление о том, как мы можем в Книге Бытия найти

тех духовных существ, которые нам уже знакомы по духовной науке. Отчасти нам это уже удалось. При этом мы никогда не теряли из виду, что все, что нам поначалу встречается во внешнем мире, да и на первоначальных ступенях ясновидения (а ведь с фактами ясновидения здесь, в Книге Бытия, мы постоянно имеем дело), — что все это есть, собственно, иллюзия, майя; что весь чувственный мир, каким он является нашим обычным познавательным способностям, есть майя, или иллюзия. Это утверждение хорошо известно всякому, кто хоть несколько познакомился с духовной наукой. И не менее знакомо также и то, что низшие области ясновидения — все, называемое нами мирами эфирным и астральным, — с высшей точки зрения также принадлежат к этой области заблуждения. На истинную основу бытия — насколько она вообще нам доступна — мы, так сказать, наталкиваемся, лишь тогда, когда мы за названными областями находим более глубокие источники бытия. Этого мы никогда не должны терять из виду. И недостаточно знать об этом только теоретически. То, что мы предаемся иллюзии, если остаемся зависимы от внешнего бытия, — это воззрение должно войти, так сказать, в нашу плоть и кровь. Но, с другой стороны, было бы не меньшей иллюзией не придавать должной цены этому внешнему бытию и не считаться с ним.

Припомним лишь то, что нас так часто занимало в эти дни, — вспомним о том бытии стихий, которое первым является нам за физическим миром — за тем, что доступно нашим чувствам, и которое, как это описывает тайноведение, лежит в основе земляного, водяного, воздушного, огненного, или теплообразного, светообразного, звукообразного и жизненно-эфирного; рассмотрим ближе это бытие. Мы попытаемся получить представление о земляном, о водяном, о воздухообразном и т. д. И эти представления мы постараемся как можно лучше себе усвоить. Мы ровно ничего

не достигнем, если с известным интеллектуальным высокомерием (очень легко возникающим у многих верующих в теософию), скажем: «Ну да, ведь все это есть лишь майя, иллюзия». Однако через эту именно майю проявляются истинные существа. И если мы будем пренебрегать этими откровениями, если не захотим изучать эти средства и инструменты, через которые они — эти существа — проявляют себя, то мы вообще потеряем всякое содержание, благодаря которому можно постигнуть бытие. Нам должно быть ясно, что, говоря о «воде», «воздухе» и т. д., мы имеем дело с внешними выражениями, с манифестацией истинных духовных существ и что если мы ничего не хотим знать об этой «майе», мы вообще лишаем себя возможности получить какое бы то ни было представление об основе всего этого. Итак, мы никогда не должны терять из виду также и того, что в земляном, водяном и т. д. мы имеем дело с внешним проявлением, с манифестацией духовных существ.

Взглянем теперь с нашей антропософской точки зрения на земляное. Мы теперь уже хорошо знаем, что о таком земляном не могло быть речи ни во времена старого Сатурна, ни во времена старого Солнца и Луны. Мы знаем, что развитие должно было выжидать вплоть до нашего планетарного бытия, чтобы прибавить земляное к теплообразной стихии старого Сатурна, к воздухообразному старого Солнца и к водяной стихии старой Луны. Мы знаем, что каждая ступень развития обусловлена работой духовных существ. О том, что мы сегодня называем нашим физическим телом, низшем члене нашей человеческой сущности, мы можем сказать, если будем рассматривать его исключительно в контексте стихий, что оно, начиная с первого своего зачатка на старом Сатурне, перешло из теплового состояния в воздушное состояние Солнца, в водяное состояние Луны и дошло, наконец, до настоящего своего земляного состояния. Так наше собственное

физическое тело представляет собою нечто такое, что прошло через бытие в чисто тепловой жизни, через бытность воздухообразного тела, через бытность водообразного тела и, наконец, доразвилось до земного бытия. Мы знакомы также с теми существами, которые на старом Сатурне работали над развитием физического тела человека. Вспомните, что говорится об этом в моем «Тайноведении» и о чем неоднократно велась речь и в моих лекциях, а именно: на старом Сатурне поначалу деятельно выступили известные духовные существа, которые через низшие ступени своего развития прошли в незапамятные времена и в момент бытия старого Сатурна стояли в своем развитии так высоко, что могли как бы пожертвовать своей собственной телесностью для создания основного материала, основополагающей субстанции старого Сатурна. Эти духовные существа в иерархическом порядке никто иные, как те, кого мы называем Духами Воли. В основное вещество, принесенное в качестве жертвы этими Духами Воли, затем врабатывались другие существа, другие иерархии; в эту, так сказать, волевую материю врабатывались также и Духи Личности и в нем отчеканивали свою собственную человечность. Эта же самая волевая субстанция была тепловым элементом на старом Сатурне и в ней создался первый зачаток физического тела человека.

Но вы не должны думать, что такие духовные существа, как Духи Воли, на какой-либо стадии прекращают свою работу. Если они на старом Сатурне совершили, так сказать, главную свою работу, то они, тем не менее, продолжали действовать также и на старом Солнце, на Луне и Земле. Они оставались в известной связи с тем субстанциальным, которым они пожертвовали в самом начале. Мы ведь видели, что во времена старого Солнца с тепловой стихией происходило изменение в сторону уплотнения, как бы книзу; эта последняя перешла в стихию воздухообразную. Такой про-

цесс, предстающий нам по внешней своей видимости уплотнением теплового в воздухообразное, является только с точки зрения майи, иллюзии, процессом уплотнения. В самом этом уплотнении проявляется духовное прядение, духовная жизнедеятельность. И желающий проникнуть в самую суть вещей должен спросить себя: кто из иерархического ряда был причиной тому, что — если позволительно так выразиться — из более тонкого теплового вещества образовалось более плотное воздушное вещество. Причиной тому были опять-таки те же Духи Воли, которые из себя самих принесли в жертву это тепловое вещество; так что мы эту деятельность Духов Воли можем охарактеризовать так: во времена старого Сатурна они уже стояли столь высоко, что могли часть своей собственной субстанциальности излить в виде тепла, принести субстанциальную жертву, чтобы их огонь возгорелся в планетарном бытии старого Сатурна. Затем этот их огонь в продолжение бытия старого Солнца сгустился в газовое состояние. Они же это газовое уплотнили в водообразное на старой Луне. А во время земного бытия они свое водообразное еще более уплотнили в земляное, в твердое вещество. Поэтому когда мы теперь в окружающем нас мире видим твердое, то должны сказать: в этом твердом действуют силы, благодаря которым только и стало возможным существование твердого вещества; силы эти своим собственным существом в виде тепла излились на старом Сатурне и, постепенно сгущая это выделение, сгустили его, наконец, до твердого вещества, которое они теперь крепко сплачивают. И если мы хотим знать, кто это производит, если мы хотим проникнуть взором сквозь иллюзию твердого, мы скажем: во всем, что является нам в виде твердого вещества, действуют и живут Духи Воли, Престолы. Значит, и в земном нашем бытии участвуют также Духи Воли. И теперь повествование Книги Бытия предстанет перед нами также в новом освещении.

Когда мы слышим, что словом «bara» в Книге Бытия обозначается известного рода промыслительная деятельность Элохимов, то мы должны сказать: да, Элохимы создали своим промыслом как бы из воспоминания нечто такое, что я назвал комплексами бытия. Но с этими Элохимами в известном смысле произошло то же, что случается с нами, когда мы создаем что-нибудь из своего воспоминания, — причем, конечно, эта наша деятельность происходит на гораздо более низком уровне. Я возьму для пояснения сравнение. Представьте себе, что вы вечером засыпаете. Ваш мир чувств и представлений погружается в забвение для вашего субъективного сознания; вы переходите в состояние сна. Положим, что последняя ваша мысль вечером была представление о розе, стоявшей вблизи вас, когда вы засыпали. Эта мысль погружается в забвение. Утром эта мысль о розе опять оживает. Перед вами стояла бы всего только мысль, если бы роза не осталась на своем месте. Теперь я прошу вас уловить разницу между этими двумя фактами: первый заключается в вызывании из вашего воспоминания представления о розе, которое могло бы возникнуть, даже если бы роза отсутствовала, — значит, первый факт: мысль, воспоминание о розе. Если же роза осталась на своем месте, тогда для вашего восприятия воскресает и вещественная роза — это второй факт. Подобно этому, я вас теперь прошу различать два факта, при всем том, что мы называем космическим промыслом Элохимов. Поэтому, когда нам рассказывается, что в третий момент земного становления имеет место космический промысел, когда Элохимы отделяют от жидкого твердое, выделяют твердое и называют его землею, то мы и здесь должны усмотреть космический промысел Элохимов, первоисточников этих созидательных идей. А в том, что выступает перед нашим взором, мы должны реально видеть деятельность Духов Воли, производящих, создающих объективное своим собственным

субстанциальным существом. Так работают и работали с самого начала во всем окружающем нас земном плане Духи Воли.

Вы должны проникнуться мыслью, что в нашем ближайшем окружении, на которое мы подчас смотрим как на нечто весьма низменное, перед нами выступают очень высокие, величавые существа. Имея дело с твердым веществом, очень легко сказать: «Да ведь это просто материя!» И у некоторых, быть может, появится желание прибавить: духовный исследователь ею вовсе не интересуется, потому что материя есть нечто второстепенное в бытии. Что нам до нее? Мы стоим выше, мы проникаем в самый Дух. Но думающий так совершенно забывает, что в этом, столь презренном для него, в продолжение неисчислимых веков работали возвышенные духовные существа, чтобы довести все это до твердого состояния. И действительно, если бы наш эмоциональный настрой был адекватным, мы должны были бы, проникая от внешней материи, от элементарного земного покрова, к тому, что сотворило этот покров, мы должны были бы испытывать глубокое благоговение; в нас должно было бы родиться чувство глубокого почитания и глубокой признательности в отношении тех величавых духовных существ, кого мы называем Духами Воли, создавших нам своим продолжительным трудом в этом земном элементе ту твердую основу, по которой мы ходим и которую носим в себе в минеральном составе нашего физического тела. Это Духи Воли, которых мы в христианской эзотерике называем Престолами, они действительно построили — или, лучше сказать, уплотнили — нам ту твердую почву, по которой мы ходим. Эзотерики, нарекавшие имена Духам Воли по плодам их деяний в земном бытии, назвали их Престолами, потому что они действительно построили нам Престолы, на которые мы как на твердую основу всегда можем опираться и на которых зиждется и вся прочая земная жизнь.

Эти древние выражения содержат в себе нечто, заслуживающее глубокого уважения, нечто, способное наполнить нашу душу благоговением.

Если мы теперь от твердого, или земляного, в стихиях подымемся опять к водяному, то должны сказать: земляное необходимо было дольше строить, дольше уплотнять, чем водяное; поэтому мы будем искать основные силы водяного в существах более низкой иерархии. Чтобы уплотнить водяное до такой степени, в какой оно является среди окружающих нас стихий, для этого требовалась лишь деятельность Духов Мудрости, или Господств, более низкой ступени в иерархическом строе. Таким образом, мы за твердым земляным покровом видим Духов Воли, а за теми силами, что конструируют жидкое — и что неидентично с физической водой, — мы должны видеть деятельность Духов Мудрости. Поднимаясь выше к воздухообразному, мы в нем увидим следующую низлежащую иерархию. И в окружающей нас воздухообразной стихии мы должны видеть — поскольку это обусловлено силами, лежащими за ней, — излияние деятельности определенных Духов иерархического порядка. Как в водяном действуют Духи Мудрости, точно так же в воздухообразном действуют Духи Движения, Силы, как мы привыкли называть их в христианской эзотерике. И если мы поднимемся еще выше к теплообразному, следующему более тонкому состоянию, то в нем будут жить и действовать Духи нижеследующей иерархии, Духи Формы — те же самые, о которых мы уже говорили много дней, называя их Элохимами. До сих пор мы с совершенно иной стороны характеризовали их как существ, «высиживавших» в тепловом элементе. Нисходя в иерархическом порядке от Духов Воли вниз к Духам Мудрости и Движения, мы опять возвращаемся к нашим Элохимам, к нашим Духам Формы. Вы видите как все гармонирует друг с другом, как все сходится, если только будет найдена соединяющая нить.

Попытайтесь проникнуть душой во все здесь описанное, и вы тогда скажете: в основе того, что доступно нашим чувствам в окружающей нас природе, лежит стихия земляного; но в этом земляном в действительности живут Духи Воли. А в его основе лежит стихия жидкого, но в ней в действительности живут Духи Мудрости. Наконец, в ее основе лежит воздухообразное, но в нем в действительности живут Духи Движения, и теплообразное, в котором в действительности живут Духи Формы, Элохимы.

Но мы не должны думать, что между этими областями можно провести твердые границы, что их можно строго отделить друг от друга. Вся наша земная жизнь ведь зиждется на том, что водное, воздухообразное и твердое пронизывают друг друга и что все пронизано теплотой. Нет ничего твердого, что не находилось бы в известном состоянии тепла; теплоту мы находим везде и во всех других стихиях. Поэтому мы можем сказать: мы всюду встречаемся с деятельностью Элохимов, этим истинным энергетическим элементом тепла; она разлита повсюду. Даже если ей должна была предшествовать деятельность Духов Воли, Духов Мудрости и Духов Движения, все же эта стихия тепла как выражение Духов Формы проникла во время земного развития на все низшие ступени бытия. Поэтому мы в твердом находим не только как бы субстанциальную основу, телесность Духов Воли, но эта телесность Духов Воли нам представляется проникнутой и пронизанной самими Элохимами, Духами Формы.

И теперь попытаемся найти в чувственном бытии внешнее выражение того, о чем мы только что говорили. Мы описали происходящее в сверхчувственной области и установили там взаимную работу Духов Воли, Престолов, и Духов Формы, Элохимов; вот что имеется в сверхчувственной области. Но все сверхчувственное отбрасывает свою тень в наш чувственный мир. Каким же оно предстает здесь? То, что является, так

сказать, единосущным субстанциальности Духов Воли, есть распространяющаяся вокруг нас твердая материя. То, что обычно предстает как материя, — это иллюзия; представления, связанные с материей, есть майя. В действительности видящий, направляющий свой взор в те области, где должен бродить, по современным понятиям, призрак материи, не находит этого фантастического представления о материи физиков, потому что она — пустой мираж. То понятие о материи, о котором рассуждает философствующая теоретическая физика, есть лишь представление, греза, фантазия. Пока на это понятие смотрят как на разменную монету — еще ничего; но коль скоро принимают это понятие за нечто реальное, тогда начинают грезить. Таким грезам и предается современная физика в своих теориях о материи. Где она констатирует и описывает факты, реальное, действительное, там она говорит о реальном, истинном — когда она, например, описывает то, что может видеть глаз и какие из этого можно сделать выводы. Но когда она начинает толковать об атомах, молекулах и т. п. как о вещах, имеющих материальное бытие, она начинает строить фантастический мир. О нем следовало бы сказать то же самое, что говорит о нем в нашей драме-мистерии Феликс Бальде в храме: «Что было бы, если при покупке чего-нибудь сказать: настоящими деньгами я расплачиваться не буду, но обещаю, что из тумана создадутся золотые империалы, туман уплотнится в золото!»*. Таким грубым сравнением можно действительно охарактеризовать те иллюзии теоретической физики, которая с легким сердцем создает целое мироздание из первобытного тумана, лишь бы только удовлетворить так называемую миросозерцательную потребность тою монетою, которую здесь так охотно предлагает наука. Мы будем иметь дело с чистейшей фантазией, если ста-

* Врата Посвящения, картина 5. С. 171.

нем принимать за нечто реальное то атомистическое бытие, которое имеет в виду физика в настоящее время. Пока атомистическое бытие принимают лишь как систему кодовых сокращений, разменную монету для выражения условий чувственного мира — до тех пор не покидают реальной почвы. Если проникнуть за кулисы этого чувственного покрова, то необходимо идти дальше — в область духовного; тогда найдешь там существо и прядение некоей первосубстанции, которая, однако, есть не что иное, как телесность Престолов, насквозь пронизанная деятельностью Духов Формы. Как же это проявляется, проецируется в нашем чувственном мире? Проявляется оно тем, что здесь мы видим распространенной твердую материю, которая, однако, нигде, ни на какой ступени развития не является бесформенной, аморфной. Бесформенное, аморфное вызывается только тем, что любое бытие, которое стремится к форме, раздробляется, распыляется. Все находимое нами в природе в виде пыли вовсе не имеет в себе стремления быть пылью, а все это есть раздробленное бытие. Материя как таковая стремится к формообразованию. Все твердое вещество тяготеет к кристаллизации. И мы можем сказать: то, что мы называем субстанциальным Престолов и Элохимов, проникает в наше чувственное бытие распространяющейся твердью. Благодаря тому, что вообще проявляется нечто вроде именуемого нами материальным бытием, оно возвещает о себе как о единосущном Престолам. В том же, что оно оформлено, что в этой первосубстанции все время проявляются формы, в этом мы видим внешнее откровение Элохимов.

Обращаю ваше внимание опять на удивительную одухотворенность номенклатуры старых времен. Тогда древние ясновидящие говорили себе: окружающее нас материальное является нам как единосущное Престолам, но оно пронизано силою, которая всегда хочет придать форму. Отсюда и имя: «Духи Формы».

Во всех этих именах лежит указание на истинную суть того, что они означают. Если вы поэтому обратите внимание на данную тенденцию к кристаллизации, то в ней вы увидите внешнее проявление на низшей ступени тех сил, которые прядут и правят в субстанции Престолов, и силы эти — сами Элохимы, Духи Формы. Там они работают, эти кузнецы, в своей тепловой стихии и куют из бесформенной субстанции Духов Воли кристаллические формы различных солей и металлов. Это Духи в своей тепловой деятельности, они же одновременно являются формующим началом для элементов бытия.

Если вы так взглянете на все это, то перед вами откроется истинная сущность живой деятельности, лежащей в основе нашего бытия. Таким образом мы должны привыкнуть видеть в нашем внешнем окружении майю, или иллюзию. Но мы не должны удовлетворяться ничего не значащей теорией, что внешний мир есть майя. Это не ведет ни к чему. Лишь когда в отдельных фрагментах майи видишь то, что лежит в ее основе, выражение это получает истинное значение; лишь тогда оно полезно. Таким образом мы привыкаем видеть во всем, что совершается вокруг нас во внешнем мире, нечто такое, что, будучи иллюзией, выражает действительность, истину, но по сути своей все же остается иллюзией. Ведь внешняя видимость есть внешняя видимость. Эта внешняя видимость как таковая представляет собой, конечно, своеобразную реальность; но эту реальность не поймешь, если остановишься на внешней видимости. Лишь тогда можно также уважать и ценить эту видимость, если на этой видимости не останавливаешься.

Наши современные отвлеченные воззрения смешивают все воедино. Так не могли поступать древние ясновидящие. Они не могли удобства ради признавать всюду действие одних и тех же банальных сил, как это делает современный физик, который в то же

время хочет быть, например, метеорологом. В наше время никто, основываясь на современных понятиях физики, не усомнится в том, что те же силы, которые действуют, например, в наших стихиях — в веществах твердом, жидком и т. д., — что те же силы проявляют свое действие, например, в нашей атмосфере, когда в ней образуются облака, когда водяные пары атмосферы собираются в тучи. Мне достоверно известно, что современный физик иначе думать не в состоянии, что он как физик одновременно хочет быть и метеорологом; он иначе и думать не может, и у него сложилось твердое убеждение, что те же самые законы, знакомые ему из окружающего нас земного бытия, управляют и образованием тех водных масс, которые в виде облаков несутся над Землей. Для ясновидящего это не так однозначно. Коль скоро мы нашли духовную основу этих явлений, нельзя видеть в них везде одно и то же; одни духовные существа участвуют там, где, скажем, непосредственно на земной поверхности из газообразного образуется жидкость, а другие там, где в атмосфере Земли пары и газообразное собираются в водные массы. Если мы поэтому будем изучать возникновение водного в нашей атмосфере, то ясновидящий не может сказать: водное там образуется точно таким же образом, как на земной поверхности, испарение образуется так же, как конденсация влаги на поверхности, потому что в действительности иные существа участвуют при возникновении облаков, нежели при образовании воды на земной почве. Участие иерархий в нашем элементарном бытии, о котором я только что говорил, относится лишь к Земле от ее центра до ее поверхности, но те же силы недостаточны, чтобы, например, образовать облака. Там действуют иные существа. Миросозерцание современной физики основывается на очень простом принципе. Оно отыскивает разные физические законы и утверждает, что они управляют всей Вселенной. И больше не обращает внимания на

различия, существующие в разных областях Вселенной. Если поступать так, то руководствуешься принципом, утверждающим, что ночью все кошки серы, какого бы цвета они ни были. Вещи, однако, не везде одинаковы, а в разных областях являются весьма различными.

Кто на основании ясновидческого метода исследования осознал, что в земляной стихии царит существо Престолов, или Духов Воли, что в водном царит существо Духов Мудрости, в воздухообразном — существо Духов Движения, в теплообразном — существо Элохимов, тот постепенно поднимается к познанию того, что образование облаков, этот своеобразный переход из газообразно-водного состояния в водяное в нашей атмосфере, есть результат деятельности тех существ, которые принадлежат к иерархии Херувимов. Так, глядя на нашу твердь, на то, что мы называем земляной стихией, мы видим в ней совместную деятельность Элохимов и Престолов. Поднимая взор свой кверху, мы видим, как в воздухообразном, в котором, в принципе, властвуют Духи Движения, работают Херувимы, чтобы собирать водяное, поднимающееся из области Духов Мудрости, в облачные громады. Как внутри стихий нашей Земли властвуют Престолы, Духи Мудрости и Духи Движения, так же точно в окружении Земли властвуют Херувимы. И если мы взором проникнем в процесс и в сущность этого облакообразования — и в его, так сказать более сокровенное, что обнаруживается лишь временами, — то это будут молнии, сверкающие из туч, и гром. Это тоже имеет свою причину, свое обоснование. И ясновидящий в этом явлении видит деятельность Духов той иерархии, которую мы называем Серафимами. Таким образом, мы нашли для нашей Земли и ее ближайшего окружения всех чинов небесных иерархий.

Итак, во всем, что представляется нашим чувствам, мы видим внешнее выражение, откровение иерархиче-

ской деятельности. Было бы совершенной бессмыслицей видеть в сверкающей из тучи молнии то же самое, что является перед нами, когда мы зажигаем спичку. Совсем иные силы царят, когда вообще в материи проявляется стихия, обусловливающая молнии — стихия электрическая. В ней царствуют Серафимы. Таким образом, мы нашли соборность иерархий также и в окружении нашей Земли, равно как мы находим ее также и вдали, в Космосе. Ведь иерархии свою деятельность распространяют также на то, что окружает нас непосредственно.

Если вы теперь возьмете Книгу Бытия и вглядитесь, как она описывает ход мирового развития, то вы увидите, что сначала, так сказать, повторяются все подготовительные ступени, имевшие место на старом Сатурне, Солнце и Луне, и что, в конце концов, как венец развития появляется человек. Повествование Книги Бытия мы должны понимать так, что во всем происходящем соединяются и сплетаются жизнь и работа иерархий, и все это как бы фокусируется на завершающем продукте земного творчества — фокусируется на том сверхчувственном существе (оно пока еще только сверхчувственно), о котором говорится: «Элохимы решили: теперь создадим человека!» Тогда они всё, что каждый из них мог, устремили к одному общему делу. Все силы, приобретенные ими на прежних ступенях, они слили воедино, чтобы, наконец, создать человека. Поэтому все эти иерархии, предшествующие человеку, которые мы называем Серафимами, Херувимами, Престолами, Духами Мудрости, Движения, Формы, Архаями, Архангелами и Ангелами, — все эти существа найдены нами как деятельные участники в творческой мировой работе. И если мы проследим повествование Книги Бытия до того момента, когда все это здание венчается появлением человека в так называемый шестой день творения, если мы всмотримся в сущность жизни и работы, так сказать, дочеловече-

ской эволюции Земли, то мы уже и там находим все различные иерархии. Все эти иерархии должны были действовать совместно, чтобы подготовить условия, необходимые для появления человека.

Поэтому мы можем сказать: у ясновидящего или у ясновидящих, давших нам Книгу Бытия, было ясное сознание того, что все поименованные иерархии должны были участвовать уже в этой подготовительной работе для создания человека. Но они также сознавали и то, что для создания самого человека, для увенчания всего иерархического строя, необходима была еще помощь извне — из области, которая в известном смысле лежит еще выше всех этих иерархий. Мы поэтому обращаем взор свой как бы поверх Серафимов, к пока еще неизвестному, лишь смутно предощущаемому Божественному Существу. Проследим деятельность одного из чинов иерархий, хотя бы деятельность Элохимов: пока они еще не пришли к решению увенчать свой труд созданием человека, было достаточно, что они свою собственную деятельность согласовывали с деятельностью других иерархий до Серафимов включительно. Но затем им необходима была помощь оттуда, куда мы лишь в неясном предчувствии направляем свой взор — в ту область, которая лежит еще выше Серафимов. Когда Элохимы решили распространить свою деятельность до этой головокружительной высоты, так что бы оттуда могла прийти к ним помощь, тогда должно было произойти нечто такое, что нам необходимо понять во всем его значении. Элохимы должны были, так сказать, перерасти самих себя; они должны были научиться большему, чем то, что они могли, что они умели в подготовительном периоде. Чтобы довести до конца, так сказать, увенчать свое дело, им необходимо было развить в себе высшие силы сравнительно с теми, которыми они располагали в подготовительной работе. Вся группа Элохимов должна была перерасти себя. Попытаемся представить себе, как со-

вершается нечто подобное. И чтобы понять это, возьмем для примера, для сравнения какой-нибудь общеизвестный факт, хотя бы развитие и рост человека.

Когда мы видим, как человек вступает в свое земное существование малым беспомощным ребенком, то мы знаем, что в нем еще нет единства сознания. Ребенок только спустя определенное время после рождения называет себя "Я", — тем "Я", которое объединяет сознание. Лишь в дальнейшем все, происходящее в его душевной жизни, соединяется у него в сознании. Человек развивается, объединяя в своем сознании различные разъединенные еще у ребенка функции. У человека такое объединение является развитием до более высокого состояния. По аналогии с этим мы можем представить и развитие Элохимов. В периоды, подготовлявшие создание человека, они развили известную деятельность. Благодаря этому они сами кое-чему научились, сами собственной работою способствовали своему подъему на высшую ступень. Они теперь как группа получили некое единое сознание; они теперь не только группа, но стали единством. Это единство стало органическим. Этим мы высказываем нечто чрезвычайно важное. До сих пор я вам только мог говорить: отдельные Элохимы были таковы, что каждый из них умел нечто особое, свое. Каждый из них мог к общему делу, к тому общему образу, по которому они решили создать человека, приложить нечто свое. Человек жил у них как бы еще лишь в общем представлении, и в этом представлении они работали совместно. Поначалу ничего реального у них еще не существовало, оно появилось лишь с того момента, когда продукт совместной работы был создан. Но в этой работе они сами поднимались выше в своем развитии, преобразовывая свое единство в некую реальность, так что теперь они являли собою не только семерых отдельных существ, но эта семеричность представляла собою единое целое, и мы теперь можем говорить

об «Элохимате», проявляющемся в семи образах. Этот Элохимат образовался впервые. К нему Элохимы поднялись своей работой.

Библия знакома с этим фактом, знакома с тем, что Элохимы представляют собою сначала как бы членов группы, а затем соединяются в одно целое, так что прежде они работают как отдельные члены группы, а потом управляются общим организмом. И это реальное, единство Элохимов, в котором как члены, как органы, деятельны отдельные Элохимы, Библия называет «Яхве-Элохим»*. Теперь вы получили еще более глубокое понятие, чем это возможно было дать вам раньше, о том, что такое Яхве, Иегова. На этом основании Библия вначале говорит лишь об Элохимах и только с того момента начинает говорить о Яхве-Элохиме, когда Элохимы сами поднялись на высшую ступень, придя к единству. Вот в чем кроется более глубокая причина того, что к концу сотворения мира вдруг появляется имя Яхве. Теперь вы убедились, что следует доискиваться оккультных источников, чтобы понимать подобные памятники.

Что же сделала из всего этого библейская критика XIX столетия? Из этого описанного вам на основании оккультных источников факта библейская экзегетика сделала следующее. Она говорит: в одном месте встречается имя «Элохим», в другом — «Яхве». Из этого ясно, что имеешь дело с двумя различными религиозными традициями. Необходимо делать различие между тем, что передано одним народом, поклонявшимся Элохимам, и другим народом, почитавшим Яхве. И тот, кто написал то, что нам предлагается как история сотворения мира, сложил вместе оба имени — «Элохим» и «Яхве-Элохим», — и теперь у нас один памятник, где употребляется имя «Элохим», а в нем — другой, где употребляется имя Яхве. Эти два памятника нужно

* Яхве-Элохим, יְהוָֹה אֱלֹהִים.

опять разъединить. И теперь мы благодаря такого рода толкованию дошли до того, что имеем так называемые радужные Библии, где все, якобы происходящее из одного источника, напечатано синими буквами, а то, что якобы заимствовано из другого источника, напечатано красными буквами. Такие Библии уже существуют. Досадно только, что подчас приходится первую часть предложения набирать красной краской, а вторую часть того же предложения набирать синей краской, так как, мол, первое заимствовано у одного народа, а второе — у другого. Так что приходится только удивляться тому, что главное предложение так удивительно стыкуется с придаточным, что недоставало только таланта какого-нибудь комбинатора!

На толкование это потрачено масса труда, и можно сказать, если ближе познакомиться со всем этим, что ни к каким исследованиям — ни естественнонаучным, ни к историческим — не приложено такого баснословного прилежания, как именно к этому богословскому толкованию Библии в XIX веке, которое наполняет нас чувством глубокого трагизма и искренней жалости. То, назначением чего было знакомить человечество с самыми высокими духовными событиями, потеряло связь с этими духовными источниками. Это все равно как если бы кто сказал: «Во второй части "Фауста" — например, в том месте, где говорит Ариэль — мы видим совершенно иной слог, нежели в первой его части с его подчас топорными стихами. Поэтому невозможно, чтобы обе части "Фауста" были бы написаны одним и тем же лицом, и Гёте, следовательно, должен быть мифической личностью». Результат этой баснословной работы и поразительного прилежания, именно благодаря пренебрежению оккультными источниками, самым трагическим образом стоит на том же уровне, как отрицание существования Гёте на том основании, что не допускается возможность, чтобы одна и та же личность стилистически могла быть автором первой

5 – 4074

и второй части «Фауста». Здесь перед нами глубокий трагизм человеческого существования. И мы поймем, как сама необходимость подталкивает человеческие души вновь к источникам духовной жизни. Познание Духа станет возможным лишь тогда, когда люди начнут опять искать живой Дух. И со временем они несомненно будут искать его, ибо непреодолимое стремление к нему заложено в душе человека. Уверенность в том, что стремление это присуще человеческой душе, что оно заставляет человека всем сердцем искать свою связь с духовными источниками, и приведет его, наконец, к пониманию истинных основ религиозных памятников, — эта уверенность есть та сила, которая воодушевляет нас в нашей антропософской работе. Проникнемся поэтому такой уверенностью — и мы в этой области, которая должна вести нас к духовной жизни, пожнем добрые плоды.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 23 августа 1910 г.

При попытке уяснить себе бытие, мы всегда идем по стопам развития этого бытия, и мы уже неоднократно имели случай убедиться в том, как все окружающее нас, все доступное нашему наблюдению укладывается в понятие развития. Мы должны привыкнуть расширять это представление о развитии и распространять его также на такие области, в которых современное сознание еще не видит развития. Так, например, теперь еще мало думают о действительном развитии в области душевной жизни человека. Правда, внешним образом о таком развитии говорят, поскольку оно столь наглядно выступает, например, в индивидуальном бытии человека между рождением и смертью. Но относительно всего человечества такое развитие понимается сейчас как подъем из низших животных состояний. А затем, следуя по этому пути, приходят к выводу, который даже при современном уровне знания в этой области можно назвать довольно фантастичным: будто высшее просто так развивается из низшего, будто человек просто развился из животного. Конечно, в настоящем цикле лекций я не могу подробно излагать — как я это делал уже неоднократно, — что наше человеческое сознание, чтобы стать таким, каково оно в настоящее время, должно было пройти через длинный и сложный ряд эволюционных этапов и что нашей настоящей форме сознания и душевной жизни предшествовала совершенно иная форма. Эту предшествующую форму сознания мы часто называли ясновидящим сознанием низшего порядка. Наше современное сознание ведь дает нам представления о

внешнем предмете путем внешнего восприятия. А то иное сознание, предшествовавшее нашему настоящему, мы можем лучше всего изучить, если обратим свой взор к старому лунному бытию.

Самый характерный признак отличия периода старого лунного развития от современного земного в том, что сознание поднялось от особого рода старого ясновидения, особого рода образного сознания, к нашему современному, предметному сознанию. На это обстоятельство я указываю уже много лет, и вы уже давно могли прочитать об этом в первых статьях «Люцифер-Гнозиса[6]», где эволюция описывается по данным акаша-хроники. Уже там указывается, что это старое, подобное сновидениям образное сознание, свойственное нашему собственному существу в те отдаленные времена, постепенно развилось в земное сознание, через которое мы сознаем внешние предметы, то есть то, что мы в окружающем нас пространстве называем внешними предметами, в отличие от нас самих, от нашей внутренней сущности. Это отличие внешних предметов от нашей собственной внутренней жизни и составляет, собственно, главную особенность нашего современного состояния сознания. Если перед нами какой-нибудь предмет, например, роза, то мы говорим: роза там в пространстве; она отделена от нас. Мы стоим на другом месте, нежели она. Мы видим розу и составляем себе представление о ней. Представление это внутри нас, роза — снаружи. В различении внешнего и внутреннего и заключается, собственно, характерная черта нашего земного сознания. Не таким было старое лунное сознание. Существа со старым лунным сознанием такого различия между внешним и внутренним вовсе не делали. Представьте себе, что у вас, глядя на розу, вовсе не было бы сознания: роза там снаружи, а я только составляю себе представление о ней у себя внутри, но у вас было бы сознание такого рода, что когда эта роза видна там в пространстве, то сущ-

ность ее не ограничена только тем пространством, которое она занимает, но сущность ее распространяется за пределы занимаемого ею пространства и, таким образом, роза эта, собственно, находится внутри нас. И дело этим еще не ограничивается. Представьте себе, что вы смотрите на солнце и при этом воспринимаете не так, что солнце там наверху, а вы здесь внизу, но у вас такого рода сознание, что в тот момент, когда вы вызываете в себе представление солнца, оно находится внутри вас, что сознание ваше охватывает солнце более или менее духовным образом. Тогда исчезло бы упомянутое отличие внешнего от внутреннего. Если вы уясните это, тогда вы получите первое непременное качество того старого лунного сознания.

Вторая характерная особенность его состояла в том, что это было сознание образное, так что вещи не являлись непосредственно в виде предметов, а в символах, наподобие того, как и в настоящее время сновидения часто содержат символы. Сновидение может действовать, например, так, что огонь снаружи будет воспринят нами, скажем, в символе светозарного существа, как на картине. В этом роде и старое лунное сознание воспринимало внешние предметы, то есть внутри себя и в то же время в образах. Значит, это старое лунное сознание было образным и обладало субъективной окраской. И оно обладало еще одним существенным отличием от нашего современного сознания. Оно вообще не действовало так, что для него существовали внешние предметы, как для нашего нынешнего земного сознания. Того, что вы теперь называете своей средою, что вы сегодня воспринимаете как предметы растительного, минерального и животного царства, того для сознания старого лунного развития вообще не существовало. Тогда действительно на более низкой, подобной сновидению ступени происходило нечто, похожее на то, что теперь происходит в душе того, в ком развивается видящая сила, то есть созна-

тельное ясновидение. Первые признаки этого пробуждающегося ясновидящего сознания таковы, что оно поначалу вовсе еще не имеет дела со внешними существами. В этом, собственно, кроется источник разнообразных заблуждений для того, кто, скажем, благодаря своему эзотерическому образованию начал развивать в себе дар ясновидения.

Развитие ясновидящих сил происходит постепенно, ступенями. На первой ступени развиваются разнообразные способности, и человек видит вокруг себя разные явления. Но он впал бы в большое заблуждение, если бы он эти видения вокруг себя, то есть в духовном пространстве, тотчас стал принимать за духовные реальности. Иоанн Томазий в нашей розенкрейцерской Мистерии* проходит через этот период астрального зрения. Напоминаю вам о тех картинах, которые возникают перед душою Иоанна Томазия, когда он сидит, погруженный в созерцание, на авансцене, а перед его душой открывается духовный мир. Он видит различные образы, и Дух Элементов первым делом открывает Иоанну образы тех существ, которые ему уже знакомы из земной жизни. Дело в том, что Иоанн Томазий познакомился с профессором Капезием и доктором Штрадером. Благодаря этому знакомству он воспринял в себя еще на физическом плане известные представления об этих двух лицах. В момент, когда после испытанной им великой боли начинает, так сказать, пробиваться ясновидящая способность, Иоанн Томазий опять видит этих двух личностей. Но он видит их в странных образах: профессора Капезия он видит таким, каким тот был, быть может, в 25- или 26-летнем возрасте, а не таким, каков он в то время, когда Иоанн Томазий погружен в медитацию. Также и доктора Штрадера он видит не таким, каков тот в данный момент, но каким тот должен стать в старости в этом своем воплощении.

---

* Врата Посвящения, 4 картина.

Эти и еще многие другие образы являются перед душою Иоанна Томазия. Драматически все это можно представить только так, что картины, являющиеся перед душою в медитации, разыгрываются на сцене. Ошибка Иоанна Томазия заключается не в том, что он принимает эти видения за иллюзии; это было бы полнейшим заблуждением. Единственно верное отношение его к этим видениям будет, если он скажет себе: я теперь еще не могу знать, сколько в этом самообмана и сколько реальности. Он еще не знает, есть ли то, что является ему в этих видениях, духовная реальность — скажем, то, что занесено в акаша-хронику, — или же он свое собственное "Я" расширил в целый мир. Может быть и то, и другое, и он это должен понять. У него нет еще способности отличать духовную реальность от образного сознания. И он должен уразуметь это. Только с того момента, как у него проявляется деваханическое сознание — когда Иоанн Томазий переживает духовную реальность при встрече в Девахане с духовно-реальным существом, с Марией, которую он знает по физическому плану, — лишь с этого момента он может, оглянувшись назад, отличать реальность от простого образного сознания. Таким образом, вы видите, что человек на пути своего эзотерического развития проходит через период, когда он окружен образами и в то же время не имеет еще способности различать между духовной реальностью и самими образами. В сценах розенкрейцерской драмы, конечно, раскрывались духовные реальности. Так, например, то, что является в качестве профессора Капезия, есть его реальное изображение, занесенное в акаша-хронику из его юности, а что является в качестве доктора Штрадера, есть реальное изображение в ней его старческого возраста. В драме они подразумеваются реальными, но только Иоанн Томазий еще не знает, что фигуры эти реальны.

Сознание на старой Луне проходило через аналогичный период, только на более низкой, подобной

сновидению ступени, так что об упомянутом различии не могло быть еще речи. Итак, способность различать появляется лишь позднее, и это необходимо твердо помнить. Мы должны знать, что ясновидящий постепенно сживается с особого рода образным сознанием. Однако во времена старой Луны появляющиеся образы были чем-то совершенно иным, нежели предметы нашего земного сознания. Они у истоков ясновидения и в настоящее время также означают нечто иное. В начале своего развития и ясновидящий вовсе не видит извне духовных существ: он видит образы. И мы должны спросить себя: что же означают эти образы, которые при этом всплывают? Видите ли, на первой ступени ясновидения они вовсе не есть выражение реальных духовных существ, а они сначала, так сказать, особого рода сознание органов. Эти образные картины есть как бы проекция в пространство того, что происходит внутри нас. И когда ясновидящий начинает развивать в себе способности, то он может — чтобы взять реальный пример — видеть далеко в пространстве два ярко сияющих шара. Это будут изображения двух шаров, сияющих различными красками. Если ясновидящий в таком случае скажет себе: там, где-то в пространстве, находятся два существа, то он, по всей вероятности, очень ошибется; это, во всяком случае, поначалу не будет верным истолкованием факта; истина будет совершенно иной. Истина заключается в том, что ясновидение, выявляя в самом человеке разные силы, проецирует их в пространство, и они-то и являются в виде двух шаров. Эти два шара могут представлять собою, например, то, что работает в астральном теле ясновидящего и вырабатывает в его глазах зрительную силу. И эта сила зрения может проецироваться в пространство в виде двух шаров. Так, собственно, внутренние силы представляются внешними явлениями астрального пространства. Было бы величайшим заблуждением принимать их за внешнее выражение духовных существ.

Еще ошибочнее было бы вызывать в себе вначале какими-нибудь процедурами способность слышать голоса и сейчас же принимать их за духовные откровения. Это был бы самый грубый обман, которому можно подпасть. Голоса эти будут вряд ли чем-то иным, как отголоском внутренних процессов. И тогда как цветовые образы и разные фигуры являются отображением довольно чистых внутренних процессов, голоса большей частью представляют собою сумбурные состояния души. И самое лучшее для каждого начинающего слышать голоса сначала совершенно не доверяться этим сообщениям. Так что вам ясно, что к начинающемуся образному представлению следует всегда относиться с величайшей осторожностью. Оно в начале есть особого рода сознание своих органов, проекция внутренней жизни наружу в пространство. По законам развития сознание органов было нормальным во время старой Луны. Едва ли человек на старой Луне воспринимал что-то иное, кроме происходящего внутри него.

Неоднократно я напоминал вам многозначительное изречение Гёте, что глаза наши образовались благодаря свету и для света*. Следовало бы глубже вникнуть в смысл этих слов. Все органы человека образовались через окружающую его среду, создались ради окружающей его среды. И поверхностна та философия, которая напирает на одну лишь сторону этой истины, говоря: без глаз человек не мог бы видеть света. Другая крайне важная сторона этой истины гласит: без света никогда не мог бы развиться глаз, без звука не могло бы образоваться ухо и т. д. С более глубокой точки зрения, все кантианство является поверхностным, потому что дает лишь одну сторону истины. Свет, наполняющий и озаряющий мировое пространство, является причиной, создавшей наши органы зрения. Во

* Гёте. Введение к наброску учения о цвете.

времена старой Луны главная работа существ, участвовавших в становлении наших миров, сосредоточивалась на построении органов. Сначала должны быть созданы органы, и только после этого они могут воспринимать. Наше современное предметное сознание на том и зиждется, что сначала были построены органы. И как чисто физические аппараты наши органы чувств уже были созданы на старом Сатурне: наш глаз подобен той камер-обскуре, которой ныне пользуется фотограф. Но такие чисто физические аппараты ничего не могут чувствовать, ничего не могут воспринимать. Они устроены согласно физическим законам. На старой Луне эти органы были одарены внутренним чувством. Когда мы поэтому рассматриваем глаз, мы должны сказать: на старом Сатурне он был построен так, что мог служить лишь физическим аппаратом, на лунной ступени он под влиянием падающих на него солнечных лучей преобразился в орган восприятия, в орган сознания. И самое существенное из работы времен старой Луны заключалось в том, что эти органы, так сказать, извлекались из организмов. Во время земной работы самое главное заключается в том, что, например, свет действует на растения, поддерживает их развитие. Как результат этого действия света мы видим внешнюю флору. Таким путем свет не действовал на старой Луне; тогда он извлекал органы наружу. И то, что человек воспринимал в те времена, было не что иное, как работа над его собственными органами. Воспринимались образы, которые, казалось, наполняли мировое пространство. Казалось, что изображения эти развернуты в пространстве. Но в действительности изображения эти были лишь выражением работы бытия стихий над органами человека. Как он сам созидался, как из его существа, так сказать, произрастали воспринимающие глаза, эту работу над самим собою, свое собственное внутреннее становление — вот что воспринимал человек на старой Луне. Для него внеш-

ний мир был, собственно, внутренним миром, потому что весь внешний мир работал над его внутренним существом. Он и не делал различия между внешним и внутренним. Он не видел Солнце как нечто внешнее. Он не отделял Солнце от самого себя, но он чувствовал, как создавались в нем глаза. И эта работа над становлением его глаз расширяла его вовне — к некоему образному восприятию, заполнявшему пространство. Этим путем воспринимал он Солнце, но это был процесс внутренний.

Самое характерное из старого лунного сознания как раз и состояло в том, что человек был окружен миром видимых образов, но образы эти символизировали внутреннее созидание, внутреннее построение его душевного бытия. Таким образом, лунный человек был замкнут в астральном и чувствовал свое собственное созидание как внешний мир. Сейчас такое восприятие внутреннего созидания в виде мира внешнего, при котором теряется способность отличать картины и образы, являющиеся в качестве отражения собственного внутреннего роста, от внешнего мира, — сейчас это было бы болезнью. В старом лунном состоянии это была норма. Так, лунный человек воспринимал работу, например, тех существ, которые впоследствии стали Элохимами, внутри своего собственного существа. Вроде того как вы теперь можете чувствовать свое кровообращение, так воспринимал он тогда деятельность этих Элохимов. Все это происходило внутри него и только отражалось ему во внешних картинах.

Но такого рода сознание было возможным только на старой Луне. Ибо все, что совершается на нашей Земле, должно быть в гармонии со всем космосом. Сознание, свойственное земному человеку — с его различением внешнего от внутреннего, с таким видом восприятия, при котором вне нас существуют внешние реальные предметы, рядом с которыми мы представляем собой внутреннее пространство, — такое созна-

ние требовало, чтобы все развитие перешло со старой Луны на Землю, чтобы произошло совершенно иного рода распределение во всей нашей космической системе. Так, например, разделения между Луной и Землей, вроде теперешнего, во времена старой Луны вообще еще не существовало. То, что мы называем старой Луной, мы должны себе представлять так, как будто сегодняшняя Луна еще была соединена с Землею. Благодаря этому и все прочие планеты, включая сюда и Солнце, были совершенно по-другому устроены. И при тогдашних условиях могло развиться лишь описанное нами образное сознание. Лишь когда весь Космос, к которому мы принадлежим, принял тот облик, который ему свойствен теперь, могло развиться свойственное нам предметное сознание.

Поэтому мы должны сказать: такое земное сознание человек мог получить лишь в земном бытии. И не только у человека не было такого сознания, но его не имели также и другие существа, принадлежащие к тому или другому чину иерархии. Было бы очень неосновательно полагать, например, что Ангелы, проходя через свою человеческую ступень на старой Луне, именно благодаря этому должны были бы иметь такое же сознание, каким обладает теперь человек на Земле. Этого не было, и они именно отличаются от человека тем, что они свою человеческую ступень переживали с иным сознанием. Прямого повторения того, что раз уже было, никогда не бывает. Каждый момент развития совершается только однажды, потому что ему надлежит быть, а не для того, чтобы повторять старое. Итак, для развития того сознания, которым обладает ныне земной человек, необходимо было совершиться всем процессам, создавшим Землю и сделавшим человека таким, какой он есть теперь. На прежних ступенях развития земным существам невозможно было выработать себе такого сознания. Когда мы встречаемся с предметом, тогда он находится вне нас, тогда он

является чем-то в окружающей нас среде. Все же прежнее сознание знакомых нам существ было таково, что не делало различия между внешним и внутренним, а потому для них было бы бессмыслицей говорить: мы видим нечто как стоящее перед нами. Этого не существовало и для Элохимов. Они только могли сказать: мы живем и действуем во Вселенной; мы творим и в акте творения сознаем наше творчество. Но перед нами нет предметов, мы не видим перед собой предметов. Факт, выраженный словами «Мы видим пред собою предметы», означающий, что во внешнем пространстве проявляются образы сущего, от которого сам реципиент отделен, которым он противостоит как отдельное существо, — это условие и для Элохимов настало лишь во времена земного бытия. Элохимы в старом лунном бытии чувствовали себя живущими и деятельными в свете, изливающемся из старого Солнца на старую Луну; они могли бы сказать себе: «Мы чувствуем себя внутри этого света; мы чувствуем, как мы с этим светом погружаемся в существ, живущих в качестве людей на старой Луне; мы в этом свете как бы несемся по пространству». Но они не могли бы себе сказать: «Мы видим этот свет вне себя». Этого не могло быть в старом лунном состоянии, потому что это явилось как совершенно новый факт лишь в земном бытии.

Когда в отношении известного момента развития мы встречаем в Книге Бытия знаменательные слова «И Элохимы сказали: Да будет свет!», то должен был произойти новый факт, а именно то, что они теперь не только чувствовали себя втекающими со светом, но чувствовали, что предметы отражают им этот свет, и что перед ними во внешнем пространстве являются предметы. Автор Книги Бытия это выражает тем, что он к словам: «И Элохимы сказали: Да будет свет!» прибавляет «И Элохимы увидели свет». Да, в этом памятнике нет лишних слов, нет пустых фраз. И можно только пожелать, чтобы люди научились благодаря

этому древнему памятнику также ничего не писать, что не имеет в себе полнокровного содержания, не писать пустых фраз. Автор Книги Бытия ничего лишнего не говорит, не пишет ничего такого, что могло бы служить приукрашиванием в обывательском смысле слова, дабы со своей стороны прибавить украшение к сотворению света, например, такого рода: ну вот, Элохимы сказали себе: да, мы видим свет и довольны собою, что создали его хорошо. Смысл в том, что этим маленьким предложением указывается на вхождение чего-то нового.

И притом там сказано не только «И Элохимы увидели Свет», но сказано «И увидели, что он хорош, или красив». Я должен заметить, что здесь на древнееврейском языке не делается такого различия между «хорош» и «красив», как мы это делаем теперь. То же самое слово на древнееврейском языке означает и «хорошо», и «красиво». Что же, собственно, обозначается этими словами? В древнесанскритском языке и даже до известной степени в немецком (Ср. русск. «красен» (устаревш.) = красив, хорош —*прим. перев.*) еще слышится этот смысл. Слово «красиво» охватывает собою все слова, на всех языках означающие, что нечто внутреннее, нечто духовное проявляется во внешнем образе. «Быть красивым» значит: внутреннее проявляется внешне. И по сей день лучшее представление о прекрасном составит та точка зрения, согласно которой в предмете прекрасной формы содержится физический образ его внутреннего, духовного существа. Мы называем «красивым» в чувственном мире то, из чего просвечивает нам духовное. Когда «красиво» скульптурное произведение? Когда оно внешней своей формой создает иллюзию, что в нем живет что-то духовное. Проявление духовного посредством внешней формы есть красота.

Таким образом, мы можем сказать, что словами Книги Бытия «Элохимы увидели свет» выражено не-

что специфическое в земном развитии, но одновременно и то, что переживаемое раньше лишь субъективно теперь является и объективным; что, другими словами, Дух предстает в своем внешнем явлении. Поэтому мы можем изречение, передаваемое обычно словами «И Элохимы увидели свет и увидели, что он хорош (красив)», теперь выразить так: «И Элохимы постигли на опыте: то, в чем они были раньше, противостало им как внешнее; а в основе этого явления они увидели, что Духу, бывшему на заднем плане, потребовалось выразить себя во внешнем», потому что именно это означают слова, «что он был красив (хорош)». Такой памятник, как Книга Бытия, вы поймете лучше всего, если вы ничего не будете принимать за пустое слово и всюду будете искать тайну, действительно скрытую в словах. Тогда вы действительно, в широком смысле слова, проникнете в глубины этого памятника, тогда как любое другое толкование есть не что иное, как обычное филистерство.

Теперь мы пойдем дальше. Мы видели, что самое характерное в лунном состоянии могло создаться лишь благодаря выделению солнечного из лунного. Затем мы убедились в необходимости нового размежевания солнечного и земного в ходе земного развития — убедились в том, что, так сказать, необходима двойственность для появления существ, одаренных сознанием. Земное должно было отделиться. Такое размежевание, однако, сопряжено еще кое с чем. С ним сопряжено то, что стихии как всего лунного, так и солнечного, изменяют свою природу, становятся иными. Если вы на теперешнее Солнце взглянете с одной лишь физической стороны, то даже и тогда вы должны себе сказать: такие состояния, каковые свойственны Земле и каковые мы называем твердыми и жидкими, мы вряд ли будем в состоянии предполагать в физическом Солнце. Самое плотное состояние, которое можно еще надеяться найти на Солнце, было бы газообразное. Так считает

и наша современная физика. Такое распределение веществ происходит вообще при разделении того, что прежде составляло нечто единое.

Мы видели, что земляное развилось благодаря прогрессирующему уплотнению тепловой стихии до земляного, до твердого. Снаружи в это земляное проникает то, что является более тонкой стихией там наверху: световым, звуковым и жизненным эфирами. Но мы не можем предполагать, что в выделившемся солнечном происходит то же самое. Напротив, мы должны сказать: самым тонким состоянием из всех знакомых нам является то, что заключает в себе, дает и распространяет жизнь; затем мы имеем то, что мы называем числовым, или звуковым, эфиром; затем у нас есть световой эфир и тепловой эфир; потом у нас газ, или воздух, вода и земное, или твердое. Вот таковы семь стихий. В области земного нам придется искать то, что подымается до теплового. Тепло пронизывает наше земное, тогда как относительно светового мы уже должны сказать, что Земля лишь постольку причастна к нему, поскольку в ее жизни участвуют существа из окружающей ее среды, лучше сказать, пожалуй, тела окружающей среды. Свет на Землю излучается Солнцем. Если мы желали бы, так сказать, локализации трех высших элементарных состояний — эфиров светового, звукового и жизненного, — то мы должны были бы сказать: их мы должны искать скорее в солнечном. В земном мы находим твердое, жидкое и газообразное; тепло распределено и тут, и там, и в земном, и в солнечном. Но в последнем мы будем искать световое, духовно-звучащее и жизненосное. Дарующее жизнь мы должны будем искать скорее в солнечном.

В первый раз это солнечное выделилось в старом лунном бытии. Там на старой Луне впервые проявился извне деятельный свет, но не как свет. Я только что объяснил, что изречение Книги Бытия «И Элохимы увидели свет» было бы немыслимо применять к лун-

ному развитию. Для тех времен следовало бы сказать: «И Элохимы в свете носились, пересекая пространство; они были внутри света, но не видели его.» Вроде того, как тот, кто плывет под поверхностью воды, собственно, не видит воды, а только движется в ней, так и тогда свет был не виден, а он был лишь носителем космической работы в пространстве. Только на Земле свет стал виден, стал отражаться от предметов.

Что в лунное время происходило относительно света, то должно было естественным образом повториться и в земном развитии на более высокой ступени. Поэтому мы должны ожидать, что существовавшее на старой Луне относительно света проявится в земном развитии относительно звукового эфира. Другими словами: во время земного развития со звуковым эфиром случится то же самое, что происходило со световым эфиром во времена лунного развития. А из этого следует, что для Элохимов называемое нами духовно-звучащим не будет восприниматься отраженным на манер светового. Если поэтому Книга Бытия имела бы намерение указать, что развитие поднимается от деятельности светового к деятельности звукового эфира, она должна была бы сказать нам приблизительно следующее: «И Элохимы в земном становлении увидели свет и увидели, что он хорош, или красив», — но затем она не должна была бы продолжать в том же роде, говоря: «И Элохимы воспринимали в этой фазе звуковой эфир», но она должна была бы сказать: «Они жили и пряли в нем». Поэтому и относительно так называемого второго дня творения Библия не должна была бы говорить, что Элохимы воспринимали тот процесс, которым вещества разделялись на верхние и на нижние; об этой работе Элохимов не должно было бы говориться, например, что они ее воспринимали; но здесь Книга Бытия должна была бы пропустить слова о том, что Элохимы видят, что оно хорошо и красиво. Тогда бы это соответствовало утверждениям духовной науки.

6 – 4074

Значит, ясновидящий, писавший Книгу Бытия, для второго дня творения должен был бы пропустить фразу: «И Элохимы увидели»...

Возьмите Книгу Бытия. Там применительно к первому дню сказано: «И Элохимы увидели свет и увидели, что он хорош (красив)». А относительно второго дня говорится в обычных переводах так: «И сказал Бог: да произойдет поляризация* посреди воды, и да отделяет она воду от воды — и стало так. И назвал Бог поляризованное небом... И был вечер и было утро: день второй». А фраза, стоящая в конце первого дня творения, пропущена. Книга Бытия рассказывает все так, как мы должны были бы ожидать с точки зрения духовной науки.

Вот вам опять такое непреодолимое препятствие**, с которым толкователи XIX столетия не знали, как справиться. Были толкователи, которые говорили: «Ну, велика ли беда, что фраза эта во второй день пропущена? Это забывчивость, рассеянность писца». Но из Книги Бытия люди могли бы научиться не только ничего не прибавлять ненужного, но также и ничего не пропускать. Автор Книги Бытия ничего не забыл, он написал все, что подобает. И есть вполне основательная причина, по которой упомянутая фраза не помещена применительно ко второму дню творения. Это опять один из тех фактов, о которых я уже упоминал неоднократно, — фактов, заставляющих нас глубоко преклоняться и ценить такие памятники, как Книга Бытия. Многому могли бы мы научиться от этих древних писателей, которые безо всякой клятвы твердо следовали правилу: «Ничего не прибавлять и ничего не отнимать от истины, познанной ими». Они были глубоко проникнуты убеждением, что каждое слово, написанное ими, должно быть свято и что ничего не следует пропускать.

---

* Ansdehnung — растяжение, расширение — *прим. перев.*

** Crux = крест — *прим. перев.*

Стало быть, мы, исходя из внутренних оснований, поняли, так сказать, композицию первого и второго дней творения. Познавший путем духовного анализа скрытое за видимым и затем приступающий к изучению Библии скажет, быть может, себе: было бы удивительно и даже прямо поразительно, если бы все те тонкости, которые могут быть найдены с помощью добросовестного духовного исследования, снова были найдены у того древнего ясновидящего, который писал Книгу Бытия. И когда это поразительное подтверждается, вас охватывает удивительное чувство — чувство, которым должны были бы исполниться сердца людей, чтобы проникнуться святостью, которой веет от этого прадревнего памятника, называемого нами Книгой Бытия.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 24 августа 1910 г.

В течение этого курса лекций мы набросали картину того, как прежние подготовительные состояния, развитые на старом Сатурне, Солнце и Луне, отражались на нашем земном становлении, так сказать, втекали в него. Мы, конечно, всегда должны помнить, что самое существенное из того, что нас более всего должно интересовать в земном творении, есть развитие самого человека. Мы ведь знаем, что человек является, так сказать, первенцем всей нашей планетарной эволюции. Когда мы обращаем свой взор назад в далекие времена старого Сатурна, мы замечаем, что в ходе этой тепловой жизни намечается лишь первый зачаток физического тела человека. Всего окружающего нас ныне в качестве минерального, растительного и животного царств тогда еще не существовало. Все это присоединилось к человеческому царству лишь позже. Мы должны поэтому спросить себя: как же, собственно, Библия, если подробнее взглянуть на это, относится в своем повествовании к развитию человека в земном творении?

В продолжение этого курса выяснится, что все известное нам об этом из наших самостоятельных оккультных исследований полностью подтверждается Библией. При поверхностном взгляде на Книгу Бытия может показаться, что человек совсем неожиданно, как бы выстрелом из пистолета, появляется на так называемый шестой день творения. Но нам ведь известно, что человек является центром всего и все другие царства суть лишь как бы отходы при сотворении человека. А поэтому нас будет интересовать во-

прос: что же, собственно, происходит с человеком в те дни творения, которые предшествуют шестому? Где нам следует в это время искать человека? Если земное творение есть особого рода повторение состояний Сатурна, Солнца и Луны, то необходимо предполагать первым делом повторение этапов творения человека, а потому последний должен был существовать еще и прежде шестого дня творения. Как же объяснить то кажущееся противоречие, что Книга Бытия раньше о нем ничего не говорит?

Здесь прежде всего необходимо заметить, что Книга Бытия там, где она начинает повествовать о творении человека, говорит об Адаме, и в известном смысле выражение «Адам» на языке древнееврейских священников совпадает с нашим словом «человек». Но мы должны ближе познакомиться с этим словом «Адам». Оно вызывало в представлении древнееврейского мудреца нечто такое, что мы на нашем современном языке можем передать словом «земной». Поэтому человек как таковой есть по преимуществу земное существо, Kat'exochen — как бы венец всего земного существа, то, что является плодом земного становления. Но все, становящееся плодом, ведь еще и раньше всей своей сущностью присутствует в растении. В первых днях творения мы не найдем человека, если не уясним себе, что в действительности не физическое предшествует душевно-духовному, а наоборот, духовно-душевное — физическому. То, что для нас в настоящее время является физическим земным человеком, что мы теперь, собственно, прежде всего называем «человеком», то мы должны представить себе в таком виде, как будто мы имеем небольшое количество воды, посредством охлаждения превращаемой в лед. Как вода уплотняется в лед, так мы должны представлять себе, что душевно-духовный человек на шестой день творения благодаря работе Элохимов уплотнился в земного человека. Значит, продвижение к шестому дню творения пред-

ставляет собой уплотнение духовно-душевного человека в человека земного. Мы совершенно естественно в предшествующих днях творения не будем искать человека в той области, где сверхчувственно образуются физические отходы или, вернее, законы физических отходов, но мы будем искать человека до этого в духовно-душевном состоянии. Если мы поэтому применительно к Книге Бытия говорим, что в первый день проявилось, с одной стороны, внутренне импульсивное, а с другой — нечто, стремящееся к внешнему раскрытию, то мы в этом первом дне творения будем искать человека не в земном, а в окружении Земли, как некое духовно-душевное существо. Мы должны сказать: его земное бытие подготавливается как некое духовно-душевное существо.

Я вам сегодня сначала намечу связь, существующую между результатами духовных исследований и повествованиями Книги Бытия. Что же, собственно, подготавливается в первых зачатках человеческого существа, когда, по словам Библии, образуются через космический промысел два комплекса: внутренне импульсивное и раскрывающееся вовне? Какая же часть человеческой сущности подготавливается, когда Дух Элохимов прядет, высиживает посредством этих комплексов? А именно та, каковую мы, согласно нашим современным рассмотрениям в области духовной науки, называем душой ощущающей; то, на что мы теперь смотрим как на нечто внутреннее, подготавливается в так называемый первый день творения, согласно Книге Бытия, вплоть до того момента, как раздаются слова: «Да будет свет. И стал свет». Внутри всего этого — так сказать, в духовной атмосфере — скрыта человеческая душа ощущающая как нечто духовно-душевное. Итак, для большей ясности мы можем сказать: в окружении Земли мы ищем прежде всего душу ощущающую и находим ее в периоде, обыкновенно называемом первым днем творения. Значит, там, в окружении Земли, где

Элохимы со своими подчиненными существами совершают свою работу, где прядет исключительно духовно-душевное существо, — там, подобно тому, как ныне по воздушному слою плавают облака, в тогдашней духовно-душевной атмосфере мы могли бы отыскать духовно-душевную сущность человека, причем сначала только его душу ощущающую. Затем развитие человека идет дальше, и вслед за ним мы будем искать то, что мы называем душой рассудочной. Душа ощущающая развивается в душу рассудочную. В окружении Земли в так называемый второй день творения происходит как бы душевное утончение — души ощущающей в душу рассудочную. Значит, в тот момент, когда звуковой эфир прорывается в земное становление, отделяя верхние массы вещества от низших, в верхних сферах живет человек, у которого существует лишь в зачатке душа ощущающая и душа рассудочная. Третьим моментом в ходе развития человека будет продвижение к зачатку души сознательной. Так что весь процесс, изображаемый нам Книгой Бытия, надо помыслить так: в этот третий день творения внизу на Земле под влиянием жизненного эфира развивается все зеленеющее, все растительное: как было объяснено — виды, семейства растений. Земля производит из себя — но зримо лишь для сверхчувственного наблюдения — основу растительной жизни, а наверху, в эфире прядется то, что мы обозначаем как триаду сознательной, рассудочной и ощущающей душ.

Так прядет душевно-духовный человек в атмосфере созидающейся Земли. Он находится как бы внутри субстанции различных духовных существ. У него, собственно говоря, пока еще нет самостоятельного бытия. Он развивается словно орган внутри Элохимов, Архаев и т. д., существует словно часть внутри их тел. Поэтому вполне естественно, что нам повествуется именно об этих существах; только они в это время земного творения являются индивидуальностями, и

с их судьбою тесно связана судьба человеческого зародыша. Но для того, чтобы человек действительно стал обитателем Земли, ему необходимо было — как вы легко поймете это — уплотниться, постепенно стать плотью. Это душевно-духовное его должно было как бы одеться в плоть. Таким образом, в конце так называемого третьего дня творения, согласно Библии, мы имеем дело с зародышем того, что мы ныне называем сознательной, рассудочной и ощущающей душами духовно-душевного человека. Все это должно было одеться во плоть, как бы запастись внешним, материальным одеянием. И внутри этих духовно-душевных сфер человек должен был сначала получить одеяние астрального тела.

Попытаемся представить себе, что, собственно, означает, когда мы говорим: «Человек должен теперь, после третьего дня творения облечься в астральное тело». Где же в настоящее время нам нужно искать астральное тело у человека как бы в отдельности от других тел, чтобы мы могли изучить его законы? Такое отдельное астральное тело мы обнаруживаем — оно хотя и в совершенно иной форме, было во времена, о которых повествует Библия, — тогда, когда человек спит. Тогда он покидает свои физическое и эфирное тела и находится сам в астральном теле, где скрыто его "Я"».

Вспомните, что я рассказывал о своеобразной жизни этого астрального тела во время сна, а также и то, что об этом говорится в моем «Тайноведении». В таком случае вы скажете себе: когда это астральное тело покинуло физическое и эфирное тела, тогда начинают образовываться связи, как бы токи между ним и космическим окружением. И когда вы утром просыпаетесь, то перед этим вы во время сна как бы всосали в себя укрепляющие силы из всего Космоса. Ваше астральное тело своими токами было соединено со всем окружающим Космосом. Оно было соединено со всеми планетарными существами, принадлежащими

нашей Земле. Оно посылало свои токи на Меркурий, на Марс, на Юпитер и т. д., и в этих планетарных существах находились силы, дающие астральному телу то необходимое, без чего мы не могли бы продолжать своего существования в бодрствующем состоянии после нашего возвращения в эфирное и физическое тела. Ночью наше астральное тело как бы изливается в мировые просторы, оно как бы вырастает до космического бытия. Ясновидящее сознание видит, как при засыпании астральное тело в известном смысле высвобождается из физического тела. Но это, конечно, неточное выражение. Спиралью выделяется астральное тело из физического, оно парит, как спиральное облако. Но это видимое тогда есть лишь начало потоков, выделяющихся из астрального тела. Они в действительности направляются в мировое пространство и насыщаются там силами планет. И если бы вам кто-нибудь сказал, что астральное тело есть то, что примитивное ясновидение видит в образе облака, парящего близ физического тела, то сказанное не будет правдой, поскольку это астральное тело ночью изливается во всю нашу Солнечную систему. Оно находится во время сна, так сказать, в связи с планетарными существами. Поэтому мы и называем его «астральным» телом. Все другие объяснения выражения «астральное» тело, выражения, возникшего в средние века, неверны. Мы говорим об «астральном» теле на том основании, что оно во время сна человека находится в известной внутренней связи со звездами, с астральным миром; оно покоится в этом мире и берет свои силы оттуда.

Если вы примете во внимание этот установленный ныне с помощью ясновидческого исследования факт, то вы должны будете сказать себе: в таком случае и первые токи, образовавшие это астральное тело человека, должны были исходить из астрального мира, из мира звезд. Следовательно, этот звездный мир должен был существовать в земном становлении. И в свя-

зи с данным обстоятельством мы говорим: поскольку в так называемый четвертый день творения существовавшее прежде в качестве душевно-духовного облеклось законами и силами астрального тела, постольку в этот четвертый день в окружении Земли должны были обнаружить свою деятельность звезды...

Так нам об этом и повествует Книга Бытия. Если нам относительно так называемого четвертого дня творения описывается то, что мы можем резюмировать словами «созидается астральное тело человека со своими законами», то Книга Бытия проводит совершенно верную параллель между облечением человека астральным телом, когда он все еще парит в духовной, или в астральной, атмосфере Земли, и деятельностью звездного мира, окружающего нашу Землю. Значит, и в этом сообщении Книги Бытия кроется глубокий смысл в полном соответствии с тем, что современное ясновидческое исследование знает о современном человеке. Мы, правда, увидим, что во времена, о которых говорит Книга Бытия, это астральное тело еще не было таким, каково теперь ночью наше астральное тело. Но законы его были теми же. То, что проявило в нем деятельность, было тем же, что теперь.

Мы теперь вправе ожидать, что в следующий момент, который Книга Бытия называет пятым днем творения, наступит дальнейшее уплотнение человека. Он все еще остается сверхчувственным, эфирным существом, но наступает дальнейшее уплотнение внутри эфирного. Человек все еще не касается Земли; он все еще, так сказать, более принадлежит к духовно-эфирной окружности Земли. И теперь мы касаемся момента, понять который чрезвычайно важно для верной оценки всего сотворения человека в связи с развитием Земли. Если мы обратим свой взор на ближайшее к человеку царство — на царство животное, то мы можем предложить себе вопрос, уже неоднократно нами затрагиваемый: почему же, собственно,

животные стали животными и почему человек стал человеком? С тем, что человек развился из животных, согласно современному грубо материалистическому фантазийному представлению, не согласится даже поверхностное отвлеченное рассуждение, если только оно достаточно отдает себе в этом отчет. Но если мы на этот процесс взглянем с точки зрения временнóго развития, если мы, так сказать, обратим свой взор на становление Земли, то мы все-таки должны будем сказать: прежде, чем человек стал видим как земное существо, появились на Земле животные. Чтобы человек мог стать таким, каков он есть на Земле, было необходимо, чтобы земные условия благоприятствовали его уплотнению. Предположим, что человек в тот момент, который называется пятым днем творения, стал бы таким земным существом, каким он является в настоящее время, то есть таким плотным, что его можно называть земным, — что случилось бы тогда? Если бы человек еще в те времена, так сказать, спустился в плотное земное бытие, он не смог бы стать той формой и тем существом, каким он стал в действительности, потому что тогдашние земные условия еще не могли придать человеку надлежащую форму. Человек должен был выжидать в духовной сфере, предоставив земное развитие своему течению, потому что Земля не могла еще предоставить подходящих условий для его земного существования. Он должен был еще сам созреть внутри духовно-душевного, внутри более эфирной сферы. Если бы он не выжидал, а раньше спустился на Землю, то он облекся бы в животную форму. Потому животные и стали животными, что их душевно-духовное существо, родовое душевное этой животной формы спустилось на Землю, когда последняя еще не созрела настолько, чтобы предоставить земной форме человека необходимые для нее условия. Человек должен был еще ждать в духовной сфере. Все животное царство сравнительно с тем, что должно было стать чело-

веком, спустилось словно бы слишком рано. Земля во время, так сказать, пятого дня творения состояла из воздуха и воды. Человек не должен был еще спускаться туда, чтобы создавать себе в ней свою телесность. Животные существа, родовые души животных, спустившиеся тогда на Землю, стали обитателями воздуха и воды. Так что в то время, как известные родовые души облекались в тела, соответствующие условиям воздушным и водным, человек должен был выжидать в духовной сфере, чтобы впоследствии принять человеческую форму.

Книга Бытия повествует нам обо всем этом процессе с великой мудростью. Что, собственно, случилось бы, если бы человек уже, например, в пятый день творения спустился в плотную материю? Тогда бы его физическое тело не могло быть одарено теми силами, которые оно получило благодаря Элохимам, как бы поднявшимся к своему единству. Мы уже говорили об этом единении Элохимов и видели, что Книга Бытия рисует нам это событие удивительным образом — посредством того, что она до этого говорит об Элохимах, а затем о Яхве-Элохиме. Мы охарактеризовали сущность Элохимов тем, что они пряли в тепловой стихии. Тепло было их стихией, было как бы их телесностью, через которую они непосредственно проявляли себя. Когда Элохимы к концу того периода, о котором повествует Книга Бытия, настолько развились, что можно было говорить о сознании единства, о Яхве-Элохиме, тогда с сущностью Элохимов произошла перемена.

Перемена эта совершилась в том же направлении, в каком совершались перемены и с другими существами иерархий. Вспомните, что мы говорили о телесности, например, Престолов. Мы говорили, что телесность эта была ими принесена в жертву в начале нашего планетарного развития в виде тепловой стихии древнего Сатурна. Далее мы знаем, что телес-

ность Престолов в старом солнечном состоянии нам следует искать в воздухообразной стихии, на старой Луне — в воде, а в наши земные времена — в земляном, в твердой стихии. В этом и заключался подъем Престолов, что они возвышались тем, что все более и более уплотняли свое существо от теплового состояния до земляного.

Поставим теперь следующий вопрос: если Элохимы проделывают подобный же подъем, если им как бы в награду за их труды дозволяется подняться на высшую ступень, то что должно было с ними случиться? Тогда они должны были, в совершенном соответствии с общей закономерностью, продвинуться к следующему уплотнению. В соответствии с той закономерностью, согласно которой в давно минувшие времена Престолы при переходе со старого Сатурна на старое Солнце от тепловой стихии уплотнились в воздухообразную, мы вправе ожидать, что и Элохимы в момент достижения сознания своего единства по отношению к своему внешнему проявлению и внешней работе развивают свою телесность переходом из тепловой стихии в воздухообразную. Это произошло, однако, не на пятый день творения, а позже — лишь в конце того периода развития, о котором нам повествует Книга Бытия. Следовательно, поэтому если бы человек уже на пятый день творения спустился в более тонкую стихию воздуха, он разделил бы участь тех существ, которые искали свою телесность именно в этой воздушной стихии. Эти последние стали животными, живущими в воздухе, потому что им не могла быть дана сила, необходимая для осуществления истинного смысла земного творения: сила Яхве-Элохима после подъема Элохимов к Яхве-Элохиму. Человек поэтому должен был выжидать. Ему не следовало принимать в себя воздух. В то время как эти родовые существа спускались, он должен был выжидать до тех пор, пока из Элохимов создался Яхве-Элохим. Только тогда ему могла быть

дана эта сила, сила Яхве-Элохима. Он должен был воплотиться в ткани Яхве-Элохима — в воздухе; но он мог воспринять в себя эту стихию воздуха лишь тогда, когда она была дана ему Яхве-Элохимом. Удивительно мудро повествует нам об этом Книга Бытия, говоря: человек жил и созревал в более духовно-эфирном бытии и свою более плотную телесность получил лишь в тот момента, когда Элохимы возвысились до Яхве-Элохима, когда Яхве-Элохим мог создать земное существо человека посредством того, что он вдохнул в него воздух. С этим воздухом втекало в человека излияние самих Элохимов, ставших Яхве-Элохимом.

Вот опять мы встречаемся с повествованием Книги Бытия, которое так удивительно совпадает с тем, что известно современной духовной науке. Здесь в Книге Бытия вам дается такое эволюционное учение, в сравнении с которым все кичливые и гордые современные эволюционные учения есть ни что иное как дилетантизм, фантазия. Потому что Книга Бытия вводит нас в самую суть творения и показывает нам, что должно было происходить в сверхчувственной области, прежде чем человек смог прийти к своему чувственному бытию.

Таким образом мы можем сказать: человек должен был еще оставаться в эфирном состоянии, когда другие существа уже уплотнились в воздушной и в водной стихиях. И мы далее можем сказать: уплотнение человека до эфирного тела совершается в период, называемый Книгою Бытия пятым днем творения. Стало быть, в это время мы еще не находим человека среди физических земных существ. Лишь в то время, которое мы называем шестым днем творения, мы должны искать человека среди настоящих земных существ. Тогда он, так сказать, вошел в земное бытие, и мы можем сказать: то, что мы сегодня называем физическим телом человека, создавалось во время, названное в Книге Бытия шестым днем творения.

Теперь мы должны уяснить еще одно обстоятельство. Вы бы очень ошиблись, если предположили, что могли бы увидеть телесными глазами того человека, который был создан в шестой день творения, и что могли бы ощупать его своими руками. Если бы тогда вообще было мыслимо присутствие там человека в нашем современном понимании слова, то он все-таки этого только что созданного земного человека не увидел бы. Мы в настоящее время чересчур склонны мыслить материалистически. Поэтому мы и думаем, что сразу же, начиная с шестого дня творения, уже существовал такой человек, каким мы его знаем сегодня. Без сомнения, человек уже существовал тогда физически; но физическим называется ведь также, например, прядение тепловой стихии. Если вы попадете в пространство, где существуют различные тепловые течения, которые, однако, еще не настолько плотны, как воздух или газ, то вы уже и это должны назвать физическим бытием. Уже на старом Сатурне было физическое бытие, но лишь в тепловом веществе. Итак, в так называемый шестой день творения нельзя искать человека в твердой плоти. Мы должны, правда, признать его уже земным существом, должны искать его в физическом мире, но лишь в самых тончайших проявлениях физического — мы должны искать теплового человека. Когда настало событие, так прекрасно выраженное словами «Элохимы сказал: создадим человека!» — тогда существо, одаренное способностью различать тепловые состояния, нашло бы известные различия в состояниях тепловой субстанции. Если бы такое существо двигалось по тогдашней Земле, заселенной «родовым» царством растительного и животного в воздушной и водной стихиях, тогда бы оно могло сказать: странные вещи замечаются там: в некоторых местах воспринимаются не воздушно-газовые, а чисто тепловые впечатления. Можно найти там, в окружении Земли, известные тепловые различия, там как будто дви-

жутся туда и сюда тепловые существа. Человек тогда был даже не воздушным существом, а лишь тепловым. Отбросьте мысленно все твердое в вашем организме, а также все жидкое и все газообразное, и представьте себе, что вы состоите из одного тепла, пульсирующего в вашей крови; отбросьте все прочее, кроме этого тепла, тогда вы получите понятие о том, что создалось в тот момент, когда Элохимы произнесли творческое слово: «Создадим человека!» А следующая ступень уплотнения появляется лишь после шестого дня творения. Излияние того, что мог дать Яхве-Элохим, — воздух, появляется только после шестого дня.

Человек не поймет своего собственного происхождения до тех пор, пока не решится представить себе свое происхождение таким образом, что изначально в земном творении существовало лишь духовно-душевное, затем астральное, а затем эфирное; что далее из физических состояний для начала имелось лишь тепловое состояние, а затем впервые воздушное. И даже в тот момент, когда нам — уже по истечении шестидневного творения — говорится: «И Яхве-Элохим вдунул в лицо человека жизнетворный Одем», — даже и тогда не было еще плотского человека. Пока люди не решатся представить себе даже относительно и этого момента лишь теплового и воздушного физического человека, а напротив, будут думать, что тогда существовал уже человек из плоти и крови, до тех пор они не поймут процесса своего сотворения. Из тонкого образуется плотное, а не наоборот. Современному сознанию действительно чуждо такое представление, но, тем не менее, это правдивое представление.

Если мы примем все это во внимание, то поймем, почему во многих повествованиях о сотворении мира становление человека рисуется как нисхождение его из окружения Земли. И если нам сама Библия — вслед за рассказом о шестидневном сотворении мира — говорит о так называемом рае, то мы и в этом должны ис-

кать нечто более глубокое. И мы найдем истину, лишь когда и на это взглянем с точки зрения тайноведения. Для знатока этих событий кажется очень странным, когда толкователи Библии спорят о том, где, в каком месте Земли, собственно, находился этот рай, из которого были изгнаны люди. Слишком уж ясно из многих повествований о сотворении мира, да и из самой Библии, что рай вообще не существовал на земной поверхности как таковой, что его скорее следует искать над земной поверхностью, так сказать, за облаками, и что человек, живший в этом раю, был еще тепло-газовым существом. Что человек тогда уже двуногим ходил по Земле — это, конечно, материалистическая фантастика. Итак, нам следует представлять себе, что человек и по истечении всех дней сотворения мира, как они обыкновенно называются, есть существо, принадлежащее не к земной поверхности, а к ее окружению.

Каким же путем человек спустился из окружения Земли на ее поверхность, как происходило его дальнейшее уплотнение из того состояния, в которое он был поставлен Яхве-Элохимом? Отвечая на этот вопрос, мы встретимся с тем, что довольно подробно описано в моем «Тайноведении», — тут мы наталкиваемся на то, что мы называем люциферическим влиянием. Чтобы точнее охарактеризовать это люциферическое влияние, мы должны представить себе, что известные существа — именно те, которых называют люциферическими, — как бы излились в астральное тело человека. Так что человек, каким он был создан в ходе становления описанными нами силами, в этот момент принял в себя люциферическое влияние. Мы поймем, что означает это влияние, если скажем: жизнь вожделений и страстей у человека стала — если можно так выразиться — более бурной; все, что связано с его астральным телом, благодаря этому влиянию стало более пассионарным, падким на вожделение, он стал более замкнутым в себе — словом, возникло то, что

мы теперь называем эгоизмом. Это стремление быть замкнутым на себе, эта непрестанная забота о своем внутреннем благополучии вошла в человека вместе с люциферическим влиянием. Все и доброе и дурное, что может быть сопряжено с норовом человека, вторглось вместе с этим люциферическим влиянием. Сначала это влияние было чем-то чуждым ему. Астральное тело его изменилось. То астральное тело, которое было дано ему раньше течениями, втекавшими и изливавшимися в него во времена, когда он созидался, — форма этого астрального тела приняла теперь под влиянием люциферических существ иной облик. Вследствие этого тепло-воздушное тело человека съежилось и стало более плотным. Только в этот момент образовалось то, что можно называть плотским человеком, только тут произошло дальнейшее уплотнение человека. И мы можем сказать: долюциферическое существование человека покоится в стихиях тепла и воздуха, а в жидкое и твердое человеческого существа вкралось люциферическое влияние; оно проникло сюда, здесь оно живет. Во всем твердом, во всем жидком живет люциферическое влияние. И не будет фигуральным выражением, а довольно верно соответствует действительности, если я скажу: благодаря сжатию, произошедшему от люциферического влияния, человеческое тело стало тяжелее и опустилось из окружения Земли на ее поверхность. Это и было изгнание из рая, нарисованное нам образно. У человека появилась тяжесть, он подпал под влияние силы гравитации и из окружающей атмосферы пал на Землю. Таково нисхождение человека на физическую земную поверхность; вот что, собственно, свело человека на Землю; до этого он жил в окружающей ее атмосфере. Мы поэтому должны причислить это люциферическое влияние к истинно созидающим человека силам.

На этом основании мы и видим удивительный параллелизм между описаниями, так сказать, чисто

духовнонаучного исследования и повествованиями Библии. Из моего «Тайноведения» вы можете убедиться, что здесь тщательно избегается рассмотрение всего, что могло бы напоминать повествования Книги Бытия. Я основывался на одних лишь исследованиях духовным методом. И тогда в известный момент, но совершенно с иной стороны также обнаруживается люциферическое влияние. Но раз оно найдено этим методом, то оно вполне совпадает с моментом, описывающимся Библией как искушение человека змеею, Люцифером. И мы это соответствие находим задним числом. Если правда, что гравитация, электричество и магнетизм суть силы, более грубо участвующие ныне в образовании Земли, то не менее верно, что люциферическое влияние есть также сила, без которой не могло бы осуществиться земное становление. И мы к силам, созидающим Землю, должны также причислить это люциферическое влияние. Особенно восточные легенды о сотворении мира по этой причине помещают рай — не так тонко, как это делает Библия, — в окружение Земли, а не на земную поверхность; и на изгнание из рая смотрят как на нисхождение человека из земной атмосферы на поверхность самой Земли. Значит, и в этой области существует полное соответствие между тайноведением и Библией, если только уметь проникнуть в смысл ее слов.

Теперь мы коснемся другого момента. Мы уже говорили, что с помощью тайноведения не так просто работать, как с помощью той науки, которая частенько руководствуется правилом «ночью все кошки серы» и самые разнообразные явления равняет под одну и ту же гребенку. Духовный исследователь должен видеть в образовании облаков нечто совершенно иное, нежели в образовании воды на земной поверхности. Мы говорили о Херувимах — о властях, руководящих образованием облаков, — и мы назвали Серафимов властями, управляющими теми силами, которые проявля-

ются в молниях. Если вы себе теперь представите, что изгнание из рая указывает на нисхождение человека из земной атмосферы, тогда вы поймете, что это почти что дословное описание того, как человек под действием собственной тяжести падает на Землю и поэтому должен покинуть те силы и тех существ, которые создают облака и молнии: Херувимов с пламенным мечом. Человек как бы падает вниз на Землю из той области, где властвуют Херувимы с молниеподобными мечами. Вот вам сообщение тайноведения об этом событии — сообщение, слово в слово совпадающее с тем, что нам повествует Библия об изгнании из рая, когда говорится: «Божество поставило перед входом в рай Херувима и пламенный меч обращающийся...» Если вы примете все это во внимание, тогда вы, так сказать, воочию убедитесь, что древние ясновидящие, подарившие нам Книгу Бытия, с полной силою прозревали в те таинственные процессы, в те эфирные высоты, где жил и действовал человек до своего падения из областей, где царят Серафимы и Херувимы. Вот до такой степени реалистичны повествования Библии. Она не дает нам пустых аллегорий или грубо чувственных картин, но повествует о том, что открывается ясновидящему сознанию.

Современные люди плохо знакомы с представлениями минувших времен. В наше время кто только не критикует Библию, думая, что она так наивно повествует о том, что некогда был рай — большой, красивый, усаженный деревьями сад; львы и тигры разгуливали в нем, а посреди них — человек. При таком понимании легко, конечно, критиковать Библию, а какой-то насмешливый критик даже дошел до того, что заметил: если бы все это действительно было так, то что случилось бы с человеком, который в своей простоте вздумал бы протянуть руку такому льву. Легко критиковать, если создать себе фантастическую картину чего-то такого, о чем Книга Бытия и не думала говорить.

Такое понимание Библии стало образовываться лишь в последние века. О представлениях прежних веков мало знают. Схоластики XII столетия очень удивились бы, если бы могли услышать, какие воззрения на Библию им приписывают теперь. Ни одному из схоластиков и в голову не приходило понимать Библию так, как принято теперь. И люди могли бы знать это, если бы они действительно желали учиться. Стоит только познакомиться основательнее с трудами схоластиков, и станет ясно, что они совершенно иначе понимали Библию. Правда, у них уже не было ясного сознания того, что повествования Библии передают результаты ясновидческого наблюдения, но все-таки у них было еще нечто совершенно иное, отличное от грубого чувственного толкования Библии, развившегося только начиная с XVI и XVII веков. Такое толкование в первых столетиях средневековья никому и в голову не приходило. В наше время легко критиковать Библию. Стоит только не знать того, что представления, которые критикуешь, возникли всего лишь несколько веков тому назад. И те, кто в настоящее время больше всего нападают на Библию, не знают того, что они воюют с продуктами человеческой фантазии, а не с Библией. Их борьба направлена против чего-то такого, чего вовсе нет в Библии, а что лишь создано впоследствии фантазией. Задача же духовной науки заключается в распространении результатов духовного знания, чтобы тем самым снова разъяснить истинный смысл Библии. Таким путем нашей душе будет дана возможность проникнуться великими впечатлениями, которые она при достаточном разумении должна получить от чеканных слов, возвещаемых нам из далекого прошлого в этих знаменательных памятниках.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 25 августа 1910 г.

Уже много раз за время этих лекций мы показывали, как в правильно понятом повествовании о сотворении мира вновь появляются данные ясновидческого исследования. Теперь нашей задачей будет еще во многих местах указать на это соответствие. Прежде всего нам нужно будет еще точнее определить, о каком, собственно, времени говорит история сотворения мира, когда мы примем во внимание то, что повествует нам о становлении нашей Земли духовноведческое исследование. В известном отношении я ведь уже указывал на это, отнеся, так сказать, начало «бытия» к тому моменту, когда Солнце и Земля готовились отделиться друг от друга; но нам предстоит все же еще более точно вникнуть в это соотношение.

Те из вас, кто слышали различные лекции прошлых лет, а также и те, кто немного знакомы с описанием земного развития в моем «Тайноведении», припомнят, какое значение приписывается там двум важным моментам в этом земном развитии. Первый — это отделение Солнца от Земли. Этот момент особенно важен. Отделение Солнца от Земли должно было однажды совершиться; потому что если бы оба мировые тела оставались связанными друг с другом, как в начале земного становления, то движение вперед человеческого развития не могло бы дать человеку его собственного земного значения. Все называемое нами Солнцем — конечно, не только элементарная или физическая составляющие солнечного тела, но также все духовные существа, принадлежащие к солнечному телу, — все это должно было, так сказать, выделиться из

Земли, или — если это найдут более верным — оно должно было отторгнуть от себя Землю; ибо, говоря тривиально, воздействие существ, перенесших свою арену действий с Земли на Солнце, было бы слишком сильным для нормального развития человека, если бы они оставались связанными с Землей. Эти существа должны были, так сказать, ослабить свои силы через свое удаление с земной арены и действовать извне. Таким образом, мы имеем момент, когда некоторое количество существ для ослабления своих воздействий переносит свою арену действий вовне и теперь менее сильно действует в становлении человека, а также и в становлении животных. Следовательно, начиная с известного момента, мы можем видеть Землю предоставленной самой себе — Землю с известным огрублением ее сил, потому что более тонкие, более духовные силы отделились вместе с Солнцем. Человек же в отношении того существа, каким он стал через развитие Сатурна, Солнца и Луны, оставался еще некоторое время соединенным с Землей после отделения Солнца. Ведь только высокоразвитые существа перенесли свою арену действий вовне вместе с Солнцем.

Но отделившись, Земля еще имела в себе все принадлежащее к субстанциальности, к силам современного лунного развития. Так после отделения Солнца мы можем наблюдать земное развитие, также имеющее, так сказать, в своем теле еще и лунное развитие. Таким образом, человек подпал условиям гораздо более грубым, чем впоследствии стали собственно земные соотношения, потому что Луна имеет, так сказать, грубую субстанциальность. Это имело то последствие, что после отделения Солнца от Земли, Земля в своих силах становилась все более луноподобной, все более плотной. Дальнейшим последствием было то, что человек был подвержен теперь опасности внутреннего засыхания, мумификации, однако астральной мумификации. Если условия были некоторым образом слишком

тонкими, когда Солнце было еще соединено с Землей, то теперь они стали слишком грубыми. Это вызвало то, что при дальнейшем ходе земного развития человеческие существа все меньше и меньше могли прогрессировать, сохраняя свою связь с Землей, — все это подробно представлено вам в моем «Тайноведении».

Мы знаем из вчерашней лекции, что хотя люди тогда были духовно-душевными существами, но они именно в этом духовно-душевном состоянии не могли связать себя с тем, что из материи Земли изливалось в земное окружение, ибо оно становилось для них слишком грубым, пока Земля была связана с Луной. И таким образом вышло, что большая часть человеческих душ должна была порвать свою связь с Землей. Этим мы указываем на значительное событие, разыгравшееся в отношениях между человеком и Землей в тот период времени, который лежит между отделениями Солнца и Луны. За исключением совсем незначительного числа духовно-душевные человеческие существа распростились в этот промежуток времени с земными отношениями и отошли вверх в более высокие области. И в зависимости от степени своего развития эти духовно-душевные человеческие существа продолжали теперь свое дальнейшее развитие на планетах, принадлежащих к Солнечной системе. Одни были предрасположены продолжать свое развитие на Сатурне, другие — на Марсе, третьи — на Меркурии и т. д. Только совсем незначительное число сильнейших человеческих духовно-душевных существ осталось вместе с Землей. Остальные сделались в этот промежуток времени обитателями планетарных соседей нашей Земли. Это было время, предшествовавшее нашей лемурийской эпохе. Тогда то, что мы можем назвать нашим человеческим душевным состоянием, проходило развитие на соседних планетах.

Потом произошло другое существенное событие, о котором мы знаем, что оно совершилось во время лему-

рийской эпохи, и через которое лунная субстанциальность со всеми лунными силами была выведена из Земли: из Земли выделилась Луна. Но вместе с этим с Землей произошли мощные изменения. Только теперь Земля была приведена в такое состояние, что человек мог на ней развиваться. Между тем как силы были бы, так сказать, слишком духовными, если бы Земля осталась соединенной с Солнцем, то в случае, если бы Земля осталась соединенной с Луной, они должны были стать слишком грубыми. Так Луна удалилась, и Земля осталась в состоянии некоторого рода равновесия, обусловленного тем, что солнечные и лунные существа действовали извне. И через это Земля подготовила себя к тому, чтобы стать носительницей человеческого бытия. Все это произошло во время лемурийской эпохи.

Но развитие идет дальше, и мало-помалу происходит возвращение духовно-душевных человеческих существ, ушедших к планетарным соседям нашей Земли. Долго еще даже в атлантическую эпоху продолжалось это нисхождение человеческих душ с соседних планет. В конце лемурийской и в начале атлантической эпохи развитие происходило таким образом, что в то, что выкристаллизовывалось как человек, поселялись разнородные духовно-душевные существа, по мере того, как духи этих душ сходили с Марса, с Меркурия, с Юпитера и т. д. Благодаря этому большое разнообразие вошло в земное становление человека. Ознакомившиеся с моими последними лекциями в Христиании знают, что в этом разделении на людей Марса, Сатурна и т. д. было дано нечто первоначальное, приведшее впоследствии к расовой дифференциации людей. Здесь мы должны искать начало дифференциации внутри человеческого рода, и еще теперь, имея наметанный глаз, мы можем узнать по человеку, пришла ли его душа с того или иного планетарного соседа нашей Земли.

Но мы также часто утверждали — и это подробно изложено в моем «Тайноведении», — что отнюдь не все духовно-душевные человеческие существа оставили Землю. Если говорить тривиально, то мы можем сказать: самые сильные души могли и дальше пользоваться земным веществом и оставаться в связи с ним. Да, я даже указывал, как поразительным образом существовала одна основная пара, пережившая это огрубление земных состояний. Данные духовного исследования заставляют нас признать — хотя сначала этому почти нельзя поверить, — что была такая основная человеческая пара, которую Библия называет Адамом и Евой, и что к ее потомкам присоединились человеческие породы, возникшие благодаря тому, что духи их душ сошли из Вселенной на Землю.

Приняв во внимание все это, мы приблизимся к объяснению, могущему нам сказать о каком — пользуясь нашим духовноведческим языком — времени говорит нам Библия. Я напомню вам также о том, что в Библии после описания шести (или семи) первых дней следует другое описание, принимаемое дилетантизмом современного исследования Библии за вторую историю сотворения мира, но в действительности несомненно согласное с настоящим положением вещей. Я хотел бы напомнить вам о некоторых результатах духовного исследования; я часто упоминал уже об этом и подробнее разъяснил также в моем «Тайноведении». Я показал, как становление Земли продвигается вперед от лемурийской эпохи к атлантической, как во время этого продвижения вперед происходит своего рода охлаждение физической Земли. Во время лемурийской эпохи мы должны, в сущности говоря, мыслить Землю, как огненосное существо, являющее в себе повсюду вспыхивающий элемент огня, — и только с переходом к атлантической эпохе наступило охлаждение. Я указывал, что во время атлантической эпохи то, что находилось над поверхностью Земли, было

еще совсем другим, нежели впоследствии; что значительную часть атлантической эпохи вокруг Земли не было свободной от воды атмосферы. Того, что мы сейчас знаем как непронизанный ветром дождь, тогда еще не существовало. Земля была окутана воздухом, насыщенным водно-туманными массами, пронизанными различнейшими парами и дымами и другими веществами, не принявшими тогда еще текучего или твердого образа. Многое, что теперь затвердело, находилось тогда еще в форме пара, пронизывавшего атмосферу. И долго еще в атлантическую эпоху все было пронизано такими массами водного тумана.

Но это были также такие времена, когда впервые в физическом виде образовывалось то, что прежде существовало в гораздо более духовном состоянии. Я ведь уже указывал на то, что под условиями, обнаруживаемыми нами в описании так называемого третьего дня сотворения мира, мы не должны подразумевать индивидуальных растительных форм, произраставших из почвы Земли, подобных тем, каковые мы видим теперь, но что мы должны действительно обратить внимание на выражение «по роду их»; что мы имеем там дело больше с родовыми душами, присутствовавшими в эфирно-астральном состоянии внутри земного тела. Все изображаемое как становление растений в третий день сотворения мира не могло бы быть видимо внешними чувствами; оно было бы доступно только для ясновидящих органов восприятия. В то время как при переходе от лемурийской эпохи к атлантической, развивалось упомянутое туманное состояние в окружении Земли и туманы теперь все более и более редели, то, что было прежде эфирным, также превращалось в состояние, приближавшееся к тому, которое мы знаем теперь. Эфирное все больше и больше становилось физическим, и, как бы странно это не прозвучало (потому что геология также в той или иной степени проникнута теперь материалистическими воззрениями),

видимые внешним взглядом растительные существа развились гораздо позже, нежели во времена так называемого третьего дня сотворения мира. Они развились с приближением атлантической эпохи. В нашем исследовании мы не должны относить к очень ранним временам геологические соотношения, необходимые для современных растений.

Итак, мы можем охарактеризовать переход от лемурийской эпохи к атлантической следующим образом: Земля была совершенно покрыта густыми массами тумана, в которых еще были растворены парообразные массы различных субстанций, из которых впоследствии образовалась земная кора. И еще не достигли физического уплотнения родовые существа, открытые ясновидящему сознанию. Еще не наступило то, что можно назвать удобрением земной почвы тем, что в виде воды парило в воздухе. Это наступило позднее. Следовательно, каким же образом могла бы это представить Библия? Теперь она должна была в одном вполне определенном месте сказать: также по прошествии семи библейских дней, по прошествии того, что поначалу совпадает с лемурийским периодом, еще не произросли из земли наши современные физические растения, Земля была еще покрыта массами тумана.

Библия отражает это положение вещей. Если вы будете читать дальше — следующее за семью днями сотворения мира, — вы найдете там указание, хотя прежде уже шла речь о возникновении растений в смысле видов, семейств, что на Земле еще не было трав и кустарников. В первый раз говорилось о душевно-родовом, во второй — о том, что, будучи физической индивидуальностью, пробивалось из земли в виде роста растений. И, согласно настоящему положению вещей, в виде пара был изображен туман Атлантиды после семи дней сотворения мира. На то, что тогда впервые произошло уплотнение воздуха-воды в дождь, указано словами: «Ибо Яхве-Элохим еще не посылал дождя».

Таким образом, в этих словах заключена глубокая мудрость, но я могу уверить вас, что ничего из сообщавшегося в этом откровении не проникло в изложение моего «Тайноведения». Я намеренно держался вдали от Библии и хотел бы сказать: были времена, когда я честно старался найти эти вещи другим путем, нежели исходя из этого откровения. Итак, при современных материалистических представлениях о Библии нелегко внести в Библию какое-нибудь разъяснение с помощью фактов духоведения. Но именно результаты духовного исследования заставляют нас увидеть в Библии то, что мы могли сказать в эти дни, и даже если мы сопротивляемся, мы будем, в конце концов, принуждены увидеть в Библии то, что обнаруживается посредством ясновидческого исследования.

Исходя из этого, мы можем спросить: к какому месту повествования Библии должны мы теперь отнести это удаление духовно-душевного, уход духов человеческих душ* на соседние с Землей планетарные тела, то есть существ, произведенных огрубевшим состоянием Земли? Мы должны отнести это к тому месту, где нам рассказывается, что через возникновение звукового эфира — весьма подробно я изобразил вам это при описании так называемого второго дня сотворения мира — верхние субстанции были отделены от нижних. И, проследив взором ясновидящего все, о чем там говорится, мы скажем себе тогда: вместе с тем, что уходит вверх, что удаляется от Земли, о чем сказано, что Элохимы назвали его «Небом», — вместе с этим удалились также духи человеческих душ. Так что второй день сотворения мира совпадает с совершенно определенным промежутком времени между отделениями от Земли Солнца и Луны — совпадает с уходом духов человеческих душ в окружение Земли.

* Относительно термина «духи человеческих душ» — ср., например, программную медитацию времен Первой мировой войны, которой Рудольф Штайнер открывал каждую свою лекцию: «Духи ваших душ, действенные стражи...» — *прим. перев.*

Но теперь мы должны принять во внимание, что это имело своим последствием нечто весьма значительное. Чем же таким, собственно говоря, было то, что удалилось тогда в пространство Вселенной? Другими словами: где мы находим это теперь в человеке? В каких частях человека должны мы искать то, что тогда выступило в мировое пространство? В таком виде, каким оно было тогда, оно теперь, конечно, не существует; но мы все же можем поставить его в связь с некоторыми частями современной человеческой организации. Поэтому рассмотрим человека с этой точки зрения. Мы делим теперь человека на четыре известные нам части: физическое тело, эфирное, астральное и носитель "Я". Мы знаем, что из этих четырех частей во время ночного сна в постели остается физическое и эфирное тело. Говоря о тех старых временах, для которых имеет значение описанное во втором, а также и в третьем библейском дне, мы не можем еще говорить о физическом и эфирном телах в современном смысле этих слов. Они обособились только позднее из земной субстанции. То, что тогда было человеком, принадлежит теперь в существенной мере к тому, что во время сна выходит из нынешних более плотных частей человеческого естества и называется нами астральным существом человека. Принимая во внимание дух человеческой души, ушедший тогда с Земли для того, чтобы лучше развиваться на окружающих планетах, мы должны прежде всего обращаться к тем силам, которые действуют в нашем современном астральном теле. Значит, мы должны искать на соседних с Землей планетах после второго дня сотворения мира то самое, что относится к нашим силами, когда в своем астральном теле мы находимся вне физического и эфирного тел.

Но мы знаем, что если нынешний человек во время ночного сна находится со своими более тонкими частями вне физического и эфирного тела, то он как бы включен тогда в астральное окружение нашей Зем-

ли, в силы и течения тел нашей планетарной системы. В состоянии сна человек связан с планетарными существами. Так что мы можем сказать: в те старые времена человек был связан с внешними планетами не только в каком-то состоянии сна, но после своего бегства с Земли он был вообще постоянно связан с ними. Он пребывал на этих планетах. Таким образом, мы должны принять во внимание относительно времени, изображенного нам в третьем дне сотворения мира, что за исключением тех оставшихся духов человеческих душ, о которых я говорил, все духи человеческих душ были вовсе не на Земле, но в ее окружении — на планетах, водворились там и с ними развивались дальше. На Земле же развивались между тем те, что, будучи более сильными, более крепкими, остались с ней. И их развитие состояло в том, что они все больше и больше облекались веществом — материей Земли, — и здесь внизу на Земле подготавливалось то, что теперь есть у нас в дневном состоянии в качестве наших эфирного и физического тел. Именно для того, чтобы это эфирное и физическое тела могли вместе с Землей пройти через все обстоятельства земного развития, некоторые духи человеческих душ остались на Земле; благодаря этому продолжилось то, что должно было быть образовано для эфирного и физического тела также и в то время, когда лунные силы были связаны с Землей.

Когда мы правильным образом проведем перед своей душой состояние после отделения Солнца, мы должны будем сказать: большая часть человеческого душевного и духовного находится в окружении Земли на соседних планетах. Солнце уже отделилось от Земли; но если бы человек мог тогда очутиться на Земле, он увидел бы над ней густые массы дыма — пара — тумана. Он не увидел бы никакого Солнца. Солнце, удалившееся со своими силами, только мало-помалу действовало на Землю таким образом, что эти дымные массы тумана редели и постепенно приняли в окру-

жении Земли тот вид, который необходим для развития человечества. И только мало-помалу такой человек, так сказать, со стороны созерцавший развитие, увидел бы, как туман начал редеть, как массы дыма становились тоньше, как солнечные силы воздействовали не только через сумрачную оболочку дыма, как они действительно становились, так сказать, зримыми. Здесь мы идем навстречу четвертому дню и вместе с тем все больше и больше приближаемся к событию, которое мы должны обозначить как отделение Луны. Итак, живший тогда на Земле человек действительно увидел бы проникающие сквозь массы дыма и пара солнечные лучи. И между тем как наступали эти состояния, на Земле постепенно возникали условия, которые благоприятствовали становлению человека, — когда люди снова смогли жить на Земле, когда, так сказать, из физических потомков людей, остававшихся все время с Землею, могли быть созданы тела для духов тех душ, что возвращались теперь обратно из окружения Земли.

Так что перед вами как бы два вида размножения. То, что позднее стало эфирным и физическим телом человека, произошло от остававшихся все время на Земле. А духовно-душевное пришло из ее окружения. Сначала это приближение из круга планетарных соседей нашей Земли было духовным воздействием. В то мгновение, когда Солнце, так сказать, проникло сквозь массы дыма и пара в окружение Земли, когда Луна удалилась из Земли, тогда в духах душ на соседних планетах проснулось стремление снова спуститься в земную область. В то время когда, с одной стороны, на Земле стало видимо Солнце, а с другой стороны, Луна, тогда сюда проникли также и силы устремившихся на Землю душ. Здесь вы можете наблюдать реальность того, что в так называемый четвертый день описывается словами: «Элохимы создали бо́льшие светила и ме́ньшие светила, существо Солнца, существо Луны

и звезды». Причем под звездами понимается не что иное, как планетарные соседи нашей Земли. Таким образом, деяние, утвердившее своего рода равновесие, подготавливалось, с одной стороны, Солнцем, а с другой стороны, Луной; и в то же время подготавливалось воздействие духов человеческих душ, стремившихся к новому воплощению на Земле.

Итак, мы соотнесли четвертый день с тем временем, когда в лемурийскую эпоху после удаления Луны наступили условия, которые вы найдете описанными в моем «Тайноведении» и которые мы можем определить словами: духи человеческих душ снова устремляются вниз на Землю.

Но теперь мы должны обратить немного внимания на сопутствующие духовные состояния. Сейчас мы больше рассматривали то, что впоследствии стало физическим. Мы должны все больше и больше уяснять себе, что в основе всего более грубого лежит более тонкое, в основе всего стремящегося к физическому лежит духовное. Вместе с Солнцем от Земли ушли главным образом Элохимы, перенесшие свою арену вовне для того, чтобы воздействовать из окружения. Но не все. Нечто от Элохимов оставалось вместе с Землей также и тогда, когда Земля еще имела в своем теле лунные силы. И то, что оставалось тогда из духовных сил Элохимов с Землей, некоторым образом связано со всеми добрыми воздействиями лунных сил. Мы ведь должны говорить также и о добрых воздействиях лунных сил. После отделения Солнца все на Земле — и именно человек — было бы приведено в состояние мумификации, в отвердение, в одеревянелость. Человек умер бы для Земли. Земля стала бы пустынной, если бы она удержала в своем теле лунные силы. Внутри Земли эти силы не стали бы благодатными. Почему же они все-таки должны были некоторое время оставаться с Землей? Потому что человечество должно было перенести, так сказать, все земные видоизменения, потому

7 – 4074

что действительно в лице своих наиболее сильных представителей человечество должно было пройти и через это лунное уплотнение. Но потом, когда Луна отделилась от Земли, тогда вновь стали благодатными те силы, которые в противном случае повлекли бы за собой земную смерть человечества. После удаления Луны все снова оживилось, так что и более слабые души могли также сойти вниз и воплотиться в человеческих телах. Таким образом, Луна стала благодетелем Земли, сделавшись ее соседом. Существа, управлявшие всем рядом этих процессов, были великими благодетелями человека. Что же это за существа? Да именно те, которые были связаны с Луной, которые потом, так сказать, оторвали Луну от Земли, чтобы повести человека дальше в земном развитии. Мы ведь узнаем из повествования Книги Бытия, что Элохимы были великими направляющими силами. И силы Элохимов, вызвавшие величественное событие выделения Луны и благодаря только этому давшие человеку его собственное существо, были ни чем иным, как тем, что способствовало также космическому восхождению Элохимов к Яхве-Элохиму, что возвысило существо Элохимов до Яхве-Элохима. Оно оставалось вместе с Луной, оно также вывело потом Луну из нашей Земли. Поэтому мы можем сказать: с тем, что внутри нашего творения находится в качестве лунного тела, тесно связано то, что мы называем Яхве-Элохимом.

Теперь представим себе более подробно, что, собственно, означают эти видоизменения для человека в его земном становлении. Если бы человек остался связанным с Землей, удержавшей в себе Солнце, он сделался бы тогда существом, которое было бы, собственно говоря, ничем; он просто остался бы связанным с сущностью Элохимов; он не мог бы отделиться для самостоятельного бытия. Но поскольку Элохимы со своим Солнцем отделились от Земли, человек мог остаться связанным с Землей и жить своей душевно-ду-

ховной жизнью. Однако если бы это так и оставалось дальше, то человек затвердел бы в себе, он нашел бы смерть. Для чего же человек должен был прийти в состояние, дававшее возможность смерти? Для того, чтобы стать свободным; чтобы смочь оторваться от Элохимов и сделаться самостоятельным существом. В своей лунной части человек имеет в себе нечто ведущее, собственно говоря, к умиранию; и он получил бы, так сказать, слишком большую дозу этого, если бы Луна не отделилась от Земли. Но все же отсюда вы видите, что это лунное, будучи космической субстанциальностью, тесно связано с человеческой самостоятельностью.

Если вы возьмете теперь современные земные состояния, вы должны будете сказать себе: присущие им отношения наступили, собственно говоря, только после отделения Луны. Таким образом, в них уже не столько лунных сил, как это было раньше. Но человек в отношении зачатка своего физического и эфирного тела перенес также и лунное время, связь Земли с Луной; благодаря этому он имеет в себе именно то, что было принято Землей. Он носит в себе нечто из того, что там, вверху, находится на Луне. Он сохранил это еще из тех времен в своем физическом теле и эфирном теле. Таким образом, человек имеет в себе лунное; таким образом, он связан с этим лунным. Земля не вынесла бы этого лунного в себе; человек же имеет его некоторым образом в себе; он имеет, таким образом, задатки быть еще чем-то другим, нежели просто земным существом.

Обдумав все это, вы увидите, что как люди мы имеем под собой Землю и что из этой Земли должна была быть выброшена Луна. Но она была выброшена только после того, как человеку была привита необходимая доля ее сущности. Земля не несет в себе лунного; мы несем его в себе. Что стало бы с Землею, если бы от нее не была оторвана Луна? Взгляните на эту Луну другими глазами, нежели на нее так часто смотрят те-

перь. Все строение ее материи не такое, как у Земли. В грубо материальном смысле астроном-физик говорит, что Луна не имеет воздуха, едва имеет воду, то есть что она гораздо больше включена в твердое, чем Земля. Она содержит, следовательно, такие силы, которые повели бы Землю еще дальше в сторону отвердения, которые сделали бы эту Землю физически еще более твердой. Эти лунные силы сделали бы Землю физически более твердой, более растреснутой. Чтобы иметь наглядный пример того, чем стала бы Земля, если бы в ней остались лунные силы, представьте себе мысленно просто частицу земной материи где-нибудь на улице, пропитанную водой — например, что-нибудь вроде грязи; представьте себе, что вода постепенно испаряется, и тогда эта земная материя становится все более и более пылеобразной. Вы можете, так сказать, на наглядном примере наблюдать весь этот процесс, наблюдая после дождя за материей уличной грязи, постепенно переходящей в пыль. Нечто подобное в крупном масштабе произошло бы и с Землей — от трещин до масс пыли, — если бы лунные силы остались связанными с ней. Нечто сходное и произойдет однажды с Землей, когда она исполнит свою задачу. Она рассыплется в мировую пыль. Материя Земли растворится в пространстве как мировая пыль, когда человек проделает на ней свое развитие.

Так что мы можем сказать: Земля стала бы пылью; она имела в себе предпосылки к тому, чтобы стать пылью, рассыпаться на частицы пыли. Она была предохранена от такого преждевременного распыления только тем, что из нее была выведена Луна. Но в человеке осталось нечто из того, что, собственно говоря, имеет задатки стать пылью. Человек, благодаря всем описанным мною обстоятельствам, принимает в свое существо нечто из луновидного праха Земли. Таким образом, существа, связанные с Луной, придали, собственно говоря, человеческому существу что-то, что на

самом деле не принадлежит к земной массе, которую мы имеем непосредственно в своем окружении после отделения Луны; они запечатлели в человеческой телесности нечто от лунного праха Земли. Но так как с этим луновидным связан Яхве-Элохим, то это означает, что Яхве-Элохим есть тот, кто запечатлел луновидный прах Земли в человеческой телесности. И мы должны сказать, что в ходе земного развития должен был наступить момент, который будет правильно определить так: в космическом восхождении Элохимов наступило время, когда Яхве-Элохим запечатлел в человеческой телесности прах Земли, луновидный прах Земли. Неизмеримо глубоко то место в Библии, которое гласит: «И Яхве-Элохим образовал человека из пыли земли». Ибо оно значит именно это. И совершенно лишены смысла все переводы, гласящие, что Яхве-Элохим создал человека из горсти земли*. Прах земли запечатлел он ему.

Если мы находили уже многое, поражавшее нас трепетным благоговением перед тем, что говорит нам Библия через древних ясновидящих и что мы заново открываем через ясновидческое исследование, то в этих словах — «И Яхве-Элохим запечатлел в человеческой телесности лунный прах земли» — мы имеем такое место, которое должно еще более повысить наше благоговение перед повествованием древних ясновидящих в Книге Бытия. И когда эти древние ясновидящие сознавали, что они получают свой дар, делающий их способными говорить подобное, из областей, где действовали Элохимы и Яхве-Элохим, — когда они сознавали, что свою мудрость они воспринимали из областей самих творцов мира, — они могли сказать себе: в нас вливается в качестве знания, мудрости, идеи то самое, что формировало становление самой Земли,

* В переводе Лютера: Da machte gott der Herr den Menschen aus Erde vom Acker... (из пахотной земли) — *прим. перев.*

когда оно пряло и трудилось в этих существах. Так что мы можем в трепетном благоговении взирать на тех древних ясновидящих, подобным тому трепетному благоговению, с которым эти древние ясновидящие взирали в сферы, откуда к ним приходило их откровение, — в сферы Элохимов и Яхве-Элохима. Как могли бы они назвать существ, бывших основой Творения и их собственного познания? Какое слово должно было бы существовать для них, если не то, которое наполняло все их сердце, когда они воспринимали откровение сил, сотворивших мир. Взирая к ним, они говорили: наше откровение притекает к нам от божественно-духовных существ. Мы не можем найти для них никакого другого слова, кроме того, что выражает чувство нашего боязливого благоговения: «Те, перед кем мы ощущаем боязливое благоговение»? Переведем, как звучит на древнееврейском языке «Те, перед кем мы ощущаем боязливое благоговение». Это звучит «Элохимы». Это слово для обозначения тех, перед кем ощущают боязливое благоговение. Таким образом, вот ощущения древнего ясновидящего, слитые с именами тех мировых существ, к которым он возводил сотворение мира и собственное откровение.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 26 августа 1910 г.

Исходя из всего, о чем говорилось в течение последних дней и в особенности вчера, вы сможете приблизительно определить, к какому периоду времени — по нашему духовноведческому описанию — должны мы отнести повествование Книги Бытия. Мы уже указывали на то, что в первых монументальных словах Библии имеется в виду тот момент, который с духовнонаучной точки зрения мы можем определить приблизительно следующими словами: соединенная солнечно-земная субстанция только еще приближается к разделению. Затем наступает это разделение, и во время процессов разделения происходит все, что описывает нам Книга Бытия. В этом повествовании Книги Бытия имеется в виду все, следующее затем вплоть до лемурийских времен, вплоть до отделения Луны. И то, что духовная наука говорит нам затем о совершившемся выделении Луны, о ходе лемурийских времен, о начале времен атлантических, мы должны искать в описании того, что следует за днями творения. Мы уже говорили об этом вчера. Мы указывали также на то, какой глубокий смысл сокрыт в словах о том, что человек запечатлел в своей телесности лунно-земной прах. Это произошло во время того космического процесса, который мы определили как восхождение Элохимов к Яхве-Элохиму. Это восхождение мы должны представлять себе совпадающим с началом лунного влияния извне. Это влияние Луны, то есть того существа, которое было связано с процессом выделения Луны, а также с воздействием Луны извне, — мы должны представлять его себе именно как соборность Элохи-

мов, как то, что мы называем Яхве-Элохим. Так что мы могли бы сказать: влияние Луны на Землю в своей первой стадии соединено со всем тем, что мы можем назвать запечатлением лунно-земной материи в человеческом теле; состоявшему до этого только из тепловой стихии человеческому телу становится присущим то, что обыкновенно переводится словами: Яхве-Элохим вдохнул в человека божественное дыхание, и человек стал живой душой — или, лучше сказать — живым существом.

При этом мы не должны упускать из виду, как невероятно велики и значительны и здесь библейские выражения. Я уже указывал вам, что подлинное становление земного человека покоится на том, что человек должен был выжидать как духовное существо в духовном своем состоянии до тех пор, пока на Земле не установятся соответствующие условия для того, чтобы благодаря более позднему принятию своей телесности он мог стать зрелым существом. Если бы из своего духовного состояния он снизошел в телесное ранее — например, во время тех процессов, которые подразумеваются под так называемым пятым днем творения, — тогда он смог бы сделаться только существом, в физическом отношении подобным тем существам, которые описываются нам в качестве живущих в воздушных и водных сферах. Каким же нам представляет Книга Бытия это человеческое существо? Последнее представлено необычайно величественно; и выражения выбраны здесь так метко, что современный человек мог бы многому здесь научиться — именно в отношении правильного и меткого выбора выражений. Нам говорится, что существа, или родовые души, на пятый день творения погрузившиеся в земную материю, стали живыми существами — тем, что мы теперь называем живыми существами. Человек в это время еще не спускался. Те родовые души, которые еще пребывали в вышине, как бы в великом резервуа-

ре духовного, спустились позднее. И во время шестого дня творения спустились соседствующие с человеком высшие животные существа, земные животные. Таким образом, в начале так называемого шестого дня творения человек не должен был нисходить в плотную материю; ибо, если бы он уже тогда запечатлел в себе силы земного бытия, он стал бы в физическом отношении таким же существом, как земные животные. Сначала спустились родовые души высших земных животных, населивших уже не воздух и воду, а поверхность Земли. Только после этого постепенно появились такие условия, при которых могли образоваться зачатки позднейшего человека.

А как это происходило? На это величественным образом указывают нам слова о том, что существа Элохимов приступили к тому, дабы — согласно тому образу, который я вам описал, — создать человека и слить воедино свои деяния. Итак, мы должны сказать: прежде всего этот земной человек возник благодаря тому, что Элохимы — с их разнообразными, разделенными между ними способностями — действовали вместе как группа существ, имеющих общую цель. Таким образом, человек был прежде всего общей целью группы Элохимов.

Теперь мы должны создать себе более точное представление о том, каким образом возник человек в так называемый шестой день творения. Разумеется, он был тогда еще не таким, каким мы видим его перед собою теперь. Физическая телесность, в которой человек предстоит перед нами теперь, возникла только впоследствии, когда совершилось вдыхание Яхве-Элохимом живого Одема. Тот процесс, который описан нам как сотворение Элохимами человека, совершился прежде, чем земной прах внедрился в телесность. Каким же был человек, которого еще в течение так называемого лемурийского периода вызвали к бытию Элохимы?

Вспомните, что я уже неоднократно говорил вам о характере и природе современного человека. То, что мы называем современным человеком, в определенном смысле представляет собой что-то одинаковое лишь по отношению к высшим частям. В отношении же пола мы должны понимать человека таким образом, что выступающее перед нами в своем физическом мужском облике в эфирном, наоборот, является женским; точно так же выступающее перед нами в физическом женском облике в эфирном является мужским. Так разделено теперь человечество: то, что внешне является мужским, во внутреннем есть женское, то, что во внешнем является женским, есть во внутреннем мужское. Вследствие чего это произошло? Это произошло вследствие того, что в сравнительно позднее время после самих дней творения произошла дифференциация человеческой телесности. В тех людях, которые возникли в шестой день творения как общая цель Элохимов, еще не существовало этой дифференциации, этого разделения на мужчину и женщину; тогда люди обладали еще однородной телесностью. Всего яснее мы сможем представить себе это — поскольку вообще это возможно сделать образно — если мы скажем: именно физическая телесность была тогда еще более эфирной, но зато эфирная телесность была чуть плотнее, нежели теперь. Значит, то, что является теперь плотной физической телесностью, в те времена, когда создавали ее Элохимы, было еще не таким плотным, как теперь, а эфирная телесность была плотнее, нежели теперь. Дифференциация, уплотнение в направлении физического наступили позднее под влиянием Яхве-Элохима. Вы улавливаете, что созданного Элохимами человека мы совершенно не можем рассматривать в современном понимании мужского и женского; он одновременно был и мужским и женским — недифференцированный, нераздельный. Таким образом, человек, созданный так, как это передает Библия словами

Элохимов «сотворим человека!», был еще не дифференцированным, но мужским и женским одновременно; и благодаря этому творчеству Элохимов возник человек мужеско-женский. Таково первоначальное значение того, что так гротескно переведено в современной Библии. «И создали Элохимы человека — мужеподобным и женоподобным». Это «мужеподобным и женоподобным» — самый неорганичный перевод в Библии. Мы имеем в ней дело не с мужским и женским в смысле нашего времени, а с недифференцированным человеком, с мужеско-женским человеком.

Я очень хорошо знаю, что многочисленные экзегеты Библии восставали против такого истолкования и пытались, с некоторым ученым высокомерием, высмеивать то, что уже было установлено монументальной древнейшей экзегетикой, то есть как раз верное. Они пытаются восставать против такого толкования, согласно которому человек Элохимов был одновременно мужеско-женским и что таким образом подобие Элохимов — то, что возникло «по их образу», — является мужеско-женским человеком. Отрицающих это ученых толкователей я хотел бы спросить: на что они, в сущности, опираются? На ясновидческое исследование они опираться не могут, ибо оно говорит только то, что я сказал вам. На внешнее исследование? Но я хотел бы тогда спросить этих людей, могут ли они, на самом деле основываясь на библейском предании, отстоять какое-нибудь другое толкование, нежели предложенное выше? Нужно было бы рассказать таким людям, что, в сущности, представляет собой внешнее предание Библии. Когда, прежде всего посредством ясновидческого исследования, открывают истинное положение вещей — тогда врывается жизнь, свет врывается в этот библейский текст, и тогда незначительные отступления от традиции не мешают, ибо одно только знание истины приводит к правильному пониманию текста. Но нечто иное происходит, когда

к этим текстам подходят с филологической точки зрения. Нужно сказать, что вплоть до христианских веков не существовало ничего, касающегося первой части Библии, что могло бы побудить читать этот текст так, как его читают теперь. Гласные тогда вообще еще не были проставлены, и текст был в таком виде, что нужно было сначала разделить текст на отдельные слова. И только впоследствии были расставлены точки, в древнееврейском языке обозначавшие гласные. И я хотел бы знать, на каком основании — без подготовки на основе духовной науки — кто-нибудь хочет дать толкование первоначального текста, которое при соблюдении научной добросовестности можно было бы признать правильным?

Итак, в творении Элохимов мы имеем дело с подготовительной стадией человека. Все процессы, которые мы теперь называем «человеческим размножением», у человека были тогда еще более эфирными, более духовными. Я хотел бы сказать, что они находились тогда на более высокой ступени, или, пожалуй, на более высоком плане. Только творчество Яхве-Элохима сделало человека таким, каким он стал теперь. Этому должно было предшествовать закономерное сотворение других, низших существ. Таким образом, так сказать, благодаря преждевременному творческому акту стали живыми существами низшие животные существа. И выражение «nephesch»* одинаково применимо и к животному, и даже к человеку**. Но в каком смысле к человеку? В том смысле, что когда выступает Яхве-Элохим и делает человека человеком в современном смысле, — в этот момент Яхве-Элохим как бы запечатлевает человеку «n'schamah»***. И именно благодаря

---

* В 21 и 24 стихе первой главы Книги Бытия: «живое существо» — нефеш хайа, נֶפֶשׁ חַיָּה.

** в конце седьмого стиха второй главы: «и стал человек живым существом», нефеш хайа.

*** н'шамах נְשָׁמָה.

тому, что человек получил запечатленной высшую часть, он стал живым существом.

Теперь обратите внимание на то, какое бесконечно плодотворное, полное глубокого смысла понятие вносится в эволюционное учение именно через Библию! Разумеется, было бы совершенно неразумным отрицать, что в отношении внешней формации человек примыкает, так сказать, к высшей ступени животного царства. Тривиальности в этом отношении предоставим дарвинизму. Наиболее существенным является тот факт, что человек иначе, нежели другие, низшие существа стал живым существом — существом, характер которого можно определить словом «nephesch». Для этого он должен был получить высший член своего существа — тот член, который в отношении его духовно-душевного уже ранее был подготовлен.

Здесь мы подходим к другому параллелизму древнееврейского учения с нашей духовной наукой. Говоря о душевном в человечестве, мы различаем душу ощущающую, рассудочную и сознательную. Мы знаем, что вначале, в своем духовно-душевном виде, они возникли в течение периодов, обозначенных тремя первыми днями творения. Тогда образовались их зачатки. Но облекание, подлинное запечатление до такой степени, что физическое тело стало проявлением этой внутренней сущностной душевной природы человека, совершилось гораздо позже. Таким образом, мы должны установить, что сначала возникает духовное, что это духовное облекается потом прежде всего астральным, затем уплотняется все более и более вплоть до эфирно-физического и что только после этого запечатлевается духовное — то есть то, что уже ранее существовало, — в форме дыхания жизни. Итак, то, что подобно ядру было заложено в человеческом существе Яхве-Элохимом, было образовано уже ранее; оно пребывало в лоне Элохимов. Теперь оно запечатлено в человеке, телесность которого, с другой стороны, уже

развилась. Таким образом, это есть нечто, входящее в человека с другой стороны. И только после этого запечатления n'schamah стало возможно, чтобы в человека погрузилось то, что мы можем назвать зачатком "Я". Ибо эти древнееврейские названия — nephesch, ruach, n'schamah — не что иное, как то, что параллельно этому мы охарактеризовали с помощью наших духовнонаучных определений. Nephesch по отношению к человеку мы должны представлять себе соответствующим душе ощущающей, ruach определяет душу рассудочную, n'schamah — душу сознательную.

Таким образом, все развитие мы должны представлять себе как чрезвычайно сложный процесс. Все относящееся к самим дням творения и являющееся творением Элохимов, так сказать, до их воздвижения в Яхве-Элохим, мы должны представлять себе происходящим в высших духовных областях; в то время как то, что мы можем теперь физически наблюдать в мире людей, появилось только вследствие деяния Яхве-Элохима.

Сознанием всего того, что мы находим в Библии — того, что единственно может дать нам понимание подлинной природы человека и вновь открывает нам только ясновидящий взор, — еще обладали получившие в различных местах посвящение греческие философы. И прежде всего это Платон; даже еще и Аристотель. Кто знаком с Платоном и Аристотелем, тот знает, что у Аристотеля еще есть сознание того, что живым существом человек стал только благодаря высшему духовно-душевному члену, в то время как низшие существа проходили через иные этапы эволюции. Аристотель представлял себе это приблизительно так: низшие животные существа благодаря иным актам эволюции стали такими, каковы они теперь; но в то время, когда смогли действовать силы, действующие в животном, человеческая духовно-душевная сущность, еще пребывавшая в высших областях, еще не должна была становиться земной и плотской. Она осталась бы тогда на

низших животных ступенях. Человеческая сущность должна была ждать. И низшие животные ступени должны были лишиться своей гегемонии вследствие насаждения человеческого члена. Для этого существует еще одно выражение, которое употребляет Аристотель: phtheiresthai*. Аристотель употребляет это выражение в том смысле, который можно передать приблизительно так: разумеется, с внешней точки зрения у человека имеются те же функции, что и у животной натуры — в отношении внешней телесности; но в животной натуре они действуют преобладающим образом; в человеке же они низведены с престола своей гегемонии и должны следовать высшему принципу, это и значит phtheiresthai.

И это лежит в основе библейской истории сотворения мира. Благодаря запечатлению n'schamah низшие члены были развенчаны в своей гегемонии. Так, получив носителя своего "Я", человек обрел высший член. Но вследствие этого и та природа, которой он обладал раньше, бывшая более эфирной, дифференцировалась на одну ступень по направлению вниз. Он получил внешний телесный член и член внутренний, более эфирный; один утончается, другой уплотняется. В случае человека повторяется схема всей эволюции. Мы видели, как тепло уплотнилось в воздух и утончилось в свет; как затем воздух уплотнился в воду и утончился в звуковой эфир и т. д. Тот же процесс на высших ступенях совершался с человеком. Мужеско-женское дифференцируется на мужчину и женщину и далее дифференцируется таким образом, что более плотная физическая телесность направляется вовне, а телесность более тонкая, эфирная, невидимо направляется внутрь. Тем самым мы указали на нечто, являющееся развитием от творения Элохимов до творения

* phtheiresthai (греч.) в лекции ошибочно передано словом «sphairestai».

Яхве-Элохима. Человек в своем нынешнем виде есть, значит, создание Яхве-Элохима. То, что мы называем шестым днем творения, по времени совпадает с нашим лемурийским периодом, относительно которого мы можем говорить о мужеско-женском человеке.

Но в Библии говорится также и о седьмом дне творения. Об этом седьмом дне нам говорится, что работа Элохимов сменилась покоем. Что это, в сущности, значит? Как должны мы понимать это дальнейшее повествование? Мы только тогда будем правильно рассматривать его в смысле духовной науки, когда уясним себе, что именно в это время для Элохимов наступает момент восхождения, момент перехода их в Яхве-Элохим. Но мы не должны рассматривать Яхве-Элохима как поглотившего Элохимов; мы должны это понимать так, что Элохимы как бы отдали часть своего существа лунному существу и удержали то, что не пребывало внутри этой отданной ими части своего существа, и таким образом, в этом древнем члене своего существа они проходили свою собственную дальнейшую эволюцию. Сказанное означает: их работа — в отношении этого члена — не изливается более в становление человека. Они продолжают действовать на становление человека той частью своего существа, который стал в них Яхве-Элохимом. Остальное уже не действует на Землю непосредственно; оно посвящается собственной эволюции. Таково значение «покоя» от земной работы, дня Sabbath, седьмого дня творения.

Теперь мы должны отметить еще нечто важное. Если все, что я сказал вам, верно, тогда человека Яхве — человека, которому Яхве напечатлел свою собственную сущность, — мы должны рассматривать как прямого потомка того как бы более эфирного, более пластичного человека, созданного в шестой день творения. Таким образом, мы имеем прямую линию, ведущую от того человека, который был еще мужеско-женским, еще более эфирным — к человеку физическому.

Физический человек является потомком, так сказать, уплотненным состоянием эфирного человека. Таким образом, желая описать человека Яхве, переходящего в Атлантиду, нужно было бы сказать: «И человек, созданный Элохимами в так называемый шестой день творения, развивается далее в однополого человека, в человека Яхве». И рожденные после семи дней творения являются потомками человека Элохимов — потомками того, что вообще вступило в бытие в течение шести дней творения. И Библия вновь являет нам свое величие, когда во второй главе она рассказывает нам, что действительно человек Яхве — потомок того, если можно так выразиться, небесного человека, что был создан Элохимами в шестой день творения. Подобно тому, как сын является потомком отца, точно так же человек Яхве является потомком человека Элохимов. Это рассказывает нам Библия, говоря в четвертом стихе второй главы: те, кто последуют затем, будут потомками, последующими племенами небесных существ.

Так сказано там. Прочтите Библию так, как обыкновенно теперь ее читают; вы найдете в ней удивительное место: «Сие о возникновении неба и земли, о их создании в тот день, когда Господь Бог сотворил землю и небо». Обыкновенно соборность Элохимов называется «Богом», а Яхве-Элохим — «Господь Бог». «Господь Бог сотворил землю и небо». Я очень прошу вас внимательно вдуматься в это выражение и потом добросовестно постараться связать с ним какой-нибудь смысл. Я хотел бы знать, кто может это? Тот, кто это может, не должен оглядываться на другие места Библии, ибо здесь стоит именно слово «tol'dot*», обозначающее «последующие племена», которое здесь употребляется в том же смысле, как в другом месте, когда речь идет о последующих племенах относительно Ноя**. Та-

* тол'дот, תּוֹלְדוֹת.

** в начале десятой главы: «Вот родословие (тол'дот) сынов Ноевых».

ким образом, здесь говорится о людях Яхве как о племенах, наследующих небесным существам в том же смысле, как в другом месте говорится о потомках Ноя. Так что это место нужно читать приблизительно в таком смысле: «То, что следует за этим и о чем будет говориться в дальнейшем изложении, — это потомки существ неба и земли, созданные Элохимами и преобразованные далее Яхве-Элохимом»*.

Таким образом, и согласно Библии человека Яхве нужно рассматривать как потомка человека Элохимов. Тому, кто в связи с тем, что речь идет о том, что «Господь Бог создал людей» настаивает на предположении, будто мы здесь имеем дело со вторым описанием сотворения мира, — тому я советую точно так же и одну из ближайших глав — пятую, которая обыкновенно начинается словами «это есть книга племен»** (здесь, как и в других местах, стоит как раз слово «tol'dot»), дабы получить уже совершенно радужную Библию, — обозвать еще третьим описанием сотворения мира. Тогда у вас все будет составлено из отдельных клочков Библии. Будут отдельные клочки, но уже не будет Библии. Но если мы в нашем изложении продвинемся далее — мы сможем объяснить и то, о чем говорится в пятой главе.

Таким образом, когда мы рассматриваем эти вещи действительно с внутренней точки зрения, мы видим, что мы имеем здесь дело с полным соответствием Книги Бытия, библейского рассказа о сотворении мира тому, что мы можем установить с помощью духовной науки, или тайноведения. Исходя из этого, мы должны спросить себя: что же, в сущности, подразумевается под теми более или менее образными выраже-

* Иными словами, Быт. 2:4: «Сие есть родословие (тол'дот) [потомков существ] неба и земли...» и т. д. — *прим. перев.*

** Быт 5.1 в переводе Лютера: «Это книга Адамова племени» — ср. русск. синодальный перевод: «Вот родословие [тол'дот] Адама» — *прим. перев.*

ниями, которые употребляются в Библии? Что представляют собою объекты этого повествования? Мы должны для этого уяснить себе, что мы найдем там то же самое, что открывается благодаря ясновидческому исследованию! Как смотрит теперь ясновидящий взор в сверхчувственном на происхождение нашего земного бытия, так смотрели в сверхчувственное и те, кто создали в первоначальной форме библейское повествование. Ясновидчески постигались факты, сообщенные нам здесь в первоначальной форме. Таким образом, когда то, что называют седой древностью, восстанавливают в духе чисто физического воззрения, ориентируются по останкам, находимым внешним образом. И когда обращаются ко все более удаленным во времени событиям физической жизни — тогда физические образы становятся все более туманными. Но в этом туманном царят и прядут духовные существа. И сам человек по отношению к своему духовному началу вначале пребывал внутри этих прасуществ. И если мы продолжим наше исследование земного бытия вплоть до тех времен, которые имеет в виду Книга Бытия, тогда наше земное бытие, так сказать, перейдет в свои духовные изначальные состояния. Под днями творения подразумеваются духовные состояния становления бытия, постигаемые только в ясновидческом исследовании; и речь идет о том, что физическое постепенно развивалось из духовного.

Ясновидящему взору это становление представляется таким образом: когда он обращается к явлениям, описываемым нам Книгой Бытия, он видит прежде всего процессы духовные. Все описанное там представляется в качестве духовных процессов. Ничего, совершенно ничего не увидел бы физический глаз: он смотрел бы в ничто. Но — как мы видели — время стремится вперед. Постепенно для ясновидящего наблюдения кристаллизуется из духовного в твердое, подобно тому, как лед образуется из воды и становит-

ся твердым. Из волнующегося моря астрального и деваханического всплывает то, что отныне может быть видимо физически. Итак, в дальнейшем ходе исследования, внутри картины, первоначально видимой только духовно, физическое проявляется как бы кристаллизацией в духовном. Отсюда ясно, что и человек в ранние периоды не мог бы открыться физическому глазу. Вплоть до шестого, седьмого дня творения — то есть вплоть до нашей лемурийской эпохи — физический глаз не мог бы увидеть человека, ибо он существовал тогда только в духовном виде. И это составляет великое различие между истинным эволюционным учением и надуманным. Последнее верит, что существует только процесс физического становления. Но не так возник человек, что низкоразвитые существа доросли до человеческого образа. Это самое фантастическое, что только можно себе вообразить: будто животная форма превращается в высшую форму человека. В то время, когда возникли эти животные формы и здесь внизу развивали свое физическое начало, человек уже давно существовал. Только он гораздо позднее нисходит и присоединяется к ранее спустившимся животным существам. Тому, кто не в состоянии так рассматривать эволюцию, просто нельзя помочь, ибо он находится под гипнозом современных понятий; не под влиянием естественнонаучных фактов, но под гипнозом современных мнений.

Желая охарактеризовать развитие человека в связи со всем остальным становлением, мы должны будем сказать: в эволюционном ряду мы имеем перед собой возникновение, во-первых, птиц и морских животных как двух ветвей; затем земных животных в качестве отдельной ветви. Одна соответствует так называемому пятому дню творения, другая — шестому. И после этого появляется человек, но не в качестве продолжения этой линии, этого ряда, а в результате нисхождения на Землю. Таково истинное эволюци-

онное учение. И оно изложено в Библии точнее, нежели в любой современной книге, предающейся материалистической фантастике.

Вот, мои дорогие друзья — это только отдельные замечания. В последней лекции цикла всегда приходится иметь дело с дополнительными замечаниями. Потому что, собираясь осветить такую тему надлежащим образом со всех сторон, нужно было бы говорить в продолжении месяцев: ведь Книга Бытия содержит в себе невероятно много. Наши циклы могут рассматривать всегда только отдельные моменты, отдельные мысли. И только к этому стремился я и на этот раз. Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что мне было очень нелегко приступить именно к этому циклу лекций; ибо тому, кто слышит все это, нелегко составить себе представление о том, как труден путь, ведущий к этим глубоким основам библейской истории творения; и как трудно действительно найти параллелизм ранее открытых духовноведческих фактов с соответствующими библейскими местами. Когда добросовестно подвигаются в этом направлении — это становится чрезвычайно трудной работой. Часто думают, что ясновидящий взор легко проникает повсюду. Кажется, что достаточно только взглянуть — и все откроется само собой. Да, тот, кто наивно относится к вещам, думает, что все можно легко объяснить. Но чем дальше проникают — это имеет место даже и во внешних исследованиях — тем больше возникает трудностей; но когда выходят за границы физического и вступают в ясновидческое исследование, тогда только встают настоящие трудности, и тогда возникает чувство великой ответственности, которое должно быть присущим вообще каждому, кто собирается пусть даже только намекнуть на такие вещи. Тем не менее, мне кажется, что я в этом цикле лекций не употребил ни одного слова, о котором я не мог бы сказать: оно может остаться

и — насколько это возможно — оно является адекватными выражением на немецком языке того, что может привести к правильному пониманию. Но все это было очень непросто.

Видите ли, возникло намерение — в начале или в конце этого цикла — попросить нашего милого друга господина Зейлинга[7] с тем же искусством, которое вы могли вчера почувствовать в его лекции, прочесть изложение семи дней творения Книги Бытия. Но вы легко согласитесь, что невозможно было читать обыкновенные тексты, после того как именно в этом цикле была сделана попытка в более точных выражениях изложить то, что, в сущности, сказано в Книге Бытия. И возникла слабая надежда, что, быть может, сегодня, в конце, может быть прочтено нечто вроде перевода, сделанного на основании духовных исследований. Но при огромном количестве личных аудиенций в последние дни было бы совершенно невозможным даже попытаться сделать какой-нибудь перевод Книги Бытия*, пригодный для рецитации. Было невозможно заняться этой работой с надлежащей добросовестностью; но я постараюсь сделать это попозже. Для начала удовлетворимся теми побуждениями, которые могут исходить из этого цикла. Ибо я могу уверить вас: я считаю подлинный перевод работой, требующей, быть может, во сто крат больше духовной силы, нежели та, которую нужно было затратить, начиная с первого момента, когда возник зачаток нашей розенкрейцерской Мистерии, и вплоть до последнего, когда совершилось ее исполнение. Тот, кто знаком с этими трудностями, признает восстановление правильного текста Библии во сто крат более трудным, нежели те, сами по себе нелегкие вещи, которые мы пытались осуществить в нашей розенкрейцерской Мистерии. Именно тогда и нарастают трудно-

* В дальнейшем перевод Книги Бытия так и не был предпринят Рудольфом Штайнером.

сти, когда продвигаются вперед в том, что дано нами в качестве великих откровений мира, и хорошо, что мы знакомимся с этим фактом. Ибо именно благодаря тому, что мы учимся видеть и узнавать эти трудности, мы продвигаемся все дальше и дальше в правильном понимании антропософских принципов.

Антропософия должна чувствовать свое сердце открытым перед всем, что должно действовать совместно, дабы могла осуществиться антропософская работа. Поэтому, подвигаясь вперед с определенными методами работы, мы не должны рассматривать другие методы как нечто не имеющее к нам никакого отношения. Развитие нашего времени, духовная эволюция нашего времени требует многообразных путей, ведущих к той великой цели, которую имеем в виду мы все. И если мне, на моей ниве, надлежит выступать перед вами только в области эзотерической работы, то вы ни в коем случае не должны понимать это так, будто я исключаю другие методы работы. Я должен упомянуть об этом именно в конце настоящего цикла, который с помощью эзотеризма ввел нас в такие высокие области духоведческого исследования; и именно ввиду этого я хотел бы указать вам на то, что было бы хорошо, если бы вы со всех сторон извлекали помощь для антропософского мировоззрения и если бы вы знакомились также и с тем, что, исходя из других методов, примыкает к нашей эзотерике. Поэтому я хотел бы указать вам на благотворность одной книги, написанной нашим милым другом господином Людвигом Дейнхартом*, где прекрасно сопоставлено все исходящее из других методов исследования, и эта книга может быть полезной для того, чтобы, так сказать, быть всесторонним в этой области. И так как в этой книге искалась и была представлена прекрасная гармоническая связь как

* Тайна человека в свете психологического исследования. Введение в оккультизм. Берлин, 1910.

раз и с нашего рода эзотеризма, то нам, антропософам, это произведение может быть только полезным. Вы найдете там многое, что может быть вам полезно на антропософском пути.

Я мог бы указать еще на многое другое. Прежде всего я хотел бы указать на то сопутствующее, что встречает нас как бы при переходе со ступени на ступень в особенности в этих лекциях: на необходимость того, чтобы антропософское учение стало в нашем сердце и в наших чувствах тем, что действительно ведет нас все выше и выше, со всей энергией нашей внутренней жизни, ко все более высоким формам чувств, к сердечной широте мировосприятия. Только становясь лучшими людьми в области интеллектуальной, моральной и в области чувств, заложим мы пробный камень для плодотворности того, что может прийти к нам в антропософской области. Таким образом, мы должны сказать, что именно учения, демонстрирующие нам параллелизм нашего духовноведческого исследования с Библией, могут быть особенно плодотворными. Ибо именно благодаря этим учениям мы узнаем, как мы сами «укореняемся», «настаиваемся» — как сказал бы Яков Бёме[8] — в том сверхчувственном духовном лоне, где имеют свои корни, свое первоначало и сами Элохимы, в своем развитии восшедшие к Яхве-Элохиму, к этой более высокой форме развития, дабы воплотить ту великую цель своего творчества, которую мы называем человеком. Отнесемся же к этому нашему возникновению с необходимым благоговением, и отнесемся к нему также с необходимым чувством ответственности! Со своими лучшими силами приступили к нашей эволюции Элохимы, со своими лучшими силами приступил к ней Яхве-Элохим; посмотрим же на это изначальное происхождение наше как на наш долг перед своей человеческой натурой, чтобы мы также все более и более воспринимали те духовные силы, которые вступали в земное бытие в ходе последующей эволюции.

Мы говорили о влиянии Люцифера. По причине этого люциферического влияния в лоне той духовности, где возникал первоначально и человек, осталось нечто, в позднейшую эпоху вновь выступившее благодаря воплощению Христа в теле Иисуса Назарянина. С тех пор Христос в земном бытии действует как другой божественный принцип. И взгляд на великие истины Книги Бытия должен обязывать нас все более и более принимать в нашу собственную сущность это духовное существо Христа. Ибо только благодаря тому мы выполним вполне нашу человеческую задачу, что мы проникнемся этим Христовым принципом; только так будем мы на Земле все более и более становиться тем, зачаток чего уже существовал в нас в те времена, которые имеет в виду библейский рассказ о сотворении мира.

Таким образом, ряд подобных лекций может привести не только к тому, что мы принимаем то или иное учение, но и к тому, что в нашей душе возникают силы. И да будут действовать в нас и далее эти силы, эти учения, которые влились в нас из более близкого рассмотрения Книги Бытия, даже если мы опять забудем многие подробности. Быть может, так нужно сказать в заключение этих дней, благодаря которым мы на краткое время вновь хотели окунуться в поток антропософской жизни: постараемся из этих учений унести с собой те силы, которые могут исходить из них. Унесем их вовне и сделаем там свою жизнь плодотворной под действием этих сил! И что бы мы ни делали, в какой бы области бытия, на каком бы мировом поприще мы ни работали, эти силы смогут не только воспламенить, оплодотворить наше творчество, нашу работу, но и повысить нашу жизнерадостность и наше жизнелюбие. И никто, поняв в истинном смысле великое происхождение человеческого бытия, не может вступить в дальнейшее бытие, не приняв в себя этого учения как импульс жизнелюбия и радости жизни. Если вы соби-

раетесь приступить к делам любви — пусть в ваших глазах светится истина великого, могучего происхождения и великого предназначения человека, и таким образом вы лучше всего проявите то, чем является антропософское учение. Делом будет оправдываться это антропософское учение, воодушевляя окружающих людей, радуя, освежая и оздоровляя нашу собственную духовность, нашу собственную душу, нашу собственную телесность. Благодаря тому, что мы принимаем в себя антропософское учение, мы должны стать лучшими, более здоровыми, более сильными людьми.

В этом направлении прежде всего должен был бы действовать такой цикл лекций. Он должен быть только семенем, которое погружается в душу слушателя, укореняется и вовне, в мир, приносит свои плоды для окружающего. Так, покидая друг друга физически, мы остаемся соединенными в духе антропософами и стремимся работать вместе, проводя это учение в жизнь. Будем же проникнуты этим духом, и пусть он не ослабеет в нас до того момента, когда не только в духовной области, но и в физической, мы увидим осуществившимся то слово, которое и в этот раз я хотел бы произнести последним: до нового свидания!

Примечания

В своем предисловии к первому книжному изданию этого цикла лекций, вышедшему в 1932 г., Мария Штайнер так описывает ситуацию, ставшую отправной точкой для этого цикла:

«Публикации этого цикла лекций, прочитанного Рудольфом Штайнером в 1910 году и посвященного "Тайнам библейской истории сотворения мира", предшествовали две постановки на мюнхенской сцене: повторение уже поставленной в 1909 году драмы Эдуарда Шюре "Дети Люцифера" и розенкрейцерская мистерия Рудольфа Штайнера "Врата Посвящения". Последняя непосредственно не связана с тематикой лекций, как это было в предыдущем году, когда заголовком значилось "Восток в свете Запада. Дети Люцифера и братья Христа", но по настроению, связанному с пережитым драматическим действием, и по содержанию материалов многое возвращало к последовавшему за розенкрейцерской драмой лекционному циклу. Поэтому кажется не только правомерным, но и исторически обоснованным предпослать циклу вводную лекцию, объединяющую оба мероприятия, что образовывала бы пролог к рассмотрениям Книги Бытия и в то же время касалась драматических ситуаций и проблем, представленных на сцене, — благодаря этому проясняются многие познавательные проблемы. Мы приводим эту лекцию в сокращенном виде, опуская личное, где содержатся слова благодарности за сотрудничество и признание трудового вклада — теперь это дело прошлого, но стремясь удержать для будущего то, что может для него стать источником познания и стимулятором энергии».

Источник: Лекции были прочитаны Рудольфом Штайнером по собственной инициативе и застенографированы неизвестным слушателем. После расшифровки стенограмм, они были впервые изданы на правах рукописи в 1911 г. Все последующие переиздания основываются на этой первой публикации.

Заглавие тома восходит к Рудольфу Штайнеру; развернутое оглавление составлено издателями.

Начиная с третьего издания, текст вступительной лекции приводится без сокращений, поскольку он уже стал фрагментом истории антропософского движения.

Ссылки на труды Рудольфа Штайнера из состава Полного собрания сочинений указаны в примечаниях их номером по каталогу.

1. В стенограмме обычно стоит «теософское». В предисловии к «Поворотному моменту духовной жизни» Рудольфа Штайнера Мария Штайнер пишет: «Сначала Рудольф Штайнер попробовал придать исстари почитаемому слову «теософия» былую респектабельность; при этом он мог опираться на Якоба Бёме и поздних немецких мыслителей. Но необходимость дистанцироваться от того, что на заре XX века узурпировало этот термин, понудила его для своего западно-христианского духовного течения выбрать название “антропософия” — название глубоко обоснованное, ибо лейтмотивом движения было познание мира и духа через познание человека. Но чаще всего он просто употреблял понятие “духовная наука”».

2. «Дети Люцифера» — драма Эдуарда Шюре в переводе Марии Штайнер-фон Сиверс, переложенная свободным размером Рудольфом Штайнером (Дорнах, 1955 г.).

3. «Великие Посвященные» — книга Эдуарда Шюре в переводе Марии Штайнер-фон Сиверс с предисловием Рудольфа Штайнера.

4. София Штинде (1853—1915) была вместе со своей подругой Паулиной фон Калькройт (1856—1929) руководительницей главной мюнхенской ветви, а в 1907—1913 гг.— ведущим организатором мюнхенских праздничных представлений; в дальнейшем — сооснователъница и первый председатель (1911—1915) строительного объединения. «Ей мы обязаны, помимо организации работы в Мюнхене, осуществлением постановок драм-мистерий д-ра Штайнера на сцене. А к этому примыкает еще реализация строительных замыслов» (Мария Штайнер). Ср. лекции Рудольфа Штайне-

ра, прочитанные после смерти Софии Штинде в Штутгарте от 22, 23, 24 ноября 1915 г. в «Духовных подосновах Первой мировой войны» (ПСС. Т. 174).

5. См. третий том «Естественнонаучных сочинений Гёте», изданных и прокомментированных Рудольфом Штайнером в Кюршнеровой «Немецкой национальной литературе» (1883—1895, в пяти томах) — (ПСС. Т. 1 (а-е)). Кроме того: Штайнер Рудольф. Сущность красок. (ПСС. Т. 291).

6. Журнал, издававшийся Рудольфом Штайнером в 1903—1908 гг. Статьи, о которых идет речь, опубликованы в книге Рудольфа Штайнера «Из летописи мира» (ПСС. Т. 11).

7. Максимилиан Гюмбель-Зайлинг (1879—1964) — актер, декламатор. Исполнитель роли Штрадера в драмах-мистериях Рудольфа Штайнера.

8. Якоб Бёме (1575—1624) — мистик и философ. Ср. Штайнер Рудольф. Мистика на заре современной духовной жизни и ее отношение к современному миросозерцанию (ПСС. Т. 7).

Перевод по изданию 1984 г.
*Die Geheimnisse der biblischen Schöpfungsgeschichte
Das Sechstagewerk im 1. Buch Moses*
из Собрания сочинений Р. Штайнера
(Gesamtausgabe, GA), выпускаемого
издательством Rudolf Steiner Verlag (Дорнах,
Швейцария) под редакцией Управления наследием Р. Штайнера. В состав Управления
также входит Архив
Рудольфа Штайнера, продолжающий
публикацию материалов за счет пожертвований. Информацию об Архиве и
Международной ассоциации Архивов
Штайнера
можно получить по адресу:
Rudolf Steiner Archiv, Postfach 135,
CH-4143 Dornach,
а также — http://rudolf-steiner.com.

Рудольф Штайнер
Тайны библейской истории сотворения мира
(Шестоднев Книги Бытия)
Цикл из десяти лекций и одна вводная лекция
Мюнхен, с 16 по 26 августа 1910 года
Библ. №122
Сверка и редакция Соломона Шнитцера

Ответственный редактор серии
Шаэн Еремян

Литературный редактор
Олег Фомин

Корректор
Валерия Ахметьева

Компьютерная верстка
Шаэн Еремян

Подписано в печать 22.06.04. Формат 84 × 108/32
Бумага офсетная. Гарнитура «Баскервиль»
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ 4074.

ООО Издательство «Энигма»,
129110, Москва, ул Гиляровского, 39
+ 7 095 6845334
http://aenigma.ru
ООО Издательство «Антропос»,
375019, Ереван, пр-т Маршала Баграмяна, д. 50г, 9-10
+ 3741 261038

Отпечатано в соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Можайск,
ул. Мира,
93

9789993078456

Р. Штайнер. Работа Элохимов: существо Света излучается на Землю